

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

Г.А. Гребенщикова — Петербург — Париж — Константинополь в ракурсе внешней и морской политики в 1791—1796 гг. 7

СООБЩЕНИЯ

С.Ю. Каргапольцев, И.Ю. Лапина — Новый дворец в петергофской Александрии как собственная дача императора Николая II: прошлое и настоящее 25

М.Н. Козлов — К вопросу о древнерусском жреческом уставе..... 50

Н.Э. Каримова, Ж.М. Тулибаева — Китайские и тимуридские источники о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии в конце XIV — первой четверти XV в. ... 64

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

В.О. Терентьев, Е.А. Терентьева — Судоремонтный завод «Тосмаре» и его рабочий батальон накануне и в начале Великой Отечественной войны 80

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Э.А. Асланова, С.Р. Багирова, Т.Г. Бехбутова** — Основные направления сотрудничества между Азербайджаном и Республикой Дагестан Российской Федерации..... 96

НАРОДЫ РОССИИ

- З.Э. Джиева** — Скифо-Аланская генеалогия рода Чингис-хана 101

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Р.Ю. Болдырев, Г.С. Рагозин** — Антинаполеоновская мобилизация и создание образа единой империи в Австрии 1808—1809 гг. на примере газеты «Новостной бюллетень Австрийской империи» 111

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В.Н. Васильева, Л.Н. Лобченко** — Исторический анализ решения проблем беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних детей-сирот в России XVI—XX вв. 125
- К.В. Корсаков** — Первоначальные формы уголовного наказания в истории Древнего мира 137
- А.М. Ибрагимов** — Политика шаха Аббаса I в Дербенте.. 145

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- В.А. Ахмадуллин** — Деятельность Совета по делам религиозных культов по исследованию зарубежного ислама в первое послевоенное десятилетие 150

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.И. Тетуев** — Историческая память о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) 158
- В.Г. Кикнадзе** — Войтиков С.С. Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964 172

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Оборонительный рубеж по государственной границе войсками своевременно занят не был» (22 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — ответы на вопросы Военно-научного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР бывшего начальника штаба 28 стрелкового корпуса 4-й армии Западного особого военного округа генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина от 1953 года. Они касаются обстоятельств развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Западный особый военный округ, М. Ф. Лукин.

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the answers of the former Chief of Staff of the 28th rifle corps of the 4th army of the Western special military district Lieutenant General Mikhail Lukin to the questions of the Military scientific department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR dated 1953. They relate to the circumstances of the deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border on the eve of the Great Patriotic war. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Western special military district, Mikhail Lukin

---

В конце 1940-х гг. Военно-научное управление Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР приняло решение обобщить представлявшийся неоднозначным опыт сосредоточений и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы 1941 г. накануне Великой Отечественной войны. С этой целью

были заданы вопросы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов.

Ниже приводятся ответы на поставленные вопросы бывшего начальника штаба 28 стрелкового корпуса 4-й армии Западного особого военного округа генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина, датированные 12 ноября 1953 г. (на тот момент он занимал должность старшего преподавателя Военно-воздушной академии имени К.Е. Ворошилова):

«На должность начальника штаба 28 стрелкового корпуса в г. Брест я прибыл в марте месяце 1941 года. Корпусом в то время командовал генерал-майор (ныне генерал-полковник) ПОПОВ Василий Степанович.

На поставленные вопросы могу кратко доложить только то, что сохранилось в памяти за 12 лет, прошедших со времени начала войны:

1. План обороны государственной границы, а также инструкция о подъеме и развертывании войск по боевой тревоге были разработаны и доведены до соединений и частей корпуса.

Для проверки реальности этого плана и инструкции, до начала войны, примерно в период март-май месяцы 1941 г. было проведено не менее двух поверочных боевых тревог в присутствии ответственных представителей командования Западного Особого военного округа. Основные силы гарнизона г. Брест — 6 стрелковая дивизия и часть 42 стрелковой дивизии были размещены в Брестской крепости, окруженной реками Западный Буг и Мухавец. При проведении боевых тревог и развертывании частей Брестского гарнизона наибольшие затруднения встречал вопрос вывода войск из крепости по двум имеющимся мостам (один каменный и один деревянный). Об этом и о необходимости разгрузки крепости от войск неоднократно как командиром корпуса, так и мною лично докладывалось по команде.

2. Оборонительный рубеж по линии государственной границы представлял систему окопов, ходов сообщений и дерево-земляных оборонительных сооружений, строительство которых еще не было закончено к началу войны. При заблаговременном занятии войсками этого рубежа, с последующим развитием работ по его усовершенствованию, он мог бы обеспечить отражение атак немецко-фашистских частей на Брестском направлении.

3. До момента нападения врага никаких указаний или распоряжений о подъеме войск и выводе их для занятия оборонительных рубежей ни от штаба 4 армии, в состав которой входил 28 ск (стрелковый корпус. — П.И.), ни от штаба округа получено не было, хотя телефонная связь до этого момента работала исправно. Поэтому оборонительный рубеж по государственной границе войсками своевременно занят не был.

4. Массированный артиллерийско-минометный огонь по крепости и военным объектам города был начат примерно в 4 часа 15 минут 22 июня 1941 года, в сочетании с ударами авиации — внезапно. В этих условиях несколько стрелковых батальонов 6 стрелковой дивизии, работавших на границе по сооружению укрепленного района вступали в бой разрозненно.

Часть гарнизона г. Бреста (6 и 42 стрелковых дивизий), которую под массированным огнем противника удалось вывести из крепости, развернулась по указанию командира корпуса на высотах непосредственно

восточнее Брест и вступила в упорный бой с наступающим врагом. Бои на рубежах восточнее Брест продолжались примерно до 16—17 часов 22 июня, когда обходящие танковые группировки немцев вынудили командование корпуса отводить войска на последующие рубежи.

5. К моменту начала боевых действий зенитный артиллерийский дивизион корпуса и некоторые части связи дивизий находились на окружающих и армейских учебных сборах.

Корпусные артиллерийские полки, расположенные на восточной окраине города, также подверглись сразу массированным артиллерийским налетам и ударам авиации противника.

Отдельные батареи этих полков присоединились к корпусу в ходе боев.

Обеспеченность боеприпасами частей и соединений корпуса к началу боевых действий, насколько я помню, была не менее 1-го боевого комплекта».

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

“Defensive line along the state border was not promptly occupied by troops” (June 22, 1941)

At the end of the 1940s, the Military-scientific Department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR decided to summarize the ambiguous experience of concentration and deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border of 1941 on the eve of the Great Patriotic war. To this end, questions were asked to the participants of these events, who held various positions in the troops of military districts during the initial period of the war.

Below are the answers to the above-mentioned questions posed by the former Chief of Staff of the 28th rifle corps of the 4th army of the Western special military district Lieutenant General Mikhail Lukin, dated November 12, 1953 (at that time he held the position of senior lecturer at K. E. Voroshilov Air Force Academy):

“For the position of chief of staff of the 28th infantry corps in Brest I arrived in March 1941. The corps at that time was commanded by Major-General (now Colonel-General) POPOV Vasily Stepanovich.

On the questions raised I can briefly report only what is preserved in the memory after 12 years since the beginning of the war:

1. The plan of defense of the state border, as well as instruction on the rise and deployment of troops on alert were developed and brought to the compounds and parts of the corps.

For a reality check of the plan and instructions, before the war, about the period March-May of 1941 at least two calibration combat anxieties were done in the presence of responsible representatives of the command of the Western Special military district. The main forces of the garrison of Brest — 6th rifle

division and part of the 42nd rifle division were placed in the Brest fortress, surrounded by the Bug River and the Mukhavets River. During combat anxieties and the deployment of parts of the Brest garrison the greatest difficulties were met by the issue of withdrawal of troops from the fortress on the two existing bridges (one stone bridge and one wood bridge). This and the need to unload the fortress from the troops commander of the corps, and personally myself repeatedly reported by the command line.

2. The defensive line along the state border represented a system of trenches, communication passages and wooden-earthen defensive structures, the construction of which had not yet been completed by the beginning of the war. Early occupation of the troops of the line, and the subsequent development work on its improvement could reflect the attacks of German-fascist units in the Brest direction.

3. Until the attack of the enemy any instructions or orders for the lifting of troops and their withdrawal to engage in defensive lines by staff of the 4th army, contained 28th rifle corps as well as by the military district's headquarters had not been received although telephone communication prior to this worked fine. So a defensive line along the state border was not promptly occupied by troops.

4. Massive artillery and mortar fire on the fortress and military facilities of the city was started at about 4 hours 15 minutes on June 22, 1941 in combination with air strikes — suddenly. Under these conditions, several infantry battalions of the 6th infantry division, who worked on the border for the construction of fortified area, were engaged in piecemeal.

Part of the garrison of Brest (6th and 42nd infantry divisions), which under heavy enemy fire managed to withdraw from the fortress, turned on the instructions of the commander of the corps at the heights directly East of Brest and entered into a stubborn battle with the advancing enemy. Fighting on the borders East of Brest lasted until about 16—17 hours on June 22, when bypassing tank groups of Germans forced the command of the corps to withdraw troops to the next borders.

5. At the beginning of the fighting anti-aircraft artillery battalion of the hull and some communication parts of divisions were on district and army training exercises.

Corps artillery regiments, located on the Eastern outskirts of the city, were also immediately subjected to massive artillery raids and enemy air strikes.

A separate battery of the regiment joined the corps during the fighting.

The provision of ammunition for parts and formations of the corps by the beginning of hostilities, as far as I remember, was not less than 1 combat kit”.

Петербург — Париж — Константинополь в ракурсе внешней и морской политики в 1791—1796 гг.

Г.А. Гребенщикова

Аннотация. Публикация, основанная преимущественно на архивных документах, ранее не введенных в научное обращение, посвящена особенностям внешней и морской политики России в последние годы царствования Екатерины II. В этот период главные события вращались вокруг центральной оси Россия — Франция — Турция и свидетельствовали о накале обстановки в этих державах, что находило отражение в планах их руководства. Доказательно изложена позиция Кабинета Екатерины II по злободневным вопросам в области внешнеполитических отношений с указанными государствами.

Ключевые слова: русско-турецкие войны, Екатерина II и Селим III, политика и дипломатия, задачи флота, революция во Франции, события в Константинополе, роль В.П. Кочубея.

Abstract. The publication was based advantage on archives documents which had not been published yet, dedicated to special sides of Russia' foreign and sea policy during of Catherine the Second ruling. The main events were unwrapped around central axle— Russia — France — Turkey and proofed of high degree situation in that Powers. That was why the Governments of Russia, France and Turkey were acting according to current situation. In the article, on original documents, there was Catherine the Second Cabinet's position on different questions and relations with France and Turkey.

Key words: Russian-Turkish Wars, Catherine the Second and Selim the Third, politic and diplomacy, Fleet tasks, revolution in France, events in Constantinople, Victor Kochubey's role.

Исторически так сложилось, что все этапы царствования Екатерины II оказались насыщены важными событиями — как глобального значения, так и меньшей масштабности. Россия выдержала три тяжелых войны — две с Османской империей в 1768—1774 и в 1787—1791, и одну со Швецией в 1788—1790 гг., поэтому в последние годы правления этой великой государыни Российская держава заслужила мирную передышку,

---

Гребенщикова Галина Александровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая лабораторией Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. E-mail: inversiya@bk.ru.

Grebenshchikova Galina A. — doctor of historical sciences, professor, head of Laboratory of Saint-Petersburg's State Marine University. E-mail: inversiya@bk.ru.

необходимую для восстановления материальных, людских и финансовых ресурсов. Но полноценного отдыха не получилось: Франция и Турция держали Петербург в состоянии повышенного напряжения. Предгрозовым тучам, вновь сгущавшимся над русско-турецкими отношениями, в значительной мере способствовали кардинальные внутривосточные изменения в Париже и господствовавшие реваншистские настроения в Константинополе.

31 июля (11 августа) 1791 г. на Чёрном море у мыса Калиакрия произошло решающее сражение Севастопольской эскадры под начальством вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова с турецким флотом, в результате которого турки потерпели сокрушительное поражение. В связи с тем, что Россия и Турция находились в состоянии войны и дипломатические отношения между ними были разорваны, о событиях в турецкой столице в Зимнем дворце узнавали от особых осведомителей, в том числе австрийских, которые действовали от имени своего императора Иосифа II, находившегося во время войны с Турцией (1787—1791) в союзных обязательствах с Екатериной II против султана Селима III. Корреспонденция такого рода поступала из Константинополя в Петербург главным образом через Вену, Неаполь, Геную и Венецию, где находились российские дипломатические представители. Один из них — полномочный министр в Венеции Александр Семёнович Мордвинов — в сентябрьских депешах 1791 г. уведомлял вице-канцлера И.А. Остермана о полученных им последних известиях из Константинополя, вызванных проигранным турками сражением у Калиакрии. В планы главнокомандующего турецким флотом (капудана-паши) входила повторная баталия, к которой он активно готовился, а султан принял меры для маскировки проигрыша. А.С. Мордвинов, в частности, докладывал: «Капитан Паша имеет повеление выступить при первом попутном ветре с 10ю судами в Черное море, а между тем с крайнею поспешностью починает остальные возвратившиеся суда, число которых простирается до 37. А всех малых и великих считается 90». Султан, «дабы ободрить народ, повелел объявить: капитан паша, атаковав флот наш в Черном море, одержал над оным знаменитую победу». Но, подчеркивал осведомитель, вернувшиеся в Босфор турецкие суда «в весьма поврежденном состоянии подали великое сумнение о реченном выигрыше... Из флота возвратившегося в Босфор и находящегося еще в оном, принуждены были 2го сего месяца прислать в здешний арсенал три корабля, один фрегат, один шамбек, один кирлангич и четыре канонерские лодки, кои гораздо повреждены... Ввели в здешнее Адмиралтейство корабль капитана, состоявший под предводительством Сеита Али. Правительство намеренно старается поправить оный, дабы при входе в гавань чернь не видела великой порчи, им претерпленной, но чернь должна видеть оный при входе в гавань, ибо он без мачт и весь корпус его поврежден пушечными ядрами. Теперь справедливо узнал, сколько потеряно на сем корабле людей: умершими 300 человек, раненых 375»¹.

Повторного сражения россиян с турками на море не произошло, а вскоре состоялось подписание перемирия. 29 декабря 1791 г. на мирном конгрессе в Яссах российские и турецкие представители поставили подписи под текстом договора, завершившего Русско-турецкую кампанию, а ровно через месяц, 29 января 1792 г., состоялся обмен ратификацион-

ными грамотами. Закончилась очередная тяжелая война с Турцией — вторая в царствование Екатерины II. Убедительные победы русской армии на Дунае и на Днестре и флота под начальством Ушакова на Чёрном море позволили Петербургу выставить Турции жесткие условия мира. В результате Российская империя приобрела новые земли, подтвердила прежний Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г. и удержала за собой Крым.

Кроме блестящих побед русского оружия, заключить мир с Россией султана Селима III вынудила внутренняя нестабильность в Османской империи. Так, в сентябре 1791 г. Мордвинов переслал Остерману полученные из Константинополя сведения о начале бунтов в крупной провинции Алеппо. Для подавления мятежников султан призвал корпус янычар. Мордвинов уточнял: «Бунтовщики Алеппские, не желая слушать повелений султанских, кричали, что не хотят иметь более у себя начальников. Когда сие возмущение происходило, французский консул должен был выехать, но его арестовали и держали в тюрьме чрез одни сутки. Но когда потом освободили, то он, возвратясь в свой дом, заболел от страха и умер... Сюда безпрестанно возвращаются из везирского лагеря войска, по чему и можно уповать, что мир верно будет заключен»².

Несмотря на прекращение изнурительной для обеих сторон войны, решения, принятые на конгрессе в Яссах, ни в коей мере не устраивали османское руководство, и едва успели отгреметь пушки на театрах военных действий и высохнуть чернила на тексте мирного договора, как Селим III вместе с другом детства, главнокомандующим флотом (капуданом-пашой) Гусейном уже думали о реванше и активно занимались военными приготовлениями. Во все провинции курьеры везли строгие фирманы султана: доставлять в столицу продовольствие, зерно, строевой лес, железо, порох, селитру и другие «жизненные припасы и материалы». Турки укрепляли и оснащали крепости на западном побережье Чёрного моря с главными портами базирования своего флота — Варной и Сизополем, а в Константинопольском Адмиралтействе и на верфях Синопа на благо Османской империи продолжали трудиться французские корабельные мастера, пополняя флот Его Величества султана добротными кораблями качественной постройки, выстроенными по новым чертежам³.

В послевоенный период в турецкой столице находился российский поверенный в делах полковник А. С. Хвостов, который четко отслеживал конъюнктурные изменения во внутренней и внешней политике Турции. В июне 1792 г. он срочной эстафетой отправил в Петербург неутешительную информацию: «В турецком флоте до 16 линейных кораблей, до 14 фрегатов и 25 других вооруженных судов. Главный флот беспрестанно учится и маневрирует вверх и вниз по Константинопольскому каналу». Хвостов акцентировал внимание на увеличении численности судового состава недавнего противника: турки спустили на воду новый корабль, второй достраивали в Синопе, а общее количество гребных судов (галер, полугалер, лансонов, кончебасов и кирлангичей) довели до 200 единиц. Летом 1792 г. султан располагал уже пятью линейными кораблями новой постройки: двумя 64-пушечными, одним 72-х, одним 74-х и одним 84-пушечным. Новых фрегатов, купленных у англичан, в турецком флоте имелось три, а всего боеспособных, вместе с галерами, бомбардирскими, транспортными и малыми судами, флот Селима III насчитывал 91 вым-

пел, что в количественном отношении превышало русский Черноморский флот ⁴.

Хорошими моряками у турок всегда считались греки с островов Идро, Специи и Негропонта, и командирами судов турецкие начальники также назначали в основном греков. Но после завершения кампании в 1791 г., Селим III дополнительно, за высокую плату, начал нанимать на службу мальтийских моряков, которые становились матросами и боцманами, а офицерами у турок служили англичане, шведы и французы. Английские военные инструктора ежедневно обучали турецких солдат и артиллеристов стрельбе, фортификации, полевой тактике, а французские специалисты охотно передавали знания морского дела турецким офицерам и матросам.

Полковнику Хвостову стали известны факты, о которых он также поспешил уведомить руководство: в Константинополь ежедневно, «тайно и скрытно», в большом количестве из Англии, Швеции, Голландии и Венеции привозили различные военные припасы, порох и боезаряды, а из Малой Азии — качественный строевой лес. «В окружении султана мыслят отобрать все назад (то есть земли по Днестру и крепость Очаков. — Г.Г.), и даже Крым. Последнее с ума сводит». На Хвостова, как «на российского министра, боязливым оком взирают, как и на всю нацию», а «французские бунтовщики» предложили султану военную помощь — без промедления ввести в Чёрное море свои корабли с десантными войсками и решительно положить конец нахождению там русских ⁵.

Выражения «французские бунтовщики», «изверги французские», «гнусные злодеи якобинцы» стали привычными для слуха аристократии в монархической Европе после известных событий во Франции конца 1780-х — начала 1790-х годов. Когда в октябре 1789 г. французский посланник в Петербурге граф Луи-Филипп Сегюр уезжал в очередной отпуск, то на аудиенции, откланиваясь Екатерине II, он как обычно сказал, что скоро вернется. Сегюр тогда не предполагал, что покинет российскую столицу навсегда — в отличие от Екатерины II, которая интуитивно предвидела развитие французской революции и ее пагубные последствия. В ответ она с грустью произнесла: «Мне тяжело расставаться с вами. Вы поступите намного лучше, если останетесь здесь, со мной, и не пойдете навстречу бурям, полного значения которых вы пока до конца не осознаете» ⁶.

Великая императрица не ошиблась: вскоре к ней потекли длинные реляции ее представителя в Париже И.М. Симолина с подробной информацией о ходе революции, о бегстве и задержании Людовика XVI и Марии Антуанетты. Симолин был поражен, что в течение каких-нибудь 36 часов королевская власть оказалась полностью уничтоженной «необузданными простолюдинами» и «варварским народом». Самому Симолину, так же как и Сегюру, чудом удалось избежать ареста, а последнему — и неизбежной гибели: оба успели покинуть Францию. В июле 1792 г. Екатерина II приказала объявить французскому поверенному в делах в Петербурге Э. Жене, чтобы впредь он «ко Двору не являлся, ибо здесь имеют дело с королем, а не с собранием, законную власть своевольно уничтожившим» ⁷. Затем она приостановила действие коммерческого трактата с Францией от 1787 г., запретила французским судам заходить в русские порты и начала поддерживать французских эмигрантов и аристократию,

предоставляя им политическое убежище и денежное содержание. Дальнейшие события в революционном Париже непосредственно отразятся не только на Петербурге, но и на Константинополе.

Обстановка в самой турецкой столице, связанная с военными приготовлениями, вызвала в Зимнем дворце ответную реакцию и вынуждала российское руководство усиливать оборону южных рубежей. 23 ноября 1792 г. последовали указы Екатерины II: начальствующему на Чёрном море вице-адмиралу Н. С. Мордвинову (родному брату дипломата А. С. Мордвинова) о приведении флота в состояние повышенной боеготовности, а генералу А. В. Суворову — о защите южных границ. Императрица писала Н. С. Мордвинову: «Получа известия из Константинополя о делаемых в Адмиралтействе турецком приготовлениях к вооружению флота в знатном количестве судов под предлогом усмирения бунтующих в Египте, а в самом же деле в злодейственном намерении нечаянно напасть на порты Черноморские и воспользоваться неготовностью в оных, истребить флот Наш». Учитывая подобные обстоятельства, Екатерина II предписала Мордвинову принять надлежащие меры к отражению противника и представить ей «тот час ясные и подробные сведения» о полном составе Черноморского флота, его техническом состоянии, степени боеспособности и вооружении судов артиллерией, вместе со сметой расходов на флот. «Есть ли довольное число морских офицеров, матросов и прочих служителей, и какая в них требуется добавка, — запрашивала она, — и в каком состоянии находится гребной флот, который также надлежит как возможно скорее исправить, чтобы он мог выйти на боевое дежурство к Дунаю»⁸.

Проследить изменение обстановки в Константинополе в тот напряженный период позволили подробные реляции российских дипломатов, их служебная переписка и донесения вице-канцлеру Остерману. Так, 6 (17) июля 1792 г. поверенный в делах в Генуе Аким Лизакевич уведомлял полковника Хвостова: «Военный французский фрегат Юнона прибыл сюда из Тулона для перевоза в Константинополь нового французского посла Семонвиля. Долгом служения почитаю предупредить вас, Милостивый Государь мой, о сем Министре. Он весьма пронырлив и преисполнен непотребными кознями, кои употребляет даже непозволительные к достижению своего предмета. Будучи здесь, имел комиссию от Жакобинского клуба произвести революцию в областях короля Сардинского и в Генуе. Был назначен министром к Туринскому Двору, но прибыв в Александрию, там задержан и отослан обратно в Геную, ибо король Сардинский отрекся его принять. Народное Собрание, или лучше сказать, Жакобинское общество, назначило его к вам в надежде, что он способом подкупа и интриг преуспеет подвигнуть Порту Оттоманскую на нас и на Венский Двор войною для учинения диверсии в пользу новой Конституции. Весьма полезно было бы для двух Императорских Дворов, если б склонить Диван не принимать сего посла. Я о сем назначении донес Нашему Высочайшему Двору и отписал к нашему послу в Вене, поручая ему представить о том Венскому Министерству». Лизакевич настоятельно рекомендовал Хвостову убедить турецкое правительство (Диван) не принимать такого посла и даже не впускать его в Дарданеллы, а приказывать повернуть обратно «и возвращаться восвояси»⁹.

Назначенный в Турцию французский посол прослыл не только «пронырой», но и вором. У себя на родине, работая клерком в церкви Святого Иоанна, он похитил церковную утварь, за что был осужден судом в Ницце и сослан на галеры, откуда ему удалось сбежать. Через некоторое время Семонвиль объявился на Корсике, где «объездил весь остров для набора солдат, распаляя дух беспокойных корсиканцев и обещая им приобретение великих сокровищ при завоевании богатой Италии и других Средиземного моря областей. Удалось ему набрать более 6 тысяч войск, в том числе и несколько батальонов регулярного войска». В завершении письма Лизакевич коротко сообщил: «Французская эскадра намеревается атаковать Сардинию, но тамошние обыватели приготовились к сильной обороне»¹⁰.

Дополнил эту переписку полномочный министр в Венеции А.С. Мордвинов полученными сведениями о действиях пресловутого Семонвиля, его передвижениях по Италии и намерениях. Так, стало известно об обещании Семонвиля, данном «Комитету Якобинов в том, что он имеет способы не только согласить Порту принять его в реченном качестве, но и склонить ее объявить России и Австрии войну, коя непременно начнется в будущем октябре сего года. Он имеет кредит на полтора миллиона французских ливров на дом Флоренвиля в Константинополе. Должен найти он в Рагузе некоего Анжели, который туда из Марселя морем отправился и высажен будет потом в Тавриду. Знав хорошо язык наш и будучи долгое время в Российской службе, обещает он учинить там возмущение посредством знакомых ему людей, имея при себе также не малую сумму денег»¹¹. Семонвилю, однако, не довелось выполнить данных туркам обещаний. Он покинул Корсику, приплыл в Италию, пропагандировал там в разных областях якобинские идеи, а потом сухим путем пытался добраться до Венеции, но бдительная венецианская погранично-сторожевая служба арестовала его на границе с Ломбардией.

Ввиду того, что к концу 1792 г. информация о неприязненных действиях в отношении России «возмутителей французских» и об их замыслах «разными происками и страхом Порту обольстить и принудить к поднятию против россиян оружия» все чаще доходила до Зимнего дворца, Екатерина II направила черноморскому начальству соответствующие распоряжения. Вице-адмирал Н.С. Мордвинов адресовался к командиру Херсонского порта генерал-майору Г.К. Голенкину: «Крайне нужно принять меры предосторожности. Наглость турок известна. К разрыву мира они всегда готовы, лишь бы хотя малейший к тому повод. Я покорнейше прошу ваше превосходительство приказать принять нынешней зимой всевозможное старание о приведении флота в надежное состояние. Также нужно и все набережные батареи при входе в Лиман Севастопольский исправить»¹².

Несмотря на то, что Черноморский флот по количественному составу уступал турецкому, он, тем не менее, был достаточно силен: вместе с малыми судами в строю находилось 44 ед., но все они требовали капитального или текущего ремонта. С личным составом дело обстояло сложнее: среди флотских чинов не доставало 2488 чел., из них матросов 1-й и 2-й статей — 2165 чел., что побуждало российское руководство принимать срочные меры для исправления сложившейся ситуации. Одной из таких

мер стало направление на службу в Черноморский флот офицеров и матросов с Балтики¹³.

Говоря современным языком, на юге России и в Турции началась «гонка вооружений», обусловленная как взаимными обвинениями в наращивании морских и сухопутных сил, так и необходимыми потребностями обороны. Кабинет Екатерины II обоснованно полагал, что нельзя терять бдительности и нужно вовремя реагировать на военные приготовления турок, усиливая оборону южных границ, а Высокая Порта рассматривала такие действия как направленные прямо против Османской империи. Послевоенное противостояние удачно иллюстрируют «донесения 1го российского драгомана Ивана Яковлева из Перы российскому поверенному в делах в Константинополе полковнику А. С. Хвостову» за 1793—1794 гг., в которых И. Яковлев сообщал о беседах с турецким министром иностранных дел (Рейс Эфенди). В донесении от 19 февраля 1793 г. Яковлев уведомил Хвостова о запросе турецкого министра: «Правда ли, что в Тавриде и в Херсоне приготовления чинятся, и гребная флотилия вооружается?» На это драгоман коротко отвечал: «Вооружения может быть чинятся по поводу безумных французов, хотящих пройти в Черное море». После этой фразы Рейс Эфенди задумчиво посмотрел на Яковлева, но ничего не сказал. А в донесении от 11 мая того же года драгоман сообщил о полной готовности турецкого флота к выходу в море: «Флот турецкий начал вытягиваться от Адмиралтейства к Топ Хане. На экипажи, состоящие в 6500 человеках, принято сухарей 9000 кантарей, а 4000 кантарей должны получить в Галлиполи». Доложил Яковлев и об интригах французов, которые будоражили турок внушениями о вооружениях России в Крыму¹⁴.

Как известно, наступивший 1793 г. стал переломной вехой во взаимоотношениях держав: казнь французского короля Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты повергла монархическую Европу в шок, и ни один Двор не остался равнодушным к этой трагедии. Европейские государи пытались противостоять стремительно набиравшей силу революции во Франции и остановить ее распространение, для чего Англия, Австрия, Пруссия, Испания, Неаполь, Сардиния, Тоскана, германские земли Ганновер, Гессен-Кассель и Гессен-Дармштадт объединились в первую антифранцузскую коалицию. Революционные события в Париже отразились и в турецкой столице после того, как правительство Национального Конвента направило в Константинополь своего представителя, а пребывавший там посол казненного короля М.-Г. де Шуазель-Гуфье по причине уничтожения королевской власти остался не у дел. Опасаясь за свою безопасность, Шуазель-Гуфье просил российского поверенного в делах полковника Хвостова предоставить ему убежище в российской миссии, и Хвостов выручил коллегу, а через некоторое время бывший посол Его Христианнейшего Величества короля Людовика XVI выехал из Константинополя сначала в Бухарест, а затем в Санкт-Петербург¹⁵.

В том же 1793 г. в турецкую столицу в ранге Чрезвычайного посланника Екатерины II прибыл М. И. Голенищев-Кутузов, письма и донесения которого сгруппированы в архивном делопроизводстве под заголовком «Секретные исходящие бумаги, с особым к ним приложенным журналом за 1793—1794 год». Результатом первого впечатления Голенищева-Кутузова от пребывания в Константинополе стало его несогласие с мнением

тех, кто всерьез размышлял о намерениях турок «через три месяца объявить России войну». Этот вывод Голенищев-Кутузов посчитал поспешным, поскольку, как он полагал, «общее положение европейских дел не позволит Порте дойти до крайности, наипаче в такое время, что мы знатно против Порты усилились приобретением части Польши». Однако по мере наблюдения взгляд посланника на действия турок несколько изменился, и в двух его записках на имя графа П. А. Зубова от 5 января 1794 г. прослеживалась уже некая тревога. Так, Голенищев-Кутузов сообщил об отъезде на Дунай в крепость Измаил известного французского инженера Кауфера — специалиста по фортификационным сооружениям и о том, что «французские купеческие суда употреблены будут Портою для перевозки под турецким флагом в Измаил крепостной артиллерии». В реляции Екатерине II под № 31 от того же 5 января 1794 г. он докладывал: «От инженера Кауфера потребовано решительно, чтобы Бендеры и Измаил окончены были работою будущего лета. По Дунаю велено умножить магазейны. В Херсон и Николаев послан шпион разведать состояние строящихся кораблей. Адмиралтейство печется, чтобы из числа строящихся вновь судов поспело будущее весною хотя до осьми кораблей и фрегатов. Все наличные суда в здешнем порте конопатят, и в городе носится слух, что эскадры посланы будут крейсировать как в Архипелаг, так и в Черное море». В то же время Голенищев-Кутузов особо отметил, что указов султана о передвижении войск, особенно в Азии, нет, поэтому вполне вероятно, что все упомянутые меры турок еще не означают приготовлений к войне. На всякий случай российский дипломат предпринял аккуратный зондаж и задал вопросы турецким чиновникам, после чего сделал вывод о приведении турками своих стратегически важных крепостей в оборонительное состояние, что, однако, еще не доказывало их намерений начать войну¹⁶.

28 февраля 1794 г. состоялась прощальная аудиенция Голенищева-Кутузова у султана перед возвращением в Россию. Письмом от 5 марта Михаил Илларионович кратко уведомил генерала Суворова: «Мятежи внутренние распространяются в Оттоманской Империи час от часу более. Адрианополь почти в осаде от мятежников, в другой стороне Махмут Паша стал силен, что Порта и мер никаких принять не может. Военных приготовлений не видно для внешней войны». То же заключение Голенищев-Кутузов продублировал начальствующему на Чёрном море адмиралу Мордвинову: «Для нынешней войны Порта не делает никаких приготовлений, кроме обыкновенной починки в Арсенале, и внутренние мятежи занимают ее наиболее»¹⁷.

В отличие от Голенищева-Кутузова, Таврический губернатор генерал-майор С. Жегулин рассматривал происходившие в Османской империи события с явным беспокойством, считая их угрозой безопасности своей державы, и даже составил план под названием «О мерах предосторожности на Таврическом полуострове в случае разрыва с Портою»¹⁸. В главных пунктах этого плана Жегулин предлагал: «1. Из всех деревень, по берегу моря лежащих, жителей на летнее время, доколе свободный и безопасный по Черному морю ход судов продолжается, вывести и водворить в другие деревни, отстоящие от моря не ближе трех часов. А дабы хлебопашество, смотрение за садами и обрабатывание виноградов оставлено ими не было, позволить им денною порою, когда флота или

судов неприятельских в виду близ берегов нет, приходить и производить работы. На ночь же возвращаться к своим семействам, которых они брать с собою не должны по причине, что все женщины у татар Таврических таковых работ не производят. Время безопасное для хода по Черному морю полагается с апреля месяца по 26е число октября. 2. Лошадей, принадлежащих жителям Таврическим, от всех берегов морских удалить во внутрь полуострова. 3. Соображаясь обстоятельствам, если нужда и предосторожность востребуют, оружие у всех жителей татар отобрать».

В 1794 г. Голенищева-Кутузова сменил в Константинополе Чрезвычайный и Полномочный посланник Екатерины II 26-летний Виктор Павлович Кочубей. Высокообразованный, эрудированный будущий государственный деятель и министр внутренних дел России, племянник гофмейстера Двора Е.И.В. графа А.А. Безбородко (фактически стоявшего у руля внешней политики России), В.П. Кочубей пополнил блестящую когорту талантливых российских дипломатов. Он прибыл в Константинополь 10 (21) февраля 1794 г. и через некоторое время нанес визит великому визирю Мелек-Мехмету-паше, а затем состоялась его аудиенция у султана с вручением верительных грамот Екатерины II. Началась напряженная служба Кочубея в турецкой столице, где сторонники набравшей силу французской революции доводили правительство Селима III до крайне нервного состояния. Страх перед французами, перед угрозой их посягательств на османские владения возрастал с каждым годом и находил отражение в отношении к проживавшим в Константинополе французам: проще говоря, турки их панически боялись. Это обстоятельство усиливало обеспокоенность российского руководства. В Петербурге обоснованно предполагали, что «робость Турецкого Министерства» перед Парижской Директорией может привести к подчинению турок воле французской дипломатии в Константинополе, и тогда вооружения Турции направятся прямо против России.

Подобные рассуждения действительно имели под собой реальную почву. Например, накануне прибытия Кочубея к новому месту службы, поверенный в делах в Неаполе А.Я. Италинский предупредил его шифрованным письмом о полученном достоверном известии из Парижа: «Отправлен из Парижа в Константинополь курьер Дюкрос с депешами к находящемуся там поверенному в делах. Дипломатическая Комиссия приказывает сему поверенному в делах склонить Порту Оттоманскую объявить войну России, предписывает не щадить денег, где оные употреблены быть могут с пользою для такового предприятия. А ежели понадобится, сделать возмущение в народе..., сделать бунт в Крыму и на Кубани». В Тулоне по приказу Директории вооружали сильную эскадру¹⁹.

Явные признаки вмешательства Франции в турецкую военную сферу Кочубей подтвердил в реляции Екатерине II под № 35 от 6 марта 1794 года. Он сообщил о скором прибытии в Дарданеллы французского военного корабля, который доставит в Константинополь очередную большую партию инженеров, артиллеристов и морских офицеров. Особенное внимание императрицы Кочубей обратил на участвовавшие переговоры главы французской миссии с турецким руководством и, в частности, с капуданом-пашой, во время которых «министр якобинский» и его драгоман (переводчик) «имели предметом склонить Порту признать Республику,

а буде можно, и заключить союз наступательный, лаская оную обыкновенною приманкою, то есть возвращением Крыма»²⁰.

По состоянию на май-июнь 1794 г., соотношение линейных кораблей (боевого ядра) обоих флотов на Чёрном море — России и Турции — по спискам, присланным адмиралом Н. С. Мордвиновым и Кочубеем, выглядело следующим образом:

Россия: 80-пушечных кораблей	— 2;
74-пушечных	— 2;
70-пушечных	— 3;
50-и пушечных	— 5;
46-пушечных	— 7 ²¹ ;
Всего:	19.
Всего орудий	~880.

Турция: 80-пушечных кораблей	— 3;
74-пушечных	— 4;
60-пушечных	— 7;
50-пушечных	— 1;
Всего:	15.
Всего орудий	~1006.

Как явствует из цифр, Российская держава уступала своему потенциальному противнику в общем количестве орудий на линейных кораблях, и для достижения паритета ей требовалось дополнительно строить корабли с высоким уровнем боевых возможностей. К тому же, к указанным цифрам в отношении турок Кочубей добавил: «Четыре линейных корабля на стапелях, столько же в Архипелаге. Много французов в Константинополе, турки их очень жалуют. В Анатолии и Румелии собралось по примерным подсчетам до 26 тысяч войск. Флот вооруженный стоит на рейде Константинополя. Ныне всех греческих подданных позволено иметь каждому хозяину только по три человека в доме, остальных высылают либо в Архипелаг, либо берут во флот в место матросов. Корабли турецкие ныне вооружены на европейский манер весьма хорошо», весь флот подготовлен к кампании. Виктор Павлович не стал скрывать от руководства своего твердого убеждения в том, что турки готовят нападение на Россию, и отдельно приложил записку с известиями из турецкой столицы: «Флот турецкий взял положение к Северной части Канала, положение, которое приемлет оный только во время военное. Ежедневно число французов приумножается в Царе Граде, которых ныне находится до пяти тысяч человек, употребляемых при Адмиралтействе, на флоте и при береговых батареях. Во многих местах Канала новые батареи заложены». А поскольку «турки всегда открывали войну нечаянно», подчеркивал Кочубей, то он отослал рекомендации генерал-фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому о необходимости принять первоочередные меры, например, возвести дополнительные батареи для прикрытия Кинбурна и Очакова, усилить систему обороны Гаджибея (будущей Одессы) и договориться с командирами казачьих отрядов и частей о «защите лодками Еникальского пролива»²².

В течение двух последующих лет накал обстановки в обеих империях не снижался, выражаясь в российско-турецком противостоянии — с одной стороны, и в возрастании политического влияния революционной Франции в Турции — с другой. В одной из июльских 1796 г. депеш графу Безбородко из летней резиденции иностранных дипломатов Буюкдере Кочубей сообщил об ожидаемом приезде в Константинополь нового французского посла Юбера Дюбаи, с именем которого Париж связывал решительные и жесткие действия, без всяких «сентиментов и возни с турками». В депеше от 1 (12) августа 1796 г. Кочубей вновь обратил внимание Безбородко на происки французов в Константинополе, докладывал об их вызывающей манере поведения: французские специалисты открыто хвастались, что располагают «планами всех Черноморских берегов с подробным описанием», которые превосходно выполнил инженер Лафит, называли точное количество русских войск на границах, места их дислокации, знали о состоянии Черноморского флота и приморских крепостей. Как доподлинно стало известно Кочубею, французская дипломатия настойчиво внушала капудану-паше мысль о неблагоприятности России на Чёрном море в военном отношении. Из французской миссии исходили всякого рода слухи о неспособности русских к войне, а команд — к морской службе, о гнилости их кораблей и т. д. Дипломаты убеждали Порту: русские «укрепления на берегах Черноморских грешат нерадетельным построением. Несмотря на бесчисленные суммы, употребленные Ея Императорским Величеством для созидания большого флота на Черном море и вообще на разные заведения там, все намерения Ея Величества остались безуспешными». По словам Кочубея, во время очередной встречи представитель Франции «закончил басни свои, сказав капитану паше: “Ежели Бог даст, мы вместе посетим места те и разорим все российские заведения на Черном море”». На столь пламенные речи последовало вполне здравое резюме Кочубея: «Сколько туркам не могут приятны быть подобные мечтания, однако же слишком они химерны, и слишком хорошо знают они (турки. — Г.Г.) положение наше, чтоб Кючюк Гусейн принял их в подлинном смысле»²³.

Тем не менее, такого рода новости не могли не насторожить как самого российского дипломата, так и его руководство. Париж не только оказывал все большее влияние на турецких чиновников, но еще и диктовал условия шведам, угрожая прекратить их финансирование. В скором времени Директория привела угрозу в исполнение и приостановила традиционное субсидирование лояльных политических партий в шведском Сенате на том основании, что Стокгольм занял по отношению к России дружественную позицию.

В сентябре 1796 г. Виктор Павлович получил письмо из Генуи от своего коллеги Лизакевича, предупреждавшего о проезде Юбера Дюбаи через Геную. Там «якобинский посол публично похвалялся: “Порта скоро по приезде его в Константинополь объявит России войну”». Особо Лизакевич отметил: Дюбаи «имеет поручение формировать тотчас 20 т войска на образец французского, с сильною конною артиллерией, а потом и более умножить, стараясь, чтоб начальство над оными дано было французским офицерам»²⁴.

О результатах первого визита Дюбаи к капудану-паше Кочубей срочной эстафетой оповестил Петербург, подчеркнув важные моменты: «Француз не делает по прежнему Порте ненужных подарков, а посылает ей пушки, ружья и генерала, ударяя себя в грудь» и говоря, что будет поступать с турками честно. Новый посол, по определению Кочубея, «показал сумасбродство свое» тем, что принялся убеждать турок в необходимости срочно «записать во флотскую службу сыновей Муфтия, Рейс Эфенди» и других высокопоставленных чиновников Порты и «здесьних вельмож», дабы отвратить их от праздности и лени. Не теряя времени даром, Дюбаи взялся учить турок правильному образу жизни и порядку, наставляя турецких сановников: надо категорически отказаться «от гаремов, от роскоши и сладострастия», а военным чинам — от бездельничества, сидения на софах и курения трубок, и заняться полезным делом, приказав всем «носить ружья и привыкать к суровостям жизни». А вообще, заявил Дюбаи, сам он предпочитает чаще видеть султана и «представлять ему о способах процвести его государству»²⁵.

Наблюдательный Кочубей в реляции Екатерине II так охарактеризовал французского посла: «Он родом из Луизианы, с горячею американскою головою. Надменен до крайности мнимым величием Республики своей, нагл, как и все французы, но не из числа бешеных якобинцов, что он показал, высылая от сель многих из них, так как и всех праздно живущих здесь французов. Они все им недовольны, находя, что в поступках его нет того равенства, которым они себя метили». В целом, заключил Кочубей, в Константинополе происходит настоящий «разгул фанатизма большой французской сволочи»²⁶. Дальнейшая обстановка, по его размышлениям, будет зависеть от позиции Порты: если она проявит «робость и последует настояниям посла французского», то следует ожидать легкой податливости турок на французские увещевания. Но «ежели напротив, Порта исканиям Дю Баи и угрозам его противоположит твердость и достоинство, ей свойственные», то агитация посла не возымеет никакого действия.

Как дипломат, Кочубей, в свою очередь, предпринимал ответные меры для пресечения напористости французского посла. Виктор Павлович встречался с влиятельными турецкими чиновниками, убеждал их не поддаваться на рассказы французов, доказывал, что война не нужна ни Турции, ни России, что лучше идти путем взаимовыгодного сотрудничества, чем бряцать оружием и вновь начать воевать, а все укрепления и флоты обеих великих империй пусть останутся в состоянии оборонительном. Как-то в ходе одной из таких бесед турецкий министр прямо сказал, что Юбер Дюбаи «имеет расстроенную голову»²⁷.

Сам же Дубаи в той беспокойной обстановке чувствовал себя вполне комфортно. Он открыто выражал свою приверженность новому режиму и формировал определенные настроения в дипкорпусе — одним словом, вел себя независимо и уверенно, как в его понимании и подобало представителю государства с сильной политической властью. «Порта из робости с каждым днем все больше проникает пристрастием к французам», — с горечью писал Кочубей. Страх перед «вселенскими извергами» и «сокрушителями престола» застилал туркам глаза, чем умело пользовался Дюбаи. Он оказывал протекции соотечественникам, «проталкивал» своих выдвиненцев, содействовал им в получении работы и должностей.

Французы толпами ехали в Константинополь, многие — с родственниками и семьями. Приезжали в основном военные специалисты — офицеры-инструктора, инженеры, артиллеристы, а также рабочие специальностей, востребованных в то время в главных провинциях Османской империи: каменщики, плотники, конопатчики. Как уже упоминалось, французские инженеры Лазовски и Кауфер, едва прибыв в Турцию, вскоре получили назначение на почетные работы по «укреплению придунайских крепостей»²⁸, и султан не скупился на выплату им хорошего жалования.

На фоне такой обстановки произошел случай, который не только взбудоражил турецкое руководство и иностранных дипломатов, но и вызвал в Константинополе настоящий переполох. «Вчерашний день в четыре часа пополудни при весьма холодном ветре и дожде, более недели уже продолжающихся, вошел в Черноморский Канал 50 пушечный фрегат Царь Константин», — такими словами 15 (26) ноября 1796 г. Кочубей начал донесение Екатерине II, когда еще не знал о кончине государыни²⁹. 46-пушечный фрегат «Царь Константин», на борту которого находилось 226 чел., под командованием капитан-лейтенанта Фёдора Лелли вышел из Херсона в Очаков с грузом леса и пороха. В Очакове фрегат догрузили различными материалами, и он проследовал в конечный порт назначения Севастополь, но по пути попал в жесточайший шторм. Фрегат носило в море одиннадцать суток, воды в трюме набралось столько, что ее непрерывно откачивали помпами, ведрами и котлами, но ничего не помогало. Тогда командир созвал военный совет, на котором было принято решение: для спасения судна и жизни экипажа «идти к Цареградскому проливу».

Когда российский фрегат под военным флагом вошел в Босфор и стал на якорь недалеко от местечка Терапия прямо под окнами посольских особняков, дипломаты не поверили своим глазам. Прильнул к окну и Кочубей; некоторое время спустя он доложил в Петербург: «Лишь только из дому моего примечено было Российское военное судно, я тот час, хотя и с большим трудом по причине погоды, отправил к оному людей для нужной помощи, и благодаря Бога, фрегат спасен от опасности» наскочить на камни³⁰. Несмотря на наступившую ночь и ненастную погоду, Кочубей принял меры по спасению судна и перевода его в безопасное место поближе к Буюкдере, где находилась его летняя резиденция. «Экипаж и офицеры истощены до крайности, — докладывал он императрице. — При непрестанной работе» они питались одними сухарями, но выручало горячее вино, поэтому Виктор Павлович «поспешил послать им горячего кушанья и свежего хлеба». Буксировка фрегата к Буюкдере шла медленно, а когда все благополучно завершилось, Кочубей сvez на берег больных и изможденных матросов и разместил их в своем доме. После этого донесение о случившемся он отправил турецким властям и лично капудану-паше³¹.

С приходом российского военного фрегата в Босфор, да еще под таким громким названием — «Царь Константин» (турки знали о давних планах Екатерины II, связанных с воцарением на константинопольском престоле своего второго внука Константина) — в столице и предместьях началась паника, активно подогреваемая французами. Для Дюбаи настали блаженные дни, когда свое красноречие он с утроенной энергией направил на антироссийскую кампанию, нагнетая обстановку и создавая атмосферу

нервозности. «По городу разнесся слух на шет мнимых замыслов наших в присылке фрегата, будто отнюдь не поврежденного», — докладывал Кочубей. Французский посол составил гневное письмо протеста и вручил его Рейс Эфенди, обвинив Порту «в нерадении и выговаривал ей, что ежели бы начальники, приставленные к страже Пролива, долг свой исполнили, фрегат российский никогда бы сюда не вошел»³². Дюбаи нещадно обличал турок в плохой защите Босфора, в халатном выполнении своих обязанностей, когда «впустя одно военное судно», они спокойно могут «впустить и целый флот». После этого он подытожил: «Появление сего фрегата есть доказательство, что российские военные суда плавают на Черном море так, что Порты и малейшего сведения о том не имеет», и призвал турок немедленно принять «сильные меры против амбиций Российского флота»³³.

Турецкие власти пребывали в полной растерянности. С одной стороны, русские нарушили подтвержденный в Яссах Кучук-Кайнарджийский трактат, согласно которому их военным судам запрещалось входить в Черноморскую Проливную зону, но, с другой стороны, фрегат потерпел бедствие и нуждался в помощи, оказать которую, по законам морского права, считалось делом чести любого цивилизованного государства. Капудан-паша вызвал к себе начальника обороны Босфорских крепостей Назира-пашу и задал ему несколько вопросов: во-первых, почему он «не заставил фрегат остановиться»? Почему не приказал сделать предупредительные выстрелы из береговых орудий «для приведения фрегата в повиновение», наконец, почему не послал к нему шлюпку для выяснения причины появления в проливе? На все «грозные вопросы» Назир-паша невозмутимо отвечал, что не скомандовал открывать огонь по фрегату из-за опасения, «чтоб другие крепости не приняли сие за сигнал атаки и не начали ядрами по фрегату палить»³⁴. После этого инцидента большая часть турецких министров потребовала отстранить Назира-пашу от должности и отправить его в ссылку, но, поразмыслив, султан не стал этого делать.

Российские моряки остались в Константинополе до окончания ремонта фрегата, а профранцузская партия настаивала на том, чтобы Порты предъявила русским требование о продаже «Царя Константина» султану, а еще лучше — о передаче ему фрегата в подарок. От этого предложения российский посланник вежливо отказался, ответив, что «корабли Ея Императорского Величества ему не принадлежат, чтобы их дарить или продавать мог»³⁵.

Несмотря на небольшой срок службы в турецкой столице, Виктор Павлович успел завоевать уважение многих турецких министров, поэтому активное противодействие французской миссии не помешало турецким властям выполнять его просьбы об оказании помощи российским морякам. Кочубею удалось сохранить и запасы пороха, имевшиеся на фрегате, отклонив предложения турок о его продаже им: порох поместили на хранение в арсенал в одну из Босфорских крепостей. Основной груз фрегата состоял из 50 бочек смолы, 1850 сосновых досок, тюков с кожей, гвоздей, 792 пудов пороха в 248 бочонках и более 3500 чугунных ядер³⁶.

Французы продолжали свои «коварные инсинуации» и даже принялись выпускать типографские информационные листы — своего рода

бюллетени, в которых печатали о русских различные небылицы, и распространяли их по городу. Более того, с согласия Дюбаи на двух французских фрегатах, которые, по сведению Кочубея, «с давнего времени находились неизвестно для чего при Константинополе», демонстративно распустили флаги всех европейских держав, «имея свой республиканский в первом, прочие же особливо Российский в последнем месте». На провокационные действия французского посла последовала негативная реакция дипломатов других миссий — они выразили Порте решительный протест, и та поспешила выслать упомянутые фрегаты из Константинополя, «с заперещением не пребывать впредь»³⁷.

Кочубей тем временем строго наставлял командира «Царя Константина» Ф. Лелли: «Не принимать на фрегат никого без сведения моего. Не следует пускать на оный неизвестных любопытных людей, но ежели б кто из людей порядочных или из морских турецких видеть фрегат хотел, то тех отсылать не удобно», а потому сначала выяснить об этих людях у него, Кочубея, и только потом пускать на судно³⁸. «Господам офицерам прошу приказать, чтоб они как можно опрятнее одеты были», — предупреждал посол. Это очень важно, подчеркивал он, так как за внешним видом наших соотечественников внимательно наблюдали западные миссии, а особенно иностранные морские офицеры, которые в большом количестве находились в Константинополе. Им нельзя давать даже малейшего повода к насмешкам, оскорбительным для чести и достоинства русского моряка. Также Кочубей просил Лелли лично проследить за каждым матросом и его поведением, и в город без командира никого не отпускать. «Порта наистрожайше повелит ни каких нашим обид не причинять», поэтому «взаимно нужно, чтоб матрозы наши так же ни каких наглостей не делали, и убегали всяких поводов к ссорам с турками или греками», — наставлял он³⁹.

15 декабря 1796 г. в турецкую столицу пришло известие о кончине Екатерины II. В знак траура на всех торговых судах под российским флагом и на военном фрегате отгремели пушечные выстрелы, после чего Кочубей привел сотрудников посольства и экипаж «Царя Константина» к присяге императору Павлу⁴⁰. А в феврале нового 1797 г., когда фрегат готовился отплыть к родным берегам, командир Одесского порта контр-адмирал П. В. Пустошкин предостерегал севастопольское начальство: «От приехавшего из Дубоссар полковника получил я уведомление, что Порта Оттоманская всякий час в готовности к военным действиям, и ожидая удобного к тому случая, смотрит на обороты воюющих европейских держав, а особливо примечая неудачи французов. Усиливает как сухопутные, так и морские свои силы. Во многих местах по архипелажским островам и на Черном море в Синопе корабли и фрегаты, а на Дунае гребные суда строятся. На оружейном Константинопольском заводе под дирекциею французов работают по образцу европейскому ружья, лют пушки, а особливо новоизобретенные орудия. Войска в разных местах обучают. Около Бендер в Молдавии все теперь состоит в движении, будто бы в предосторожность от моровой язвы. Из границ по Днестру также извещают, что войска турецкие внутрь Молдавии, в Хотин и во все пограничные крепости по разным дорогам малыми отрядами входят, и во все показанные места и артиллерию с поспешностью доставляют. Провиант во все крепости изнутри Молдавии доставляют»⁴¹.

Кочубей в целом разделял опасения черноморского командования, согласившись с тем, что в связи со сменой престолонаследия бдительности терять нельзя. Он доложил в Петербург: Порта направила повеления пашам главных крепостей на Днестре Бендер и Хотина, а также Молдавскому господарю, «чтоб они ни стараний, ни иждивений не щадили для приобретения наиобстоятельнейших сведений о всем том, что в России происходить будет, о переменах, о новых устройствах, о людях, пользующихся милостию Его Императорского Величества, о новых в политике Высочайшего Двора оборотах, одним словом, о всем том, что может послужить к основанию Портою мнения о будущем в России положении»⁴².

Несмотря на сильное влияние Франции на Высокую Порту, зимой 1797 г. наметилась положительная динамика в русско-турецких отношениях, укреплению которых способствовала и взаимовыгодная торговля между двумя государствами. Так, с января 1796 по февраль 1797 г. значительно выросли объемы товарооборота, в котором преобладали вывозимые из России пушнина (на сумму 40 тыс. пиастров), пшеница (502 тыс.), сало (около 68 тыс.), железо (675 тыс. пиастров). А в Россию привозили традиционные турецкие товары — изюм, винные ягоды, апельсины, орехи, сыр, финики, вино, ладан, табак, хлопок, которых в течение года было продано на сумму 570 тыс. руб. (950 тыс. пиастров). В обширной реляции императору Павлу из Перы от 1 (12) февраля 1797 г. Кочубей отмечал, что Турция благоприятно настроена к России и стремится далее развивать с ней дружественные отношения, но это вызывает зависть у одних и раздражение у других. Державы, писал Кочубей, пользовались «робостью Порты к стороне нашей. Непрестанно твердили ей, что мы собираемся учинить новое на Империю Оттоманскую покушение. Но ныне Порта имеет довольное доказательство в противном». Также Кочубею стало известно о намерении турок ходатайствовать перед Директорией об отзыве Дюбаи, который вызывал у них все большее недовольство. В том же 1797 г. за заслуги на дипломатическом поприще император Павел удостоил Кочубея награды — ордена Святого Александра Невского⁴³.

28 марта 1797 г. российский фрегат «Царь Константин» вышел в обратный путь в Севастополь. За несколько дней до отплытия капитан-лейтенант Лелли встречался с капуданом-пашой, чтобы поблагодарить его за оказанную помощь, и был приятно удивлен, когда капудан-паша предложил взять провизию и все, что необходимо для команды, из казенных адмиралтейских магазинов совершенно бесплатно. Лелли доложил об этом Кочубею, но тот деликатно отказался. Тогда командующий турецким флотом изъявил желание лично посетить фрегат, после чего Кочубей доложил: во время визита, «сообразно со здешними обычаями», капудан-паша «подарил всем офицерам по бохче (так называются связки с материями), а экипажу дал тысячу пиастров. Посещение сие стоило ему может быть от 5 до 6 тысяч пиастров»⁴⁴.

Чтобы окончательно рассеять все подозрения турок относительно цели прихода фрегата в Константинополь и доказать искренность русских моряков, Виктор Павлович совершил оригинальный поступок. Он приказал изготовить медальон по собственному эскизу, вложил его в богато осыпанную бриллиантами табакерку и торжественно вручил капудану-паше. В медальоне находилось изображение четырех военных фла-

гов — двух российских и двух турецких, намеренно расположенных «так, что гордость турков оскорбиться не могла местами в рисунке флагов, ибо на правой и на левой стороне по одному российскому и по одному турецкому флагу находилось. Флаги связаны золотой веревкой, а сверху поставлен персидский стих», смысл которого выражался в короткой фразе: «Сей узел тверд»⁴⁵.

Турецкий адмирал остался чрезвычайно доволен дорогим подарком, особенно его своеобразным выполнением, показал великому визирю, и тот тоже оценил талант российского дипломата. Закончил репликацию Кочубей на приподнятой ноте: «Чтоб умножить досаду наших здесь недоброжелателей и показать им, что вероломные их внушения не произвели ни малейшего действия, старался я, чтоб фрегат наш, почти на устье пролива стоящий, вышел из оногo с теми почестями, какие наблюдаются у Дарданелей в разсуждении фрегатов других держав», а на прощание с фрегата еще и произвели салют выстрелами из семи пушек⁴⁶. «Царь Константин» благополучно вернулся в Севастополь.

С 1798 г. начался принципиально новый этап в истории России и Турции — этап, связанный с их совместными операциями против французов по освобождению группы островов в Ионическом море. Заключенный тогда наступательный и оборонительный союз России с Турцией действовал до 1806 г., после чего был разорван турецкой стороной под влиянием французской дипломатии. Очередная Русско-турецкая война продлилась с 1806 по 1812 год.

Примечания

1. Дешети и донесения А.С. Мордвинова И.А. Остерману из Венеции от 6 (17) и 8 (19) сентября 1791 г.: Архив внешней политики Российской империи. Историко-Документальный Департамент МИД РФ (АВП РИ ИДД МИД РФ), ф. 41, сношения России с Венецией, оп. 41/3, д. 194, л. 1—1об., 8об., 15, 23. Шамбеки (шебеки) и кирлангичи — турецкие парусно-гребные суда. Сеит-Али — алжирский адмирал, состоявший на службе у турецкого султана.
2. АВП РИ, ф. 41, оп. 41/3, д. 194, л. 15—18.
3. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 239, оп. 1, д. 19, л. 79—86.
4. АВП РИ, ф. 90, константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 1071, л. 1—2. Также см.: РГА ВМФ, ф. 239, оп. 1, д. 19, л. 3—5, от 20 июня 1792 года.
5. АВП РИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 1071, л. 3—3 об., 5.
6. Цит. по: Recueil des instructions données aux ambassadeurs et Ministres de France. т. II (1749—1789). Paris. 1890, p. 478.
7. Сборник Русского Императорского Исторического Общества, т. 26, с. 498.
8. Отдел рукописей Российской Национальной Библиотеки, ф. 755, Суворов А.В., д. 2, л. 54—55.
9. АВП РИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 1081, л. 3—4, 16об.
10. Там же, л. 19—20об.
11. Там же, д. 1107, л. 14—15.
12. РГА ВМФ, ф. 168, оп. 1, д. 139, л. 1—1об. 8 декабря 1792 года.
13. Там же, ф. 239, оп. 1, д. 19, л. 24—30.
14. АВП РИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 1127, л. 1—1об., 18об., 22—22об.
15. Поскольку возвращение во Францию стало невозможным, Шуазель-Гуфье просил Екатерину II принять его. Она позволила ему поселиться в Петербурге. Шуазель-Гуфье получал от российского Двора хорошую пенсию и наибольшего благополучия достиг при

императоре Павле, который подарил ему земли в Литве, назначил президентом Российской Академии художеств и в 1799 г. разрешил принять участие в скульптурном украшении большого Петергофского каскада. (РГА ВМФ, ф. 198, оп. 1, д. 26, л. 114—121об). В 1802 г. Шуазель-Гуфье вернулся на родину и стал пэром Франции. Подробнее о Шуазеле-Гуфье см.: DAUDET E. *Histoires de Immigration pendant la Revolution Francaise*. T.I. Paris. 1905.

16. АВП РИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 1106, л. 303, 306, 307, 334—335.
17. Там же, д. 1109, л. 139—139об.
18. Российский государственный архив Древних актов (РГАДА), ф. 20, оп. 1, д. 344, л. 1—3об, от 18 февраля 1794 года.
19. АВП РИ, ф. 90, оп. 90/1, д. 1118, л. 1—3.
20. Там же, д. 1106, л. 388—389.
21. Российский государственный Военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 282, л. 5, 9—10. Количество пушек на линейных кораблях отмечено приблизительно. Если, к примеру, указан корабль 80-пушечного ранга, то это еще не означало, что он нес все 80 орудий: их могли устанавливать больше — в зависимости от военной или мирной кампании.
22. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 282, л. 10, 13—15.
23. АВП РИ, ф. 89, сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 839, л. 12, 19—24, 39об. —40. Кючук-Гусейн — имя главнокомандующего турецким флотом (капудана-паши).
24. Деша В.П. Кочубея графу А.А. Безбородко от 15 (26) сентября 1796 г.: АВП РИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 839, л. 28, 37—37об.
25. Там же, л. 54об.
26. Там же, д. 833, л. 7об., 23.
27. Там же, д. 839, л. 43.
28. АВП РИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 833, л. 42, 55.
29. Там же, л. 77.
30. Там же, л. 77об.
31. Там же, л. 78.
32. Там же, д. 834, л. 1—1об.
33. Там же, л. 2.
34. Там же, л. 2, 3об.
35. Там же, л. 3.
36. Там же, д. 833, л. 83—84.
37. РГА ВМФ, ф. 192, оп. 1, д. 1, л. 1—2.
38. АВП РИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 834, л. 16об.
39. Там же, л. 17.
40. Там же, д. 835, л. 1—2.
41. РГА ВМФ, ф. 192, оп. 1, д. 1, л. 1—2.
42. АВП РИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 839, л. 87—87об.
43. Там же, д. 847, л. 4—5, 12, 27—31, 33.
44. В.П. Кочубей — императору Павлу, от 1 (12) апреля 1797 г.: АВП РИ, ф. 89, оп. 89/8, д. 849, л. 1—2 («связки с материями» — так в документе).
45. Там же, л. 2об. —3об.
46. Там же, л. 4—5.

Новый дворец в петергофской Александрии как собственная дача императора Николая II: прошлое и настоящее

С. Ю. Каргапольцев, И. Ю. Лапина

Аннотация. В публикации приводится историческая справка об этапах строительства, дальнейшей судьбе и современном состоянии комплекса объектов Нового дворца (Нижней дачи) императора Николая II в петергофском парке Александрия. Представлены основные результаты архитектурно-археологических работ 2003—2013 гг., позволивших уточнить планировку и техническое состояние фундаментных конструкций дворца, Кухонного и Служебного флигелей, ливневой канализации, парковых дорожек, причальной лестницы, береговых откосов гавани, садового фонтана советского периода и других объектов дворцово-паркового комплекса. Дается перечень сопутствующих находок и маркировки клейменых кирпичей. Перечислены рекомендуемые требования к реставрации здания дворца и вспомогательных флигелей. Приводится историография данного вопроса по материалам архивных фондов и тематической литературе. Критически оцениваются музейные путеводители 1920-х — 1930-х гг. и общее отношение к объекту в советское время.

Ключевые слова: Петергоф, Финский залив, парк Александрия, оптический телеграф, архитектор Антоний Томишко.

Abstract. The historical information about the stages of construction, further fate and current state of the complex of objects of the New Palace (Lower Dacha) of Emperor Nicholas II in the Peterhof Park Alexandria is given. The main results of architectural and archaeological works of 2003—2013, which made it possible to clarify the layout and technical condition of the foundation structures of palace, Kitchen and Service outbuildings, rain sewage, park paths, mooring ladder, coastal slopes of the harbor, garden fountain of the Soviet period and other objects of the palace and park complex. A list of related finds and marking of branded bricks is given. The recommended requirements for the restoration of the palace building and auxiliary outbuildings are listed. The historiography of this issue is given on the materials of archival funds and thematic literature. The museum guides of the 1920s — 1930s and the general attitude to the object during the Soviet era are critically evaluated.

Key words: Peterhof, the Golf of Finland, Alexandria park, optical telegraph, architect Antony Tomishko.

Архитектурно-ландшафтный комплекс дворцово-паркового ансамбля конца XIX — начала XX в., расположенный у самого берега Финского залива в северо-восточном секторе петергофского парка Александрия (в дореволюционный период Александрия была собственным имением царствовавшего Дома Романовых), проходит по архивной документации, иконографии и литературным источникам сразу по нескольким наименованиям: «Новый дворец», «Новая дача», «Нижний дворец» и «Нижняя

дача». Поскольку на проектных чертежах и официальных телеграммах императора Николая II (1868—1918; на престоле с 1894 по 1917 г.), бывшего единственным его владельцем до революции 1917 г., данный объект обозначался как «Новый дворец», именно это название и следует считать основным. Однако наиболее употребляемым в литературе и устоявшимся в местной топонимике является другой термин — «Нижняя дача». Уместно отметить, что под «Верхними» или «Старыми» дачами следует понимать дворец Коттедж Николая I (1796—1855; на престоле с 1825 по 1855 г.) и Фермерский дворец Александра II (1818—1881; на престоле с 1855 по 1881 г.). Свое название парк Александрия получил в честь супруги Николая I — императрицы Александры Фёдоровны, урожденной Фредерики Луизы Шарлотты Вильгельмины Прусской (1798—1860).

Прежде чем осветить основные результаты архитектурно-археологических исследований практически полностью утраченного в 1941—1961 гг. Нового дворца Николая II, приведем основные сведения справочного характера по истории данного памятника и о его современном состоянии. Также необходимо отметить, что архитектурно-ландшафтный комплекс Нижней дачи остается последним крупным объектом парка Александрия, лежащим в руинах и недоступным пока для реставрации. И это несмотря на 15-летний подготовительный период и решение дирекции ГМЗ «Петергоф» воссоздать этот шедевр периода поздней эклектики Российской империи.

Первый этап строительства Нового дворца датируется 1882—1885 гг., когда по заказу императора Александра III (1845—1894; на престоле с 1881 по 1894 г.) архитектором Антонием Осиповичем Томишко (1851—1900) был спроектирован и возведен для летнего пребывания наследника российского престола изящный кирпичный павильон с печным отоплением. Церемония закладки «дворца для Государя наследника Николая Александровича» состоялась 20 июля 1882 г. (все даты приводятся в старом стиле по Юлианскому календарю), то есть еще до окончательного утверждения проектного варианта ¹. Основной объем строительных работ был завершен к концу 1885 г. (изначально предусмотренные проектом канал и гавань для шлюпок построены не были), а 16 июня 1886 г. состоялась церемония освящения дворца. Цокольная часть главного здания была облицована крупными блоками финского розово-красного гранита, а первого этажа — путиловской плитой серого цвета. Фундамент был сложен из пудостского известняка на глиняном замке с высоким коэффициентом прочности. Одновременно, с юго-восточной стороны дворца,

---

Каргапольцев Сергей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Латина Ирина Юрьевна* — доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

Kargapol'tsev Sergey Yu. — PhD (History), associate professor at the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: clio@spbgasu.ru; *Lapina Irina Yu.* — doctor of historical sciences, associate professor, holder of the chair at the Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering. E-mail: poli-kam@yandex.ru.

был построен и Кухонный флигель (1883—1884 гг.) с помещениями для прислуги (пристроены в 1885 г.), а неподалеку от него — однокамерный ледник для хранения продуктов. Завершали первоначальный список построек, выполненных в едином архитектурном стиле и декоре отделки, караулка у въездных ворот со стороны Знаменской мызы, а также небольшой хозяйственный сарай ². Внутреннего водопровода Нижняя дача еще не имела, но водоподводящая труба с верхней террасы Александрии доходила до лужайки у южного фасада дворца. Снабженная запорным краном, она обеспечивала необходимые потребности отдыхающих и прислуги ³. Для украшения ландшафта, совсем рядом от этого крана были установлены на деревянные плиты две гладкоствольные пушки, специально доставленные из Севастополя (позднее, после перестройки дворца, одна из пушек была перенесена к лестнице шлюпочной гавани) ⁴. Комплекс Нового дворца в 1894 г. был запечатлен на снимках известного фотографа генерала от инфантерии Евгения Петровича Вишнякова (1841—1916) с подписью «Дворец цесаревича», что послужило основой для многочисленных открыток, отпечатанных фототипическим способом, как например, в Санкт-Петербургском салоне Штейна на Малой Морской, д. 20 ⁵. Однако молодой наследник престола не жил еще самостоятельной жизнью с содержанием собственного двора и до 1895 г. прибрежный дворец использовался как гостевой дом для именитых персон и членов императорской фамилии ⁶.

Ранее, совсем рядом от строящегося дворца, находились башня оптического (семафорного) телеграфа и сигнальная флажковая мачта морского телеграфа — технические устройства для дистанционной связи присутствующего в Петергофе императора Николая I с Кронштадтом и проходящими боевыми кораблями Балтийского флота. Общий вид этих несохранившихся сооружений передают, например, полотно Егора Ивановича Ботмана (1821—1891) «Портрет Николая I на фоне Александрии» (1849. Холст, масло), хранящееся в Фермерском дворце Петергофа ⁷, а также коллаж 1859 г. из живописных этюдов (тушь, акварель) с видами петергофской Александрии, выполненный Иосифом Иосифовичем Шарлеманем (1824—1870) ⁸. Ссылаясь на обстоятельное исследование Д. С. Никитиной, отметим, что прямоугольная в плане на каменном фундаменте и кирпичном цоколе четырехэтажная белого цвета деревянная башня оптического (семафорного) телеграфа системы французского инженера Пьера (Петра) Шато была построена в 1833 г. по проекту архитектора Иосифа Ивановича Шарлеманя (1782—1861), соединив Петергоф линией связи не только с Кронштадтом, но и со Стрельной и Зимним дворцом Санкт-Петербурга ⁹. Декор башни (дверные и оконные проемы, герб Александрии) был решен в псевдоготическом стиле, а форма имела вид двухступенчатого зиккурата: основная часть четырехэтажной башни предназначалась для создания необходимой высоты, а в верхней надстройке располагался механизм управления телеграфом. Периметр верхней площадки уступа имел форму балкона с перилами ограждения, что позволяло телеграфистам вести круговой обзор. Сам семафор телеграфа размещался на крыше. В силу важности вопроса, тема оптического (семафорного) телеграфа заслуживает незначительного отступления от основной сюжетной линии текста.

По принципу своего действия, система Шато была развитием оптического телеграфа Клода Шаппа (1763—1805), изобретенного им еще в 1794 году. Первая же в России телеграфная линия семафорной связи системы Фёдора Андреевича Козена (1782—1840) — в те годы полковника Корпуса инженеров путей сообщения — была построена в 1823—1824 гг. между Санкт-Петербургом и Шлиссельбургом для передачи известий о движении судов по Ладожскому озеру и Ладожскому каналу, соединившему в 1731 г. реки Волхов и Неву в обход сложного для навигации штормового Ладожского озера. Общая протяженность этой линии телеграфа, функционировавшей до 1836 г., составила около 60 км. Именно Ф. А. Козен изобрел новый механизм управления семафором, оснащенный «регисчатными телеграфическими крыльями», а также разработал удобный и информативный телеграфный ключ¹⁰. Заключение Николаем I договора с Шато о строительстве телеграфа в Российской империи вызвало недоумение со стороны Козена, сделавшего в связи с этим официальный запрос на высочайшее имя. Открытое по этому обращению «Дело об отстаивании приоритета России против Франции в изобретении телеграфа директором Училища гражданских инженеров генерал-майором Козеном» рассматривалось с 26 февраля по 30 марта 1833 г., но никаких изменений в намерения императора относительно деятельности Шато не внесло (с 1832 по 1840 г. генерал-лейтенант Козен являлся первым директором УГИ)¹¹.

Принцип работы оптического (семафорного) телеграфа был прост и эффективен: на вертикальной мачте устанавливались подвижные линейки, закрепленные на вращающейся горизонтальной штанге. Различные положения этих линеек, приводимых в движение специальными тягами и противовесами, позволяли образовывать геометрические комбинации фигур: устройство шапповского семафора с двумя крыльями позволяло создавать 76 фигур для передачи на расстояние закодированных букв и цифр, а подвижные линейки систем Козена и Шато, закрепленные на Т-образной стреле-перекладине (однокрыльчатая конструкция), были способны принять 196 положений (фигур), каждое из которых означало фразу или конкретный приказ (кодовые таблицы фигур, то есть телеграфный ключ, содержались в специальных журналах ограниченного доступа). Такие мачты семафоров и размещали на специально построенных башнях, расположенных в прямой визуальной (оптической) связи друг с другом, то есть на расстоянии 5—15 км в зависимости от условий местности. Светоотражающие зеркала и масляные светильники, закрепленные на всех подвижных деталях, позволяли устройству функционировать и в темное время суток. Каждый телеграф, за счет поворотной мачты, был способен работать по двум направлениям относительно общей ориентации линии, то есть — как в одну сторону, так и в другую. Обслуживали каждую башню линии четыре вооруженных подзорными трубами телеграфиста, заступавших на вахту в строгом порядке очередности (к 1839 г. было завершено сооружение 1200 км оптической телеграфной линии системы Шато со 149 станциями на башнях, высотой от 17 до 21,5 м, между Санкт-Петербургом и Варшавой, которую обслуживало 1904 человека). Помимо западного направления (на Стрельну — Петергоф — Ораниенбаум и далее на Варшаву) и вышеупомянутого восточного в Шлиссельбург,

вскоре было построено и южное — на Гатчину. Главным же центром всех телеграфных линий была станция Зимнего дворца, размещенная в специально построенной башенке на крыше западной стороны здания (сохранилась до настоящего времени)¹². По личному распоряжению Николая I, в 1834 г. берег залива у телеграфной башни в Александрии был обложен крупными валунами, образующими защитный откос от подтоплений и наплыва льда¹³.

Согласно имеющимся данным, изначально рядом с башней был построен одноэтажный дом для дежурных телеграфистов, а также некоторые подсобные строения. К объекту стратегического назначения была проложена специальная дорога, проходившая с верхней террасы парка вдоль восточной границы имения¹⁴. По сведениям А. А. Белова, в 1838—1839 гг. юго-восточнее мачты морского флажкового телеграфа из булыжного камня были построены кухня и столовая¹⁵. Отмечен этот факт и в исследовании З. Б. Тихонравовой¹⁶. На пометрических межевых планах 1840 г. («Померический специальный план... Собственной Ея Величества Государыни Императрицы Дачи Александрии с Парком, межевания 1840 года») ¹⁷ и 1850 г. («План земель города Петергофа и принадлежащих к нему деревень... План А. Попова») сооружение (башня) четко обозначено как «телеграф»¹⁸. Однако с распространением электромагнитного телеграфа системы Самуэля Финли Морзе (1791—1872) прежние виды дистанционной связи быстро устарели. В 1857—1858 гг. по проекту архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера (1802—1865) в юго-западной части «Собственной Ея Величества Дачи Александрия» близ Новой фермы была возведена станция уже проводного электромагнитного телеграфа, ставшая частью линии от Кронштадта до Зимнего дворца в Санкт-Петербурге¹⁹. Прокладку кабеля первого в России электромагнитного телеграфа осуществила фирма прусского инженера и предпринимателя Вернера фон Сименса (1816—1892). Интересно отметить, что первоначально (с 1853 по 1858 г.) петергофский узел связи системы С. Морзе был размещен именно в башне оптического телеграфа (семафорный механизм перед этим был демонтирован)²⁰, а до 1882 г. станция императорского телеграфа в Александрии была доступна и для жителей Петергофа. По данным З. Б. Тихонравовой, после переноса в 1907 г. дворцовой станции из Александрии в помещение кухонь при Готических домах телеграфный пост был размещен и в Новом дворце (скорее всего в Служебном доме), функционируя здесь с 1907 по 1917 год. Также отметим, что с 1865 г. импульсные аппараты Морзе императорского телеграфа были дополнены более совершенными буквопечатающими клавишными приемопередающими устройствами системы английского изобретателя Дэвида Эдуарда Юза (1831—1900)²¹.

Завершая сюжет об Александрийской башне оптического телеграфа, отметим, что в 1859 г. данное сооружение перешло в ведомство Петергофского дворцового управления Министерства Императорского двора и до начала 1880-х гг. использовалось в качестве караульного помещения для дежурного наряда береговой охраны²². Финальную черту полувекового существования некогда столь важной башни как раз и подвело начавшееся строительство Нового дворца для наследника Российского пре-

стола. После ее разборки от комплекса осталась лишь валунная обкладка береговой черты, сохранившаяся до нашего времени ²³.

Возвращаясь к тематике Нового дворца, отметим, что цветовая гамма (чересполосная комбинация желтого и терракотового облицовочного кирпича из Силезии) четырехэтажного дворца со сложным декором фасадов (двухмаршевая входная лестница, балконы, лоджии и террасы, полуциркульный эркер, а также архитектурная доминанта — стройная шестиэтажная башня «донжона» с застекленным бельведером и флагштоком на четырехскатной крыше для подъема имперского штандарта, обозначавшего присутствие государя), были выполнены в эклектичной стилистике загородных палаццо италийского ренессанса и поздневизантийских вилл. Гармоничное сочетание полихромного клинкерного кирпича, гранита, песчаника, дерева и иных материалов в декоре здания производили двойственное впечатление: с одной стороны было налицо применение передовых строительных технологий, с другой — изысканный колорит псевдосредиземноморской старины. «Приморский дом» пришелся по душе едва вступившему на престол императору Николаю II, который в 1895 г. провёл здесь с Александрой Фёдоровной (1872—1918), находившейся уже в положении, первое лето своей семейной жизни ²⁴. Однако царской чете сразу же стала понятна необходимость скорейшего расширения дворца и прилегающих к нему служебных построек (3 ноября 1895 г. в Александровском дворце Царского Села родилась старшая дочь августейшей четы — великая княгиня Ольга Николаевна).

Второй этап строительства объектов Нижней дачи относится к периоду 1896—1898 годов. В 1896—1897 гг. по высочайшему заказу А. О. Томишко расширил первоначальное здание дворца, пристроив к нему новый корпус с южной стороны (так называемую «детскую половину») ²⁵. Северный и южный корпуса дворца, имевшие общее стилистическое решение, соединила проходная двухэтажная галерея с изящным арочным проездом под ней (отделка интерьеров продолжалась до середины 1898 года) ²⁶. Для отвода в ливневую канализацию дождевой и талой воды балконы и открытые террасы были снабжены напольными водопрпускными решетками и шпигатами, а водосточные оцинкованные трубы, закрепленные на фасадах всех зданий посредством подземной керамической магистрали «ливневки», были замкнуты на чугунную трубу сточной канализации, выходившей в канал. Данное решение снимало сразу две проблемы: во-первых, дождевая вода не выводилась на отмостку зданий и не подтапливала газоны и дорожки, а, во-вторых, обеспечивала дополнительный смыв неизбежно образующихся отложений в сточной канализации. Подобным «изыском» технологического обустройства не могли похвастаться даже парадные дворцовые здания, водосточные трубы которых ориентированы были на прилегающие отмостки или тротуары. Очистка канализационных стоков Нижней дачи осуществлялась системой переливных выгребов и осадочных колодцев, закрытых люками, то есть, в современной терминологии, септиками (разница состоит лишь в том, что «дренажное поле» септика заменяла выводная чугунная труба).

С 5 мая по 4 июня 1898 г. удалось решить и проблему загрязнения прибрежной части залива восточнее молов выводимыми из александрийского канала сточными сбросами (образующийся застой нечистот сильно

портил вид и вызывал зловоние). Для этого по дну Финского залива в северо-восточном направлении (в сторону открытой воды напротив Знаменки) были проложены две отводные магистрали сточной канализации длиной около 100 саженей (одна чугунная, другая деревянная с внутренней осмолкой), доходившие до участков активной циркуляции придонных течений. Укладка магистралей проводилась кессонным способом с откачкой воды на период земляных работ²⁷. Следует отметить, что в период строительства (1896—1897 гг.) царская семья для летнего местопребывания использовала Фермерский дворец, с восточной стороны которого в 1896 г. по проекту архитектора Петергофского дворцового управления академика архитектуры Александра Ивановича Семёнова (1856—1909) был построен теннисный корт по личному заказу Николая II²⁸. Также необходимо указать, что именно в Фермерском дворце 29 мая 1897 г. родилась Татьяна — вторая дочь императорской четы.

В 1897—1898 гг. по проекту А. О. Томишко восточнее Нового дворца за семь месяцев был возведен трехэтажный Служебный дом с шестизатальной водонапорной башней высотой 22,75 м, на верхнем этаже которой был размещен железный распределительный бак на 1300 ведер воды²⁹. Данное гидротехническое устройство давало возможность для поступления питьевой воды во все постройки комплекса, а также обеспечивало работу гидравлического («водяного») лифта, находившегося в парадном вестибюле южного корпуса дворца и поднимавшегося с первого на второй и третий этажи. Все сантехнические работы по устройству водопровода (горячей и холодной воды), отопления и канализации были проведены высококвалифицированными специалистами известной фирмы Франца Карловича Сан-Гали (1824—1908). Избегая дальнейшего изложения технических подробностей в описании гидротехнических сооружений (систем водоподведения и водоотведения), этапов благоустройства в области инженерной инфраструктуры и других коммуникационных аспектов комплекса зданий Нового дворца, отошлем заинтересованного читателя к блестящему исследованию М. П. Ужгеренас³⁰. Несколько позднее был расширен и двухэтажный Кухонный флигель³¹, о чем подробнее речь пойдет чуть ниже.

Важным объектом второго этапа работ также стало строительство шлюпочной гавани закрытого типа с ведущим к ней гребным каналом. Для защиты канала от волн и посторонних глаз его акваторию ограничивали с западной и восточной сторон два параллельных мола длиной 150—160 саженей, то есть более 300 м (решение было вынужденной мерой, поскольку мелководность прибрежной части Финского залива не позволяла подход и швартовку яхт океанского класса в непосредственной близости у дворца). Как уже упоминалось, строительство этих сооружений предусматривалось еще первоначальным техническим заданием. Однако эскизный вариант морского канала для лодок и катеров с прибрежной гаванью, представленный Томишко еще в 1883 г., реализован не был³². В 1892 г. архитектор Семёнов представил свой проект «гавани для шлюпок и выхода для них в море при Новом дворце в Александрии». Для преодоления крутого спуска от дворца к гавани предусматривалась каменная лестница, выходящая непосредственно на причальную набережную³³. В 1893 г. проект после доработки был утвержден и выполнен³⁴. В 1895—1897 гг.

были выкопан канал и сооружены оградительные молы (дамбы) от дворцовой гавани до «большой воды» залива. Береговую черту гавани и борта гребного канала ограничили деревянными шпунтовыми сваями и обшили брусом и досками в два слоя (межсвайные пустоты были засыпаны колотым гранитом). Нерегулярная обкладка крупным камнем укрепила с внешней стороны защитные молы (позднее, во избежание образующегося застоя, в них были проделаны водопропускные створы с перекинутыми над ними мостиками).

В 1898 г. был построен новый трехкамерный ледник, а также благоустроен сад с разбивкой новых клумб, дорожек, мостков и иными «изысками» — пожарными и поливочными гидрантами, бетонированным водопропускным шлюзом на переходе от канала к подземной магистрали и проч. Тогда же к Караулке у парадных ворот (въезд со стороны Знаменки) было пристроено помещение для дежурного офицера. Поблизости был сооружен и огражденный хозяйственный двор с несколькими сараями и навесом для дров (отопление во дворце и служебных флигелях было печное), псарня и площадка для экипажей. Окончательно работы по благоустройству территории Нижней дачи были завершены к началу 1900 года.

Последний период достроек Нижней дачи относится уже к 1906—1909 гг., когда появились Швейцарский домик, деревянный барак для матросов с императорской яхты «Штандарт» (с любимой яхтой императорской семьи Дачу связывала и «корабельная» комната Николая II, расположенная на третьем этаже Нового дворца и полностью воспроизводившая интерьер Яхтенного кабинета), а также навес для личных байдарок Николая II и бетонный туалет для рабочих на территории караульного хозяйственного дворика³⁵. В 1908—1909 гг. состоялась электрификация Нового дворца и окружающих его построек. Для этого в хозяйственной зоне был размещен трансформаторный киоск (один из трех в Александрии)³⁶.

Однако вернемся к истории главного объекта всего дачного комплекса — Новому дворцу. Именно здесь, в южном его корпусе (так называемой «Детской половине»), родились младшие дочери царствующей четы — Великие княжны Мария (14 июня 1889 г.) и Анастасия (5 июня 1901 г.), а в самый разгар проходившей русско-японской войны — долгожданный сын и наследник престола Алексей Николаевич (30 июля 1904 г.). Из документов, подписанных Николаем II в своем дачном кабинете, отметим Указ от 1 сентября 1904 г. о создании Санкт-Петербургского телеграфного агентства, а также Высочайшие манифесты: 17 октября 1905 г. «О даровании гражданских свобод» и 20 июля 1914 г. «О вступлении России в войну». Отсюда же в конце июля 1914 г., пытаясь предотвратить надвигающуюся войну с Германией, Николай II обменивался телеграммами с кайзером Германской империи Вильгельмом II (1859—1941; на престоле с 1888 по 1918 г.)³⁷. Летний сезон 1914 г. оказался последним, когда царская семья отдыхала на Нижней даче в полном составе. Несколько эпизодических и кратковременных появлений в Петергофе Николая II (иногда с кем-то из детей), с обязательной прогулкой по Александрии и заходом в столь любимый «дом у моря» относятся к 1915 году³⁸.

Судьба комплекса зданий Нового дворца после революций 1917 г., впрочем, как и остальных построек Александрии, трагична: что-то успели разграбить, что-то эвакуировать и переместить, что-то потерять, а случившееся в 1924 г. мощнейшее наводнение нанесло значительный ущерб шлюпочной гавани и интерьерам первого этажа дворца³⁹. Важным источником, проясняющим события начального периода Петергофских дворцов-музеев, являются воспоминания хранителя Большого дворца, Монплезира, Марли и Эрмитажа Михаила Михайловича Измайлова (1874—1937)⁴⁰, опубликовавшего еще в 1909 г. большой путеводитель по Петергофу⁴¹. По его свидетельству, работа по систематизации интерьеров семнадцати зданий Петергофа (переданных под музей дворцов и павильонов) началась только в 1921 г., и лишь «в 1924—1925 гг. были восстановлены в своем внутреннем убранстве дворцы Александрии: Нижний, Фермерский и Коттедж»⁴². Большую роль в сохранении и консервации единиц хранения, а также их первичной сортировке и описи (музеефикации), сыграли архитектор упраздненного после революции Петергофского дворцового управления Александр Константинович Миняев (1862—1919), в 1917—1918 гг. выполнявший функции главного распорядителя, и первый директор музея с 14 ноября 1918 г. (в буквальном лексике — «особый хранитель для заведования в научно-художественном отношении, охранения и изучения») Фёдор Густавович Беренштам (1862—1937), занимавший эту должность до 1 марта 1924 г. (до революции Ф.Г. Беренштам — действительный член Императорской Академии художеств, действительный статский советник и директор библиотеки Императорской Академии художеств)⁴³. Согласно данным М.М. Измайлова, в 1926 г. среди прочих «был восстановлен в музейном виде Нижний дворец Николая II», где «выполнена работа по дополнительной экспозиции, иллюстрирующей эпоху последнего Романова на фоне подымающейся революции»⁴⁴. Решение об открытии бывшего дачного комплекса Николая II в Александрии для обозрения экскурсантами последовало в июне 1926 г. (Большой дворец, Монплеzir, Эрмитаж и Марли были открыты для широкой публики еще 1 июня 1918 г.), а 31 октября того же года ответственным хранителем «Нижнего дворца» был назначен сотрудник научного отдела Петергофских дворцов-музеев Семён Степанович Гейченко (1902—1993), пришедший на работу в Петергоф после окончания Петроградского (с 1924 г. — Ленинградского) университета в 1924 году⁴⁵. Молодой сотрудник, родившийся и выросший в Петергофе, развил кипучую деятельность и проявил подлинный энтузиазм в подходе к делу и его организации: буквально сходу он создал несколько тематических экспозиций и подготовил серию экскурсионных программ в интерьерах Нового дворца и прилегающей к нему территории. Только функция этого музея, как, собственно, и остальных «старорежимных» объектов Петергофа, была развернута в совершенно иную от истории и культуры сторону. Этой стороной стал агитационный «политпросвет» рабочего экскурсанта в духе «вульгарного социологизма». Еще можно было бы как-то понять данную ситуацию, исходя из сложившейся тогда в стране общей идеологической обстановки и жестких требований контролирующих инстанций большевистского режима (музеи СССР хотя и находились формально в ведении «ГлавНауки НарКомПроса», но реаль-

но курировались партийными органами и спецслужбами ОГПУ-НКВД), как это обычно воспринимают современные исследователи ⁴⁶, но объяснить внутренние мотивации музейщиков в активном потворстве этой тенденции, и даже встречном к ней движении, весьма проблематично. Открывшаяся для обозрения экскурсантов Нижняя дача Николая II была представлена С. С. Гейченко как яркий образец «безвкусицы и деспотизма ушедшего в небытие царизма» ⁴⁷. Так, главный акцент экспозиции «Крах империализма» и экскурсионного маршрута «Революционное движение и затворнический быт царской резиденции» делался исключительно на борьбе трудового народа с монархией, а собранная в кабинете Николая II подборка материалов о «Японской войне» наглядно свидетельствовала, по замыслу автора, о «военном бессилии агонизирующей империи» ⁴⁸. В камердинерской комнате Нового дворца была развернута тематическая экспозиция о покушениях революционно настроенных террористов на русских монархов и членов императорской фамилии. В таком же ключе были написаны Гейченко в соавторстве с хранителем музейного собрания дворца Коттедж и бывшим однокурсником по университету Анатолием Владимировичем Шеманским (1904—1941) и путеводители по Нижнему дворцу 1929—1932 годов ⁴⁹.

Так, в лучших традициях уже сформировавшегося пролеткульта, А. В. Шеманский и Гейченко в путеводителе 1932 г. охарактеризовали прежних владельцев Нового дворца как «коронованных мещан» и «сто-процентных обывателей», собравших в «неуклюжем» здании «бездарные картинки, пошлые литографии и дрянные безделушки». Все это, по их мнению, «свидетельствует о самой безнадежной отсталости от среднего художественного уровня времени». Самой Нижней даче Николая II ими была дана столь же пренебрежительная оценка: «В своем окончательном виде этот дом оказался довольно типичным, но далеко не лучшим образцом буржуазного особняка, бесславно закончившим дворцовое строительство Петергофа» ⁵⁰. Архитектор Томишко был заклеямен музеями как «убогий подражатель западно-европейской архитектуры» (антипатию к Томишко, по-видимому, усугубляла еще и построенная им в Петербурге в 1884—1890/1892 гг. известная тюрьма «Кресты») ⁵¹. Еще более зловещим и скабрёзным выглядит едкий сарказм авторов по поводу болезни «малолетнего наследника, не способного самостоятельно передвигаться» и его «государственного служения» ⁵². Излишне говорить и о том, что упреки Шеманского и Гейченко о «непомерных» и «астрономических» суммах, уходивших на содержание дачных построек последних Романовых, и вовсе лишены всякого смысла, поскольку вся инфраструктура «Собственных» дворцов и парков строилась и содержалась за счет личных средств августейшей фамилии.

Столь показательное рвение молодых сотрудников Петергофских дворцов-музеев не осталось без внимания и было высоко оценено известным историком и искусствоведом, директором Ленинградского государственного института истории искусств, профессором Ленинградского университета Фёдором Ивановичем Шмитом (1877—1937), выразившим им в своей монографической инструкции по музейному делу особую похвалу за то представление, которое получал посетитель от «вырожденческой обстановки» и о «том шкурном страхе за свою жизнь, под гнетом

которого с детства жил Николай II, так же как его отец и дед, — страхе ежедневном и ежечасном, который загнал Николая II в самый дальний угол Петергофа и совершенно отрезал его от всего мира»⁵³. В подобном тоне Шмитом были охарактеризованы практически все дворцы-музеи Петергофа, Гатчины, Павловска, Ораниенбаума и других окрестностей Ленинграда, а сама эпоха русского самодержавия XVIII — начала XX в. представлена исключительно «никчемной» и «бездарной», а устроители самой крупной в мире империи характеризуются не ин как «яркие реакционеры», «убежденные крепостники» и «слепые подражатели западноевропейских стилей и увлечений» (некоторое исключение в негативных оценках было сделано только для Петра I)⁵⁴. Семейные отношения царствовавшей династии преподнесены читателю исключительно в уничижительной карикатурно-саркастической форме, особенно это касалось Николая II — «буржуа-дачника, который имеет больше денег, чем потребностей»: «Убогая и по-дешевому уютная комната германо-английской принцессы Александры Федоровны», «бесчисленные, нежеланные, нелюбимые дочери царя», «больной гессенскую болезнью наследник» и прочее⁵⁵. Помимо этого, вызывает подлинное недоумение подход Шмита, имевшего большой опыт еще дореволюционного каталогизирования и систематизации музейных ценностей, к предметам и интерьерам музеефицированных после революции дворцов: что-то предлагалось во имя «политпросвета» убрать, что-то добавить, а что-то и вовсе продать или выбросить. Именно с таким размахом и революционным задором решался вопрос об организации музейного дела и в Петергофе, где, по воспоминаниям самого Гейченко, отношение к вещам было «весьма своеобразным», а «искусство XIX века, как и модерн, вообще не считалось искусством»⁵⁶. С подачи и одобрения Шмита, выступившего еще 9 июля 1927 г. на совещании Музейной части с докладом «Проект экспозиции Петергофских дворцов-музеев»⁵⁷, метод «дополнительных экспозиций» стал основополагающим для петергофских музейщиков, а его авторы Шеманский и Гейченко находили полную поддержку со стороны директора Петергофских дворцов-музеев — Николая Ильича Архипова (1887—1967)⁵⁸.

В июле 1933 г., возвращаясь после посещения Беломорско-Балтийского канала, Петергоф посетили Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) Иосиф Виссарионович Сталин (1878—1953) и Первый секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) Сергей Миронович Киров (1886—1934). Большой дворец и фонтаны вниманию вождей представлял Н.И. Архипов, Нижний — Гейченко, а Коттедж — Шеманский⁵⁹. Причем, Гейченко потом в своих воспоминаниях датировал это событие 1932 г.⁶⁰, а Архипов, по сведениям действующего директора ГМЗ «Петергоф» Е.Я. Кальницкой, — 1934⁶¹. Ошибка могла бы показаться весьма странной (забыть, будучи историками, дату такого события!), но многое объясняют последующие обстоятельства: все перечисленные персонажи были арестованы как «враги народа» по пресловутой 58-й статье: в 1937 г. лишились свободы заместитель директора по научной части Шеманский (2 июня)⁶² и директор Архипов (9 октября)⁶³, а Гейченко, уволившийся из Петергофских дворцов-музеев в том же 1937 г., был арестован 13 июля 1941 года⁶⁴. Но если для «петергофцев» дело закончилось исправительно-трудовыми ла-

герями, то повторно арестованного в августе 1937 г. Шмита расстреляли по приговору «особой тройки» НКВД Узбекской ССР в конце 1937 г. в Ташкенте (первый арест по «делу славистов» с последующей высылкой в Казахстан произошел 26 ноября 1933 г.)⁶⁵.

Так большевистская власть «оценила» идеологическую лояльность столь ревностных разоблачителей «безвкусию старорежимного наследия». Не замедлил случиться приговор и самим дворцам-музеям, значительная часть которых была передана под дома отдыха, склады или жилой фонд (общежития и коммунальные квартиры). К началу 1937 г. только 11 из 36 дворцовых зданий Петергофа (по состоянию на 1924 г.) остались в ведении музея. Особенно от повторной «экспроприации» пострадала Александрия, где на побережье был открыт общественный пляж с завезенным из карьеров песком и устроенными точками общественного питания, а Новый и Фермерский дворцы, как и целый ряд других построек, стали домами отдыха, библиотеками, кафетериями, танцплощадками и прочее⁶⁶. Все это было частью охватившей страну в 1930-е гг. идеологической кампании по ускоренному строительству социализма и активному участию в этом трудящихся масс. Новые принципы политических установок на усиление «классовой борьбы» с «врагами народа» и «затаившейся контрреволюцией» требовали ликвидации музеев дворянского быта и научно-экспозиционных отделов музеев «старого» режима как ненужных и вредоносных⁶⁷. Не забывала власть и о развлекательной стороне дела с императивом И.В. Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее!», что влекло за собой передачу целого ряда музеев и дворцов под дома отдыха и санатории-профилактории. Как знать, не сыграла ли свою роль в отторжении от музейного ведомства Нового дворца и историческая справка, написанная Гейченко в 1934 г. — «Нижний дворец. Дача Николая II (1895—1914 гг.)?» Мысль далеко не праздная, если учесть, что в очередной раз специалистом с университетским образованием и опытом работы всему комплексу бывшей дачи Николая II была дана нелицеприятная оценка как «обычному буржуазному особняку»⁶⁸. Аналогичную точку зрения на эстетику Нижнего дворца высказал в своем путеводителе 1935 г. с тем же названием и Шеманский⁶⁹. Так или иначе, но президиум Ленсовета 15 ноября 1936 г. вынес постановление «О помещении для Дома отдыха инструкторов ОК и РК ВКП(б)», в связи с чем дирекции музея надлежало в трехдневный срок осуществить передачу новым владельцам «Нижнего дворца с находящимся там оборудованием»⁷⁰. Остается непонятным, чему потом так удивлялись «потрясенный» Гейченко и его единомышленники «по цеху»?⁷¹

В данном случае мы не стремимся к предвзятым оценкам и осуждению запутавшихся в идеологической «паутине» музейщиков, а лишь апеллируем к объективной логике фактов. По данным Ю.В. Кольцова, с 1936 г. на территории Нижней дачи соседствовали Дом отдыха Союза печатников и база отдыха Ленинградского отделения Профсоюзов. С конца июля 1941 г. санаторий ЦК Союза полиграфической промышленности был передан в ведение Медико-санитарного отдела КБФ, где был размещен дом отдыха для выздоравливающих после полученных ранений летчиков морской авиации⁷². Указала в своем исследовании на факт вывода Нижней дачи из музейной юрисдикции в 1936 г. и Д.С. Никитина⁷³. Из-

вестный петергофский краевед Виталий Андреевич Гущин (1939—2002) отмечал, что в предвоенный период интерес к Нижней даче проявлял также НКВД, имевший уже в своем распоряжении дом отдыха в Фермерском дворце и расположенном вблизи от него Сосновом доме (утрачен в годы Великой Отечественной войны). Также, по сведениям Гущина, при инвентаризации (описи) имущества Нового дворца в 1936 г., все сохранившиеся иконы были сожжены на устроенном поблизости костре ⁷⁴.

Подытоживая, отметим, что в 1936—1937 гг. состоялся фактический разгром органами советской власти Петергофских дворцов-музеев как единого музейно-экспозиционного центра: дворцы и великокняжеские особняки Александрии (кроме Коттеджа) были лишены музейного статуса, а ведущие сотрудники и дирекция арестованы и осуждены на длительные сроки заключения с отправкой в исправительно-трудовые лагеря (Шеманский, Архипов и др.). В этот же период из «старого» состава коллектива кто-то умер (Измайлов, Беренштам), кто-то, не выдержав давящей обстановки страха и уныния, уволился (Гейченко). Однако, как показали дальнейшие события, этот период был лишь прелюдией к временам настоящей трагедии Петергофа в целом, и Нового дворца в Александрии в частности...

Возвращаясь к основной линии сюжета, отметим, что началом конца комплекса зданий Нижней дачи Николая II стала Великая Отечественная война: оборонительные бои на рубеже парковой границы Александрии от наступающего со стороны Стрельны противника 21—22 сентября, десант моряков-балтийцев 5 октября 1941 г. ⁷⁵, а также огонь своей же крепостной и корабельной артиллерии КБФ со стороны Кронштадта и Ораниенбаума нанесли серьезный ущерб зданиям и интерьерам (при проведении работ в слое нами были обнаружены многочисленные осколки от крупнокалиберных снарядов). Кроме того, в период немецкой оккупации Новый дворец и вспомогательные его постройки были превращены в хорошо укрепленные огневые точки с бетонированными оконными проемами нижних этажей и разветвленной системой окопов, блиндажей и щелей для укрытия от внезапных артобстрелов и авианалетов (отступая из Петергофа, вражеские солдаты взорвали свои укрепления и излишние боеприпасы, что нанесло дополнительный урон комплексу зданий Нового дворца) ⁷⁶.

И все же, несмотря ни на что (трещины и сквозные проломы на стенах, частичное обрушение крыши, выбитые стекла и оконные рамы, полное отсутствие интерьеров, водо- и электрокоммуникаций, и проч.), Нижняя дача устояла и при желании вполне могла быть отреставрирована. Однако музейщики совершенно не интересовались этим объектом, изначально входившим в единую структуру «Собственной Ея Величества дачи Александрия»: некогда великолепный дворцовый комплекс Николая II даже не упоминается ни в «Отчете о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 г.», составленном перед самым приходом немцев главным хранителем музея Филаретом Александровичем Лосевым ⁷⁷, ни в докладных записках хранителя эвакуированного имущества Петергофских дворцов-музеев, находившегося в Исаакиевском соборе, Марины Александровны Тихомировой (1911—1992) от 1 и 6 февраля 1944 г., написанных по результату «беглого осмотра музейных объектов

в Петергофе» 31 января 1944 г., то есть через 12 дней после ухода оккупантов (19 января 1944 г. отмечается как день освобождения Петергофа от немецко-фашистских войск)⁷⁸.

Уместно отметить, что примерно в таком же состоянии разрушения после ухода немцев из Петергофа находился и собор Св. Первоверховных апостолов Петра и Павла, построенный в 1895—1905 гг. по проекту архитектора Николая Владимировича Султанова (1850—1908), что не мешало его поэтапно восстановить в прежнем великолепии. Комплекс же построек Нового дворца, выведенных из музейного ведения еще в 1936 г., ждала совершенно другая участь: в 1961 г. он был взорван по идеологическим соображениям и в целях безопасности отдыхающих граждан⁷⁹. Многотонные обломки стен и несущих конструкций разлетелись на десятки метров, обезобразив прилегающую территорию парка. После проведенной акции от здания остались лишь фрагменты цокольной части северного и южного корпусов дворца. Кухонный же флигель и Служебный дом были уничтожены полностью, за исключением фундаментных конструкций и подземной части водоотводных коммуникаций. Избежали подрывов лишь уцелевшие в годы войны Караульный дом с участком внешней ограды и въездными воротами со стороны Знаменки, а также Швейцарский домик, чему способствовали некоторая удаленность от дворца и проведенные после войны ремонтные работы (более подробные данные об этапах строительства и истории дачного комплекса Нового дворца представлены в исследованиях А.А. Белова, Д.С. Никитиной и Е.В. Бойцовой)⁸⁰.

В данном контексте необходимо отметить и другой факт поистине варварского отношения властей к некоторым объектам культурно-исторического наследия Петергофа. Так, в 1946 г. по совершенно непонятным причинам на Торговой площади Петергофа были разобраны сразу три хорошо сохранившиеся в годы войны постройки: часовня преподобного Иосифа Песнопевца, возведенная на средства жителей Петергофа в 1868 г. по проекту главного архитектора Петергофского дворцового управления Министерства Императорского двора, академика архитектуры Николая Леонтьевича Бенуа (1813—1898)⁸¹, городская Ратуша, построенная в 1913 г. по проекту упоминавшегося выше архитектора Петергофского дворцового управления А.К. Миняева⁸² и прачечная, построенная в том же 1913 г. по проекту архитектора Петергофского дворцового управления Сергея Васильевича Беляева (1871—1945) на месте прежней обветшавшей «портомойни»⁸³. Парадоксально, но практически утраченные объекты советская власть неимоверным трудом восстанавливала, а сохранившиеся безжалостно уничтожала...

К задачам архитектурно-археологических работ первого этапа наших исследований (2003 г.) относилось обследование территории у северного фасада дворца: состояние морского причала гавани для лодок, береговых откосов, лестницы от причала к дворцу и дорожно-аллейной сети прибрежной части сада⁸⁴. Прежде всего, интерес вызывала достоверность чертежных и иконографических материалов, то есть соответствие реального месторасположения объектов имеющимся планам. Так же необходимо было определить степень сохранности скрытых ниже современного уровня дневной поверхности (далее — УДП) конструкций,

мощность образовавшихся напластований и т. д. В 2004 г., когда музейной и городской общественностью отмечалось 100-летие со дня рождения цесаревича Алексея Николаевича ⁸⁵, нами осуществлялся общий мониторинг прилегающей к руинам дворца территории, а также проводились незначительные работы исследовательского плана в виде серии индикационных зондажей и зачисток («пристрелка» к следующему этапу работ).

Обследование береговой черты некогда закрытой гавани с причалом для лодок и катеров, находившимся всего в девяти метрах от северо-восточного угла Нового дворца, началось с серии диагностических зондажей местности, на момент начала работ полностью заросшей камышом и крапивой. Как выше уже отмечалось, сооружение значительно пострадало от случившегося в 1924 г. наводнения. Внешний вид и конструкцию гавани хорошо передает фотоснимок, сделанный с восточной стороны вскоре после события. На кадре представлен не только масштаб разрушений, но и общая планировка берега с двумя пролетами каменной лестницы, соединяющей лужайку перед дворцом и причал ⁸⁶. На сегодняшний день гавань, как и ведущий в нее морской канал, едва различимы под перекрывшим их слоем песка и растительности. Диагностические зондажи показали, что утраченными оказались лишь деревянные конструкции пристани (сваи, шпунтовая стенка, настил и проч.) и защитных молов (переходные мостки над сквозными протоками), каменные же обкладки береговых откосов и параллельных молов полностью сохранились. Их нужно только расчистить от образовавшихся наслоений песка и грунта и поправить. Раскрытие нижнего пролета лестницы на протяжении 3,6 м было осуществлено четырьмя шурфами LIII—VI, слитыми в единый раскоп площадью 16,2 кв. м. Здесь необходимо пояснить, что сделанные нами археологические шурфы на различных объектах Александрии имеют сквозную нумерацию: на 2012 г. их число составило 235 (I—CXXXV) общей площадью 1000,5 кв. м. Данная методика позволила избежать путаницы при совмещении отчетных материалов в единый формат. Произведенные замеры ступеней показали следующие величины: ширина — 1,55 м, с блоками боковой обкладки — 2,2 м. Часть облицовки — бетонные плиты настила центральной площадки (0,5 x 0,5 м) и боковые блоки обкладки — отсутствует. Всего лестница имела три сектора: нижний — четыре ступени от пристани до центральной площадки, собственно проходную площадку и верхний — восемь ступеней от площадки до прибрежной аллеи сада. Как уже отмечалось, гаванская лестница и пристань были перекрыты образовавшимся слоем грунта, растительности и разлетевшимися обломками здания дворца. В 2004 г. нами был раскрыт и верхний участок лестницы.

Основной задачей изучения планировки дачного сада была проверка на соответствие имеющихся планов реальному расположению перекрытых грунтом аллей. Для предметного обследования был выбран ровный и незахламленный участок перед северным фасадом здания дворца. По плану, как раз напротив главного крыльца, должна была проходить набивная дорожка, соединяющая аллеи внутреннего и внешнего полукольца прибрежной части сада. Детальные промеры с привязкой на сохранившийся цоколь здания определили место закладки шурфов LVII—VIII, объединенных в раскоп 4 x 2 м. В ходе раздерновки и послышной выборки

грунта, на глубине 0,3 м от современного УДП, был обнаружен искомый перекресток аллей. Покрытие представляло собой качественную отсыпку крупного гравия на глине с включениями крупнозернистого песка и дресвы. Ширина аллеи — 1,7 м. Южный край внутреннего полукольца аллеи, огибающей в этом месте северное крыльцо дворца, расположен в 8,7 м от него. Однако это расстояние, согласно имеющимся планам, должно было быть около 10 м. Впрочем, если учесть масштаб и уровень исполнения данных планов, то это является вполне допустимой погрешностью. Дальнейший зондаж контура отсыпки соединительной дорожки, ведущей в сторону берега залива, показал полное соответствие ее направления тому, что отмечено на планах конца XIX — начала XX века⁸⁷. Подтверждает это и целая серия фотографий того же периода. Полностью раскрыть внешнее полукольцо обходной аллеи помешал разросшийся и перекрывавший его кустарник.

Как уже отмечалось, основная территория служебных построек Нижней дачи (Кухонный и Служебный флигели, ледник, Матросский барак и пр.) на момент наших работ 2003 г. практически полностью была перекрыта крупными обломками зданий, взорванных в 1961 году. В 2004 г. началась частичная разборка руин дворца с перемещением обломков здания на восточный периметр территории, что еще более осложнило доступ ко всей инфраструктуре дворцово-дачного комплекса. Как следствие, для работ второго этапа исследований, проведенных нами в 2005 г., оказались доступными лишь садовый фонтан у Служебного (Жилого) флигеля и южная часть полностью утраченного Кухонного флигеля (на уровне современной дневной поверхности сохранился лишь нижний ярус цокольной части здания, переходящий в фундаментную конструкцию)⁸⁸.

Имеющийся на территории комплекса фонтан (расположен над насыпанной частью Александрийского канала у западного фасада разрушенного Служебного дома) был раскрыт шурфами СXXXIII—XLV общей площадью 49,38 кв. м. Конструкция показала относительно хорошую сохранность, как кладки чаши бассейна, так и частично расчищенных коммуникаций — водоподводящей и водоотводящей труб. Кирпичный с бетонной обмазкой бассейн имеет круглую форму диаметром 6,5 м по внешнему обводу, и 5,67 м — по внутреннему. Профиль борта бассейна имеет наклон в наружную сторону и толщину 0,3 м. Внутренняя высота бортов бассейна от уровня дна составляет 0,8 м, наружная — 0,75 м. Кладка бортов бассейнового кольца состоит из восьми рядов цельных красноглиняных кирпичей. Девятый ряд сложен из половинок, что дало возможность создать закругленный профиль бетонной обмазкой. Борт бассейна имеет фундамент, состоящий из двух рядов кирпичей на валунной кладке. Основание фундамента имеет замок из мятой глины. Установить толщину замка (нижнюю отметку глубины залегания) не удалось по причине высокого уровня грунтовых вод (далее — УГВ) и вплотную подступающего с южной стороны водоотводного Александрийского канала, отделенного к тому же от фонтана металлическим забором. Старый УДП, изначально прилегавший к чаше бассейна, маркируется прослойкой кирпичного щебня, находящейся на отметке 1,8 м Балтийской Системы высот от Кронштадского ординара (далее — БС). Современный УДП имеет показатель 2,08 м БС, что на 20—25 см выше старого УДП. Дно чаши

фонтана выложено бетонными плитками, имеющими поверхностную обмазку (общая толщина — 4,7 см). Подстилающая донную конструкцию забутовка состоит из битого кирпича и валунного камня. Высотные отметки фонтана имеют следующие показатели: дно бассейна — 1,52 м БС, верхняя точка борта — 2,27 м БС ⁸⁹.

В ходе работ также была раскрыта под донной обмазкой водоподводящая железная труба, идущая к центру с западной стороны (к следующему дню исследований труба была зачем-то загнута вверх мародерами). У самого борта восточной части бассейна был обнаружен раструб чугунного водослива Ø 155 мм. Загиб водоотводящей трубы ориентирован на канализационную магистраль, проложенную как раз под фонтаном от канала в Финский залив. Очистка горловины водозабора фонтана от забивших ее наслоений дала интересный материал: целую серию из 23-х мелких советских монет выпуска 1926—1941 гг.: двухкопеечный номинал — 18 шт. (1926 г. — 2 шт., 1928 г. — 1 шт., 1930 г. — 3 шт., 1936 г. — 5 шт., 1937 г. — 2 шт., 1938 г. — 2 шт., 1939 г. — 2 шт., 1941 г. — 1 шт.), трехкопеечный — 2 шт. (1929 и 1930 гг.), пятикопеечный — 3 шт. (1928 г. — 1 шт., 1930 г. — 2 шт.). Помимо датирующего значения, обнаруженная серия монет указывает на интересный факт: соблюдение отдыхающими старого как мир поверья — бросания монет в фонтан «на счастье» и перспективу своего возвращения к столь понравившемуся месту. Из других сопутствующих выборке слоя находок отметим железную водометную форсунку с диаметром выходного отверстия 1 см (обеспечивала даже при незначительном напоре воды достаточно высокую струю фонтана) и резьбовым соединением с водоподводящей трубой, а также ручку железного винтового ворота водозапорного механизма фонтана (все находки были сданы в Отдел реставрации и реконструкции ГМЗ «Петергоф») ⁹⁰.

Самым важным в интерпретации данного объекта представляется хронологический аспект. Архивные данные не содержат о фонтане никакой информации. Планы Александрии 1905 г. (архит. А.И. Семёнов — «Дача Ея Величества «Александрия») ⁹¹ и 1909 г. (архит. А.К. Миняев — «Дача Ея Величества «Александрия» с показанием установки трансформаторных киосков под лит. А, Б и В») ⁹² достаточно детализированы, поскольку на них обозначены даже фонарные столбы и скамейки для отдыха. Невозможно предположить, что фонтан на них просто забыли отметить. Особенно тщательно исполнен план Миняева, топографическая основа которого была применена и для плана 1929 года ⁹³. Кроме того, ранее 1905 г. фонтан просто не мог быть сооружен, так как на этом месте еще проходил водоотводной Александрийский канал, засыпанный до юго-западного угла Служебного дома и отведенный в канализацию к 1909 году. В итоге, для решения данного вопроса остается оперировать лишь логикой фактов и косвенными археологическими данными. Кирпичи из кладки бортов бассейна не имеют никаких датирующих признаков, поскольку в большинстве своем являются неклеяемыми. И хотя в поврежденных частях кладки нам удалось обнаружить несколько экземпляров с маркировкой «З.К.З.», это опять же не имеет датирующего значения, поскольку кирпичи с товарным клеймом дореволюционного производителя могли использоваться и в советский период. Вышеперечисленные монеты были в обращении до финансовой реформы 1961 г.,

однако в фонтане нами обнаружены исключительно довоенные «медяки», что диагностирует *terminus ante quem* (верхнюю границу) комплекса 1941 годом. Таким образом, хронологические рамки существования фонтана у Нового дворца ограничиваются периодом между 1936 г., то есть *terminus post quem* (нижней границей) объекта, когда он был передан под нужды отдыхающих, и 1941 г., когда он был утрачен вследствие начавшейся Великой Отечественной войны. Конечно же, в случае реставрации комплекса сооружений Нижней дачи Николая II, «новодельный» фонтан необходимо демонтировать как чужеродный элемент в историческом «палеоландшафте» конца XIX — начала XX века.

Следующим объектом обследования стал поэтапно построенный архитектором Томишко в 1883—1899 гг. Кухонный флигель Нового дворца, полностью утраченный в 1961 году. Первоначально двухэтажное здание состояло из двух частей: северной, где находились помещения для obsługi и поваров, и южной — собственно кухни. На заднем плане уже упоминавшейся фотографии Нового дворца до его расширения (снимок был сделан с западной стороны в 1894 г.) хорошо различима северная (служебная) часть здания ⁹⁴.

Как выше указывалось, в период перестройки дворца архитектор Томишко существенно увеличил и первоначальное здание «Кухни», пристроив к восточному фасаду еще одно крыло, а к южному — веранду полуциркульной формы. Хорошо детализированные поэтажные планы («План кухонь при Новом Дворце на даче Ея Величества Александрия. 1-й этаж, 2-й этаж») ⁹⁵ и разрезы («Разрез кухонь при Новом Дворце на даче Александрия по линии а-б») ⁹⁶ позволили сделать все необходимые промеры при разбивке шурфов и соотнесении имеющихся параметров. Уместно отметить, что линии примыкания этих пристроек наглядно маркирует двойная лента сохранившегося фундамента. Для служебных нужд тогда же было построено отдельное трехэтажное здание с водонапорной башней в шесть этажей. Наиболее детальными из имевшихся в нашем распоряжении документов были чертежи архитектора Миняева, среди которых, прежде всего, отметим «Планы Служебного дома при Новом Дворце на даче “Александрия”». План 1-го этажа и разрез по линии а-б. Арх. А. Миняев, 24/II 1915 г.» ⁹⁷. Интересно отметить, что на плане Семёнова (1905 г.) названия флигелей «Кухня» и «Служебный дом» перепутаны. Данную ошибку несложно понять, так как первоначальная «Кухня» имела и служебную часть ⁹⁸. Судя по архивной документации (планам и разрезам), Служебный и Кухонный флигели не имели подвальных частей. Такое решение, видимо, было вынужденным по причине высокого УГВ на нижней террасе Александрии. На момент же наших работ, от уничтоженной в 1961 г. «Кухни» над УДП частично прослеживались лишь остатки цоколя южного полуциркульного выступа и северо-западного угла здания. Все остальное — центральная и северная части здания — были основательно перекрыты строительным мусором и перемещенными сюда обломками зданий дворца и флигелей.

Суммарно обследование включило 20 поэтапно заложенных шурфов общей площадью 80,44 кв. м. Были установлены конструктивные и планировочные особенности фундамента, проверено соответствие проектной конфигурации Кухни ее реальным параметрам, а также сде-

лан ряд сопутствующих находок и наблюдений⁹⁹. В первую очередь, необходимо отметить фактическое совпадение «старого» и современного УДП, в результате чего отмостка здания фиксируется непосредственно в подперновом слое, а полностью сохранившиеся дорожки, как действующие, так и «археологизированные» (то есть перекрытые образовавшимся дерном) вообще диагностируют изначальный уровень показателей высотных отметок (горизонт конца XIX — начала XX в.). Раскрытию фундамента полуциркульного выступа (общая его длина от места примыкания к южной стенке Кухонного флигеля до точки максимального удаления по линии север-юг составляет 8190 мм) были посвящены шурфы CXLVI— XLVII. В ходе их выборки было установлено, что фундамент был сложен из каменных блоков на цементном растворе, а внутренняя его часть имела дополнительную бетонную обмазку. Глубина выборки слоя от УДП (2,37 м БС) составила всего 1,3 м (1,07 м БС), так как обилие грунтовых вод не позволило дойти до основания фундамента — гидроизоляционной глиняной подушки. И все же раскрытие данного участка фундамента не разочаровало: при выборке слоя у юго-восточной части полуциркульного выступа была обнаружена и расчищена подземная керамическая труба для отвода ливневых вод от утраченной фасадной водосточной трубы. Керамический водоотвод диаметром 140 мм на раскрытом участке состоял из двух состыкованных труб, имевших выраженный уклон вниз. Верхний край раструба керамической трубы был зафиксирован на отметке 2,29 м БС. По завершении работ и фиксации фрагмент конструкции «ливневки» был консервирован путем повторной засыпки грунтом.

Для раскрытия верхней части ленты фундамента полуциркульного выступа, западного фасада Южного и частично Северного корпусов Кухонного флигеля были заложены шурфы CXLVIII— LXII. Показатели толщины внешней ленты фундамента на разных его участках составили величину от 780 до 950 мм. Толщина верхней части фундамента полуциркульного выступа составляет 950 мм, а в северной своей части, то есть по линии примыкания к южной стенке «Кухни» — 640 мм (толщина несущей стены южного фасада здания в месте примыкания полуциркульной веранды — 760 мм). В ходе расчистки образовавшихся наслоений была зафиксирована булыжная отмостка здания, непосредственно примыкающая к верхней части фундамента (цоколю здания). Интерес представляет нижняя часть фундамента южного корпуса: под каменными блоками цоколя — в отличие от полуциркульного выступа — обнаруживается валунная кладка на цементном растворе. Отмостка северного корпуса Кухни была забетонирована (скорее всего, уже в советское время). Юго-восточный и северо-восточный углы восточного фасада Кухонного флигеля были, соответственно, изучены шурфами CLXIII— LXIV и CLXV. Картина здесь еще более удручающая: сохранился только фундамент. Каменные блоки цокольной части и нижнего яруса кирпичной кладки стен полностью отсутствуют. Особенно сильно пострадала внутренняя часть северо-восточного угла здания: зафиксированная нами воронка от взрыва имеет диаметр около двух метров (следы войны или взрывных работ 1961 г.). В то же время обращает на себя внимание хорошая степень сохранности булыжной отмостки здания, прилегающей к верхней части

фундамента. Как выше уже отмечалось, данное обстоятельство точно указывает на первоначальный (исторический) УДП ¹⁰⁰.

В заключение укажем встреченную при разборе слоя маркировку красноглиняных кирпичей — «З.К.З.» (Знаменский кирпичный завод (?), дер. Знаменка Петергофского уезда); «ПЕТЕРГОФЪ: МОРЪ и К°» (завод Отто Мора, в православии — Николая Федоровича Морина, построенный в 1885 г. в дер. Знаменка Петергофского уезда); «Д.З.» (завод Дмитрия Кузьмича Захарова у села Усть-Ижора на р. Ижоре круглосуточного машинного производства, сданный в эксплуатацию 8 октября 1884 г. и проработавший, сменив в 1910 г. владельца, до начала первой мировой войны); «А.М.» (завод Алексея Матвеевича Миронова, 1879—1900 гг., дер. Знаменка Петергофского уезда); «БАУШЕВЪ» (завод купца Ивана Алексеевича Баушева, открытый в 1894 г. в дер. Бобыльская Ораниенбаумской волости Петергофского уезда, производил кирпичи до начала первой мировой войны) ¹⁰¹. Уместно указать, что кирпичные клейма перечисленных заводчиков, среди прочих, неоднократно встречались нам и на иных объектах Петергофа второй половины XIX — начала XX века.

Из других сопутствующих находок упомянем метлахские напольные плитки бежевого, ярко-желтого и зеленого цветов (форма плиток — маленькие квадраты и большие восьмигранники), осколки фаянсовой и фарфоровой посуды (в том числе «Товарищества М.С. Кузнецова» и завода «Братьевъ Корниловыхъ въ С. Петербурге») и рифленых оконных стекол, кованые крепежные скобы, строительные костыли, гвозди и разметочные колышки с проушинами для натяжения шпагата, водопроводный кран и вентиль с обрывком примотанного проволокой шланга, крышка люка водоотводного коллектора, латунная позолоченная розетка в форме шестиконечной звезды, латунные оконные шпингалеты и оковки дверей, осколки кухонных мраморных столешниц и садовых фарфоровых ваз для кадочных растений. Отдельная группа найденных нами артефактов относится к так называемому «эху войны» — осколки от крупнокалиберных снарядов, немецкие и советские стреляные гильзы, обойма с пятью винтовочными патронами калибра 7,62 мм, сегментарная «рубашка» советской гранаты Ф-1 образца 1939 г. из сталистого чугуна с боезарядом, но без запала, неразорвавшаяся 50-мм мина от немецкого легкого миномета Grw 36, противогазные маски и гофрированные «хоботы», простреленный насквозь обломок немецкой малой полевой лопаты с прямым лезвием, обрывки колючей проволоки и прочие свидетельства прошедших в этих местах боев.

В качестве главного вывода важно отметить хорошую сохранность фундамента здания. Не имеющий просадок и отклонений по уровню он не утратил своих несущих способностей и должен быть использован при воссоздании Кухонного флигеля. Зафиксированная разница между проектными и реальными параметрами в размерах «Кухни» касается, прежде всего, общей длины западного фасада, включающего южный полуциркульный выступ веранды. По имеющимся данным, она должна составлять — в переводе на метрическую систему — 23,9 м, в реальности же этот показатель равен 26,32 м, то есть на 2,4 м длиннее. Причиной расхождений является более вытянутая в плане полуциркульная пристройка: 8,19 м вместо проектных 5,93 м. Ширина же здания (21,08 м), как и длина

его восточного фасада (11,0 м) практически соответствуют проектным данным («План кухонь при Новом дворце на даче Ея Величества Александра. 1-й этаж, 2-й этаж») ¹⁰².

В декабре 2012 — феврале 2013 г. обследование территории Нижней дачи Николая II осуществили сотрудники Отдела охранной археологии ИИМК РАН С.А. Семёнов, И.А. Гарбуз и И.И. Еремеев ¹⁰³. К этому времени основной объем работ по перемещению разлетевшихся в 1961 г. обломков зданий дворца и служебных флигелей был завершен. Кроме того, зимний период, когда УГВ значительно ниже, чем в теплое время года, позволил существенно увеличить глубину выборки шурфов. Так, в ходе работ было раскрыто 16 шурфов общей площадью 125 кв. м, изучена стратиграфия слоя исследуемых объектов от современного УДП на отметках 2,09—3,12 м до глубины 0,17 м БС (при работах зафиксировано переотложение слоя в связи с прокладкой более поздних коммуникаций и следами Великой Отечественной войны) и сделаны интересные находки. Раскрытые углы фундаментов Нового дворца ¹⁰⁴, Кухонного и Служебного корпусов ¹⁰⁵, а также ледника ¹⁰⁶ дали примерно одинаковую глубину залегания основания фундаментов — 1,44 м ниже УГВ на отметке 1,26 м БС ¹⁰⁷. Сделанные выводы подтверждают результаты наших работ 2005 г.: особенностью фундаментных конструкций была цементная кладка из блоков пудостского известняка и (или) гранита на глиняном замке. В непосредственной близости от фундаментов были раскрыты подземные керамические трубопроводы (Ø 0,6 м) системы отведения ливневой канализации (укладка труб обеспечивала естественный уклон в сторону Финского залива) ¹⁰⁸. В шурфе 2 (Новый дворец) исследователям удалось обнаружить производственное клеймо керамической трубы — «ЗАВОДЪ НОВЪ БОРОВИЧИ 2» (завод в г. Боровичи Новгородской губернии) ¹⁰⁹. Кроме того, специалистами из ИИМК была обследована территория у сохранившихся Швейцарского домика и Караулки ¹¹⁰. Из находок массового характера (обломки напольных плиток и печных изразцов, фрагменты сосудов из стекла и каменной массы, осколки фарфоровой и фаянсовой посуды, кованые гвозди, стяжки и строительные костыли, детали оконной фурнитуры из латуни, и проч.), сделанных при выборке шурфов, следует выделить серию важных артефактов — декоративные шпиатровые (цинковый сплав) львиные головы, использовавшиеся для украшения фасадов Нового дворца ¹¹¹, а также изделия из камня — балясина и девять шаров для игры в крокет ¹¹². Отдельной категорией являются предметы 1930-х — 1940-х гг.: советские медные монеты, стеклянная чернильница завода им. Дзержинского, патроны и гильзы от стрелкового оружия времен Великой Отечественной войны, и прочее ¹¹³. В заключении обзора исследований 2012—2013 гг. приведем список производственных знаков на красноглиняных кирпичах: «И.М.П.», «А.Н.», «А.М.», «БАУШЕВЪ», «Д.З.», «ПЕТЕРГОФЪ МОРЪ и К^о» и «БАУШЕВЪ» ¹¹⁴, который практически полностью повторяет встреченный нами «набор» при работах в 2005 году.

Проведенные в 2003—2013 гг. исследования и имеющийся объем архивных данных по Новому дворцу и окружающей его инфраструктуре (служебные постройки, инженерные коммуникации, гидротехнические сооружения и проч.) вполне достаточны для составления проектно-смет-

ной документации на восстановление утраченного в 1941—1961 гг. дворцово-паркового комплекса Нижней дачи Николая II. По нашему мнению, в ходе реставрационных работ на данном объекте должен быть соблюден ряд технических условий, исключающих столь распространенную сейчас практику подмены понятий реставрации реконструкцией. Обязательным необходимо признать сохранение подлинных конструкций фундамента и цокольной части здания дворца, как и уцелевших фундаментов Кухонного флигеля и Служебного дома. Также важным и непреложным, согласно принципам и стандартам Венецианской хартии по вопросам сохранения и реставрации памятников и достопримечательных мест, подписанной 31 мая 1964 г.¹¹⁵, следует считать включение во вновь создаваемые формы зданий уцелевших гранитных блоков обкладки цоколя и фрагментов несущих стен, вплоть до отдельных кирпичей и лестничных пролетов. Детальное воспроизведение планировки зданий по сохранившимся чертежам, а по возможности и их интерьеров, не должно подменяться произвольно трактуемой стилизацией и новоделом в угоду сиюминутной выгоде и технологической простоте. Отрицательный пример здесь — строительство в 2008—2012 гг. по заказу московской компании «Интеко» здания Петергофской городской ратуши (архит. Н. И. Явейн) на Торговой площади, в ходе которого, вместо обещанной реконструкции, был возведен безвкусный новодел с подземным паркингом для автомобилей и двусторонними пандусами для инвалидов (ныне в здании размещены деловой центр «Ратуша» и ЗАГС Петродворцового района). Излишне говорить о том, что новоявленный монстр, превышающий в 1,5 раза общие размеры разобранный в 1946 г. оригинала (архит. А. К. Миняев, 1913 г.), не имеет и отдаленного отношения к реставрационной деятельности и исторической архитектуре (как известно, «реставрация кончается там, где начинается гипотеза»). При таком подходе к делу целесообразнее вообще ничего не строить, оставив все до «лучших времен». В качестве положительного примера приведем масштабное восстановление в 1998—2000 гг. взорванного 3 ноября 1941 г. Успенского собора Киево-Печерской лавры (уцелел лишь придел Св. Иоанна Богослова), в ходе которого были использованы все сохранившиеся кирпичи, фрагменты плинфы и даже куски штукатурной обмазки (работы по росписи интерьеров еще продолжаются). В этой связи, авторы разделяют мнение М. П. Ужгеренас о том, что уникальные по своему замыслу и назначению инженерные системы комплекса Нижней дачи, разработанные архитектором Томишко, «являются неотъемлемой частью объекта культурного наследия», а, соответственно, они должны быть отнесены к предметам охраны¹¹⁶. Хочется надеяться, что воссоздание утраченной на сложных виражах нашей истории красоты и благолепия «приморского» уголка Александрии все же станет реальным и Петергоф обретет из небытия еще один архитектурный шедевр имперской России.

Примечания

1. Архив Государственного музея-заповедника «Петергоф» (Архив ГМЗ «Петергоф»). Петергофские дворцы, музеи, парки (ПДМП) 1257-ар.

2. БОЙЦОВА Е.В. Этапы формирования комплекса Нижней дачи в Петергофе. В кн.: Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX — начале XX века: материалы (VII) научной конференции (г. Санкт-Петербург, 19—20 ноября 2009 года). Сб. статей. СПб. 2009, с. 47.
3. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1258-ар.
4. Там же, Р-478, с. 50.
5. Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН, шифр Q. 222. 12, инв. 80842/12; Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 2410-фд.
6. БОЙЦОВА Е.В. Ук. соч., с. 47—48.
7. ГМЗ «Петергоф». ПДМП 929-ж.
8. ШАРЛЕМАНЬ И. Александрия близ Петергофа. Летнее местопребывание Их императорских величеств. — Русский художественный листок. 1859, № 20. Печат. в Лит. В. Тимма.
9. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-469, с. 3.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1343, оп. 23, год 1842, д. 4785; О линии СПб. — Шлиссельбург, построенной по системе Козена. В кн.: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 98. СПб. 1896, с. 573.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 530, оп. 2, д. 22.
12. МАЦЕНКОВ С., ОРЛОВ В. Главная станция оптического телеграфа Российской империи. — Наука и жизнь. 2008, № 8, с. 74—77.
13. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-469, с. 4.
14. Там же. ПДМП 2165-ар.
15. Там же. Р-478, с. 42.
16. Там же. Р-337а.
17. Там же, ПДМП 724-ар.
18. Там же. ПДМП 4622/5-ар.
19. РГИА, ф. 490, оп. 2, д. 3082, л. 1—19; Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 811-ар.
20. Фотоархив Государственного Эрмитажа (ГЭ), инв. № 491.
21. ТИХОНРАВОВА З.Б. Александрийский телеграф — посредник в последнем диалоге двух императоров. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны. Сб. статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». В кн.: Проблемы сохранения культурного наследия. XXI век. V. СПб. 2015, с. 83—87.
22. БОЙЦОВА Е.В. Ук. соч., с. 43.
23. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-478, с. 43.
24. Дневники императора Николая II. М. 1991, с. 82.
25. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1252-ар, 1261-ар.
26. Там же. 1252-ар.
27. РГИА, ф. 468, оп. 15, д. 961, л. 96.
28. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1087-ар.; ВУ 11021-ар., 11021/5-ар.
29. Там же. ПДМП 1405-ар., 2415-фд.
30. УЖГЕРЕНАС М.П. Последняя летняя резиденция императора Николая II: роль инженерной инфраструктуры в формировании комплекса «Нижняя дача» в парке «Александрия» в Петергофе. — Урбанистика, 2018, № 1, с. 14—29.
31. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1409-ар., 1418-ар.
32. Там же, 1257-ар.
33. Там же, 962-ар.
34. Там же, 963-ар., 964-ар.
35. Там же. «Петергоф». Р-469; БОЙЦОВА Е.В. Ук. соч., с. 42—57.
36. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 872-ар.
37. ТИХОНРАВОВА З.Б. Ук. соч., с. 77—82, 88—90.
38. Дневники... с. 479, 537, 539, 543.
39. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6033-фд.
40. Там же. Р-296а, л. 1—6; ИЗМАЙЛОВ М.М. Петергоф за первые десять лет революции. Заметки сотрудника музея. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны, с. 311—330.

41. ИЗМАЙЛОВ М.М. Путеводитель по Петергофу: к 200-летию Петергофа [1709—1909]. СПб. 1909.
42. ЕГО ЖЕ. Петергоф за первые десять лет революции..., с. 322.
43. Там же, с. 322—327.
44. Там же, с. 327—328.
45. Архив ГМЗ «Петергоф». Д-149а. Протокол № 1 от 31.10.1926.
46. СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Гейченко и Петергоф. В кн.: Рождение Хранителя: к 110-летию С.С. Гейченко. СПб. 2012, с. 88; КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. «Музею я оставлю по себе хорошую память...» Николай Ильич Архипов: человек и директор. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны, с. 147—161.
47. Архив ГМЗ «Петергоф». Д-149а. Протоколы № 15 от 27.03.1927 и № 16 от 18.04.1927.
48. Там же, оп. 269. ПДМП 7379-ар.
49. ШЕМАНСКИЙ А., ГЕЙЧЕНКО С. Петергофский Нижний дворец (бывшая дача Николая II). Л. 1929; ИХ ЖЕ. Последние Романовы в Петергофе. Путеводитель по Нижней даче. Л. 1930; ИХ ЖЕ. Последние Романовы в Петергофе: путеводитель по Нижней даче и вагонам. Четвертое издание. М.-Л. 1932, 95 с.: ил.
50. ИХ ЖЕ. Последние Романовы в Петергофе: путеводитель по Нижней даче и вагонам... с. 10.
51. Там же, с. 11.
52. Там же, с. 64.
53. ШМИТ Ф.И. Музейное дело: вопросы экспозиции. Л. 1929, с. 146—151.
54. Там же, с. 131—196.
55. Там же, с. 147—150.
56. КУРБАТОВ В. Домовой: Семен Степанович Гейченко: письма и разговоры, записанные адресатом писем Валентином Курбатовым в разные михайловские годы в фотографиях Виктора Ахломова, снятых в те же годы. Псков. 2002, с. 9, 53.
57. Архив ГМЗ «Петергоф». Д-149а. Протокол № 20 от 19.07.1927; Д-133а.
58. СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Ук. соч., с. 86, 87, 93—95.
59. КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. Ук. соч., с. 153—154.
60. КУРБАТОВ В. Ук. соч., с. 38; ЯРОСЛАВЦЕВА Е.А. Спаси и сохрани. В кн.: Рождение Хранителя: к 110-летию С.С. Гейченко. СПб. 2012, с. 34; СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Ук. соч., с. 84—85.
61. КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. Ук. соч., с. 153.
62. СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Ук. соч., с. 95.
63. КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. Ук. соч., с. 155.
64. СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Ук. соч., с. 98.
65. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 941, соч. 10, № 711; Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.), ф. 389; Научный архив Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН), ф. 2, оп. 3, д. 753; ф. 55; СЫЧЕНКОВА Л.А. Федор Иванович Шмит: Культурно-историческое прочтение биографии и его теории циклического развития искусства. В кн.: ШМИТ Ф.И. Избранное. Искусство: Проблемы теории и истории. СПб. 2013, с. 789—861.
66. КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. Ук. соч., с. 154.
67. Ко всем музейным учреждениям. Сектор науки НКП. М. 1931; КАЛЬНИЦКАЯ Е.Я. Ук. соч., с. 152—153.
68. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-282 а. ВУ 16673-ар.
69. ШЕМАНСКИЙ А. Нижний дворец. Дача Николая II. Л. 1935.
70. ЯРОСЛАВЦЕВА Е.А. Ук. соч., с. 35.
71. Там же, с. 35.
72. КОЛЬЦОВ Ю.В. Петергофский десант: научно-популярная публикация отчета штаба Краснознаменного Балтийского флота о десанте в Новый Петергоф 5 октября 1941 г. СПб. 2010, с. 78—79.
73. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-469, с. 21.
74. Из устных сообщений В.А. Гущина.
75. КОЛЬЦОВ Ю.В. Ук. соч.
76. Архив ГМЗ «Петергоф», ф. 471.

77. Там же, д. 485, л. 5—8; Отчет о состоянии Петергофских дворцов-музеев и парков к 20 часам 22 сентября 1941 г. В кн.: Дворцы и война. К 100-летию начала Первой мировой войны, с. 331—341.
78. ЦГАЛИ СПб, ф. 510, оп. 1, д. 88, л. 1.
79. СУРКОВ А.Н., ФАТКУЛИНА В. Ук. соч., с. 91.
80. Архив ГМЗ «Петергоф». Р-478; Р-469; БОЙЦОВА Е.В. Ук. соч., с. 42—57.
81. ГЕЙРОТ А. Описание Петергофа. 1501—1868. СПб. 1868, с. 123—124.
82. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 10/3538/3-ар.
83. Там же. ПДМП 33/62-ар.
84. Там же. ВУ 11020-ар., 11020/3-ар.
85. БАРКОВЕЦ А.И., БАРХАТОВА А.Д., ТЕНИХИНА В.М. Династия Романовых. Цесаревич Алексей. — Альманах «Сокровища России». Вып. 68: Солнечный лучик. К столетию со дня рождения цесаревича Алексея 1904—2004. СПб. 2004.
86. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6033-фд.
87. Там же. 1258-ар., 1261-ар.
88. Там же. ВУ 13559-ар., 13559/2-ар.
89. Там же. ВУ 13559/2-ар.
90. Там же. ВУ 13559-ар.
91. Там же. 741-ар.
92. Там же. 872-ар.
93. Там же. 749-ар.
94. Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН, шифр Q. 222. 12, инв. 80842/12; Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 2410-фд.
95. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1409-ар.
96. Там же. 1418-ар.
97. Там же. 1405-ар.
98. Там же. 741-ар.
99. Там же. ВУ 13559-ар., 13559/2-ар.
100. Там же. 13559/2-ар.
101. Приносим свою искреннюю благодарность за консультации по данному вопросу сотруднику ГЭ, канд. ист. наук Д.Д. Ёлшину и основателю Музея кирпича СПбГАСУ, докт. тех. наук, проф. В.В. Инчику.
102. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 1409-ар.
103. СЕМЁНОВ С.А., ГАРБУЗ И.А., ЕРЕМЕЕВ И.И. Исследования территории дворцового комплекса «Нижняя дача» в парке Александрия ГМЗ «Петергоф» в 2012—2013 гг. — Бюллетень Института истории материальной культуры Российской Академии наук: охранный археология, № 5; ИИМК РАН. СПб. 2015, с. 25—48.
104. Там же, с. 35; рис. 6, 8, 11.
105. Там же, с. 40.
106. Там же, с. 41—44.
107. Там же, с. 35—44.
108. Там же, с. 37, 39, 44; рис. 8, 12.
109. Там же, с. 37; рис. 9.
110. Там же, с. 41—44.
111. Там же, с. 36; рис. 7.
112. Там же, с. 44, 47; рис. 19.
113. Там же, с. 44—45; рис. 16:2.
114. Там же, с. 38—40, 44; рис. 10:1, 12.
115. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест (Венецианская хартия). — Реставрация музейных ценностей. Вестник. 1998, № 1, с. 55—58.
116. УЖГЕРЕНАС М.П. Ук. соч., с. 14—29.

К вопросу о древнерусском жреческом уставе

М. Н. Козлов

Аннотация. В публикации на основе анализа письменных источников и данных археологии проведена реконструкция основных правил, положений и запретов, регламентирующих жизнь восточнославянских служителей языческого культа. Автор последовательно проанализировал основные положения жреческого устава, связанные с личной жизнью древнерусских жрецов и жриц, указал на многочисленные запреты, связанные со служебной деятельностью древнерусских служителей языческого культа. Особенно в исследовании подчеркивается жесткость тех разделов древнерусского жреческого устава, которые были связаны с халатностью в отношении жреческого огня.

Ключевые слова: служители языческого культа, святилище, идол, жрецы, жреческий устав, правила, запреты, табу.

Abstract. In the publication, based on the analysis of written sources and archaeological data, the reconstruction of the basic rules, regulations and prohibitions governing the life of the East Slavic Ministers of pagan worship was carried out. The author has consistently analyzed the main provisions of the priestly Charter related to the personal life of the old Russian priests and priestesses, pointed to the numerous prohibitions related to the official activities of the old Russian Ministers of pagan cult. Especially, the study underscores the rigidity of those ancient priestly sections of the Charter that have been associated with negligence in relation to the priestly fire.

Key words: servants of the pagan cult, the sanctuary, the idol, the priests, the priestly regulations, rules, prohibitions, taboos.

В истории Древней Руси остается еще немало белых пятен. В частности, полной загадкой для нынешней гуманитарной науки являются многие детали функционирования такого основополагающего компонента восточнославянского языческого культа, как древнерусское жречество. Между тем, древнерусские жрецы на протяжении многих столетий не только играли важную роль в культурной и религиозной жизни наших предков, но и активно вмешивались в политическую жизнь Древней Руси, зачастую разделяя государственную власть с местными князьями. Без детального исследования такого религиозно-культурного феномена,

---

Козлов Михаил Николаевич — доктор исторических наук, профессор института общественных наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: kmn_75@mail.ru.

Kozlov Mikhail N. — doctor of historical sciences, professor of the Institute of Social Sciences and International Relations Sevastopol State University. E-mail: kmn_75@mail.ru.

как восточнославянское жречество, полноценно изучить историю восточных славян дохристианской эпохи практически невозможно.

Последние успехи отечественной археологии позволили в значительной степени реконструировать систему функционирования восточнославянских языческих святилищ. Раскопки древнерусских могильников помогли отечественным исследователям детально изучить восточнославянскую языческую погребальную обрядность. Между тем, такая важная деталь языческого культа, как древнерусский жреческий устав, то есть свод правил, положений и запретов, регламентирующих жизнь восточнославянских служителей языческого культа, до сегодняшнего дня остается вне поля зрения отечественной гуманитарной науки.

Древнерусских служителей языческого культа упоминали в своих трудах отечественные ученые уже во второй половине XVIII в., но в силу недостатка источников, относящихся к данной тематике, они ограничивались констатацией факта существования восточнославянских жрецов¹.

Большая часть отечественных исследователей XIX — начала XX в. вслед за Н. И. Костомаровым придерживалась точки зрения, согласно которой в силу недоразвитости языческого культа у наших предков дохристианской эпохи не успело сформироваться сословие жрецов, подобное тому, что образовалось у западных славян и балтийских народов. Что касается языческих жертвоприношений, то, по мнению ученых, их осуществляли князья или отцы семейств². О. Ключевский и М. Грушевский полагали, что у восточных славян не было профессиональных жрецов, а были лишь «отдельные волхвы и кудесники»³.

Д. И. Иловайский признавал существование у восточных славян дохристианской эпохи жреческого сословия, но считал, что оно не достигло иерархического устройства и не имело никакого влияния на общественные дела⁴.

Советские ученые первой половины XX в., делавшие упор в своих исследованиях на социальные факторы развития древнерусского общества, признавали существование древнерусских жрецов в качестве организаторов антихристианских и антикняжеских движений XI—II веков⁵. При этом сам институт древнерусского жречества оставался вне зоны научного интереса данных исследователей.

Впервые проблема структуры древнерусского жречества была затронута Б. А. Рыбаковым уже во второй половине XX века. Ученый посвятил восточнославянским служителям языческого культа отдельную главу своей монографии «Язычество Древней Руси». Опираясь на обширный археологический материал и письменные источники, он пришел к выводу, что у наших предков дохристианской эпохи существовало почти два десятка отдельных групп служителей языческого культа, составлявших сложную иерархическую структуру⁶.

С точкой зрения Рыбакова согласился польский археолог Г. Ловмянский. По его мнению, у восточных славян на этапе государственности сформировался иерархически организованный социальный слой языческих жрецов, управлявших религиозной жизнью всех восточнославянских племен⁷.

Точка зрения Рыбакова и Ловмянского получила блестящее подтверждение после открытия в 80-х — 90-х гг. XX в. Б. А. Тимошуком

и И. П. Русановой в Западной Украине крупных городищ-святилищ, аналогичных тем западнославянским святилищам, функционирование которых так подробно описали германские и датские хронисты XI—II веков. Опираясь на материалы своих раскопок, исследователи провели детальный анализ основных функций древнерусского жречества, определили временные рамки его существования⁸.

Учитывая материалы последних археологических исследований, современные ученые определили основные источники содержания восточнославянских языческих храмов и их служителей, провели детальную реконструкцию иерархического устройства древнерусского жречества.

Следует отметить исследование Е. В. Климова, посвященное социальному статусу жреческого сословия Древней Руси⁹.

Вместе с тем, несмотря на тот факт, что отечественные исследователи затрагивали в своих научных трудах многие аспекты функционирования древнерусского жречества, комплексного исследования такой важной детали восточнославянского языческого культа, как жреческий устав, в настоящее время не существует. Историческая реконструкция восточнославянского жреческого устава — основная цель данной публикации. При ее написании были использованы древнерусские письменные документы и летописи XI—VII вв., сообщения арабских, германских и датских авторов, польские и чешские хроники, норманнская сага. В качестве вспомогательного материала привлекались материалы раскопок древнерусских городищ-святилищ XI—III вв., а также народные предания и легенды. Наиболее информативными источниками изучения восточнославянского жреческого устава оказались поздние древнерусские летописи и польские хроники XVI—VII вв., а также народное предание XVIII в. «Сказание о построении града Ярославля».

При этом в сообщениях о казнях нерадивых жрецов просматривается несколько оригинальных сюжетов. В первом из них повествуется о расправах над провинившимися жрецами в святилище Перынь, построенном Добрыней в 980 году. Его самой ранней из дошедших до нашего времени версией является отрывок из польской хроники XVI в. Гваньини, в которой автор, пересказывая летописную историю Новгорода, внезапно сообщает о том, что наши предки немедленно казнили жреца, по вине которого угасал священный огонь в Перыни¹⁰.

По мнению Г. Г. Козловой, Гваньини при написании своего труда использовал в основном два источника: «Записки о Московитских делах» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1517 и 1526 гг., и «Краткое сказание о нравах и жестоком правлении тирана Московии Ивана Васильевича» Альберта Шлихтинга¹¹. Однако в труде Сигизмунда Герберштейна отсутствует какая-либо информация о древнерусских жрецах¹². Что касается Альберта Шлихтинга, то он касается лишь эпохи Ивана Грозного, безо всяких экскурсов в историю¹³.

Таким образом, Гваньини использовал неизвестный нам источник, не дошедший до нашего времени. Это мог быть либо оригинальный письменный документ, либо устное предание, записанное автором где-то в русских землях (Александр Гваньини был некоторое время комендантом Витебска, а также принимал активное участие в походах Стефана Батория на русские земли во время Ливонской войны). Видимо, к этому

же источнику восходит и аналогичное сообщение о языческом богослужении в Перыньском храме из Густынской летописи ¹⁴.

В польских хрониках содержится и другой интересный рассказ о самых суровых пунктах древнерусского жреческого устава. В целом, он аналогичен первому сюжету, но имеет несколько характерных отличий. Так, второй вариант рассказа о нерадивых жрецах относится к древнему Киеву, а не к Новгороду. К тому же в данных источниках содержится неправдоподобный рассказ об украшении идола Перуна в Киеве драгоценными камнями. Самым ранним и полным вариантом такого рассказа служит отрывок из «Хроники польской, литовской, жмудской и всяя Руси» Мазея Стрийковского ¹⁵.

Интересная информация, проливающая свет на устав древнерусских служителей языческого культа, содержится в народном предании «Сказание о построении града Ярославля», записанном в XVIII в. архиепископом Самуилом Миславским. В источнике подтверждается информация о казни жрецов, виновных в пренебрежении своими обязанностями, но при этом рассказ относится к жрецам бога Велеса небольшого общинного поселка «Медвежий угол», находившегося недалеко от Ярославля. Кроме того, в данном сказании сообщаются многие драгоценные подробности языческого культа, отсутствующие в других источниках ¹⁶. По мнению И.О. Тихомирова, «Сказание» восходит к какому-то письменному источнику XI в., не дошедшему до нашего времени ¹⁷.

Таким образом, сообщения о существовании у древнерусских служителей языческого культа практики казни жрецов, халатно относящихся к своим обязанностям, относятся к нескольким, независимым друг от друга источникам и могут быть использованы при реконструкции древнерусского жреческого устава.

Важное значение в свете интересующей нас темы имеет также рассказ о судьбе девушки — жрицы Ингиберг, лечившей жителей Ладogi в «волшебном доме» из норманнской саги IX в. «О Стюрлауге трудолюбивом» ¹⁸.

Скандинавские саги не относятся к числу надежных источников. Характер информации, сообщенной в данных источниках, определяется особой авторской установкой, этикетностью и стереотипностью рассказа, отсутствием упорядоченной системы летоисчисления. Кроме того, имена девушки жрицы и ее отца на первый взгляд указывают на норманнское происхождение героини саги. Однако здесь необходимо учитывать тот факт, что за редким исключением все героини норманнских саг носят скандинавские имена. Собственные имена Ингвар и Ингиберг так же широко распространены в северогерманских сагах, как Иван-Царевич и Василиса Прекрасная в русских сказках.

Кроме того, сообщение о ладожской жрице, обладавшей навыками лекаря, нетипично для данного типа источников. Вполне возможно, что ее описание в качестве врача и служительницы языческого культа не было общим местом в саге, а отражало реальные исторические события.

Некоторые детали, сообщенные в саге, были подтверждены археологическими раскопками. Так, в саге «О Стюрлауге Трудолюбивом Ингольвссоне» сообщается о захвате викингами Ладogi и упоминается историческая личность Асгаут — один из ярлов конунга Харальда I Пре-

красноволосого. После приключений в Гардарике (Руси) он погиб в битве при Сольскель в 869 году. Таким образом, разорение викингами Ладоги должно было произойти в 60-х годах IX века.

Согласно данным археологии, около 860 г. в Ладоге произошел мощный пожар. Именно в это время здесь появилась большая группа выходцев из Скандинавии, после которых остался расположенный на противоположном берегу Волхова обособленный курганный могильник¹⁹. Таким образом, в саге «Об Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне», скорее всего, нашли отражения реальные исторические события — захват города викингами во главе со Стурлаугом Ингольвссоном и пленение местной девушки-жрицы, посвятившей свою жизнь служению местным языческим богам.

В исследовании были использованы также труды германских и скандинавских авторов XI—II вв., содержащие информацию о культовой службе балтийских славян. Речь идет, в первую очередь, о таких источниках, как «Славянская хроника» Гемольда²⁰, «Хроника» Титмара Мерзебургского²¹, «Деяния Данов» Саксона Грамматика²², «Жизнеописания Оттона Бамберзского» монаха Бруно²³.

Как показали раскопки древнерусских городищ-святилищ IX—III вв., культовая система балтийских славян была во многом аналогична восточнославянской, поэтому данные источники имеют большую ценность в свете реконструкции древнерусского жреческого устава.

Согласно целому ряду письменных источников, у восточнославянских служителей языческого культа существовал свой устав, то есть свод правил, положений и запретов, регламентирующих их деятельность. Видимо главной функцией отечественных жрецов было обеспечение благополучия своего этнокультурного сообщества. Ради выживания общины, служители языческого культа могли потребовать принести в жертву языческим божествам любые материальные ресурсы, вплоть до человеческих жизней. Это давало жрецам фактически неограниченную власть над соотечественниками. Не были исключением и восточные славяне. Так, арабский ученый первой половины X в. Ибн-Русте сообщает о восточнославянских жрецах следующее: «Есть у них (руссов. — М.К.) знахари, из которых иные управляют царями, будто они их начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, лошадьми. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказ никак нельзя»²⁴. Данные Ибн-Русте подтверждает и неизвестный среднеазиатский автор IX в.: «Большую власть у них (руссов. — М.К.) имели волхвы, которые пользовались правом ритуального убийства мужчин и женщин»²⁵.

Сообщения восточных авторов находят подтверждение и на страницах древнерусских летописей. Так, под 980 г. автор «Повести временных лет» сообщает о том, что в тогдашнем Киеве родители детей, на которых указывал жребий тамошних жрецов, безропотно приносили своих отпрысков в жертву богам: «И жряху имъ, наричюще а богы, и привожаху сыны своа и дщери и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руская и холмъ тот»²⁶. В 70-х гг. XI в. также равнодушно жители Северо-Восточной Руси наблюдали за убийством своих родственников, обвиненных ярославскими волхвами в организации голода²⁷.

Вместе с тем, в жизни древнеславянских жрецов существовал целый ряд неписанных правил, нарушение которых грозило им мучительной смертью. Так, главным уязвимым местом существования жрецов была персональная ответственность перед своей общиной за ее благополучие. В случае голода, эпидемии заразных болезней, нашествия врагов община могла покарать своих жрецов «за ненадлежащий уровень защиты своих интересов» мучительной смертью. Характерно, что и через несколько столетий после принятия христианства нерадение или злонамерение волхвов по-прежнему считалось главной причиной голода и эпидемий. Так, в 1227 г., согласно Новгородской первой летописи, «Ижгоша вълхвы 4, творяху е потворы деюща, а бы вестъ; и сожгоша их на Ярославли дворе»²⁸.

Причиной расправы над волхвами, скорее всего, стал голод в Новгороде. Вероятно, по мнению новгородцев, волхвы «сотворили потворы» и погубили хлеб. Летопись сообщает о том, что случившийся несколько лет подряд неурожай вызвал в то время существенное подорожание продуктов: «И по торгу все бысть дорого: и хлебъ, и мясо, и рыбы; и оттоле ста дороговъ: и купляхом хлебъ по две кунъ, а кадь ржи по три гривнъ, а пшеницу по 5 гривень, а пшена по 7 гривень; а тако ста по три лъта»²⁹.

Интересно, что помимо несчастных волхвов, вину за неурожай, по мнению новгородцев, нес и местный епископ Арсений. После традиционного вече, на котором новгородцы обвинили своего епископа в том, что «того ради стоять тепло долго», они пытались совершить расправу над Арсением. Последний едва спасся «затворися въ церкви святыя Софья»³⁰.

На тот факт, что расправа над волхвами в случае неурожая или эпидемий на Руси была обычной практикой, прямо указывает русский просветитель XIII в. Серапион Владимирский. В «Слове о маловерии» он обрушился с критикой на свою паству за страшный обычай сжигать волхвов живьем во время голода или болезней: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаете огнем невинныя челоуѣкы. От которыхъ книгъ или от кихъ писаний се слышасте, яко волхвованиемъ глади бывають на земли и паки волхвованиемъ жита умножаются? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? Молитесь и чтете я, дары и приносите имъ — ать строить миръ, дождь пуцають, тепло приводять, земли плодоти велять! Се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть не токмо в Русь, но в Латѣнѣ: се вълхвоуе ли створиша?»³¹.

Помимо дамоклова меча персональной ответственности за различные катаклизмы в жизни подвластной общины, существовали в жизни древнерусских служителей языческого культа различные ограничения и запреты. Их в целом можно разделить на две большие группы: табу, связанные с личной жизнью и профессиональной деятельностью.

П.Н. Травкин, проанализировав целый ряд письменных источников, пришел к выводу, что все древнеславянские жрецы служили образцом морали для своей паствы. Они вели целомудренную жизнь, следили за чистотой тела и одежды, а также не обрезали волосы на голове и бороде³².

В пользу выводов Травкина свидетельствует ряд сообщений западных хронистов. Так, по словам Саксона Грамматика, жрецы западносла-

вянского племени ободритов, вопреки обычаям своих соотечественников, носили длинные волосы и бороды ³³.

Бруно в своем «Жизнеописании Оттона Бамберзского» упомянул некоего жреца бога Яровита. Тот был, якобы, большим авторитетом для окрестных крестьян: вел целомудренную жизнь, ходил в блестящей белой одежде и носил длинную бороду. После приезда делегации германского епископа в Валегош, он предстал перед окрестными крестьянами в сияющем белом одеянии и от имени своего божества запретил местным жителям креститься ³⁴. Очевидно данных правил придерживались и древние пруссы. В частности, по словам Симона Грюнау, местные жрецы вели жизнь уединенную и целомудренную, а виновный в нарушении целомудрия предавался сожжению ³⁵. Схожие данные относительно жрецов всех балтийских народов сообщает и польский хронист Мазей Стрийковский ³⁶.

Таким образом, в отношении жрецов западных славян и балтийских народов выводы Травкина вполне справедливы. К сожалению, какая-либо информация о внешности древнерусских служителей языческого культа или особенностей их личной жизни практически полностью отсутствует не только в письменных, но даже фольклорных источниках.

Большое сомнение вызывают так называемые «изображения волхвов», найденные в конце XX в. в Плессе и Киеве. Так, одно из таких изображений было обнаружено в 1997 г. на территории плесского раннесредневекового посада, в слое второй половины XII — начала XIII века. На обломке стенки сосуда была обнаружена четко процарапанная фигурка человечка в треугольной шапке и долгополой рубахе. Руки человечка расставлены в стороны. В левой руке он держит перед собой бубен ³⁷.

Второе подобное изображение было обнаружено археологами в Киеве в археологическом слое конца X в. на нижних террасах Старокиевской горы. Фигурка изображена на шиферном пряслице и представляет собой стилизованное изображение человечка в треугольном головном уборе ³⁸. По мнению Травкина, в обоих случаях — это волхвы — служители святилища Велеса ³⁹.

Однако считать эти фигурки изображением волхвов нет оснований, поскольку они скорее напоминают веселых скоморохов, нежели суровых древнерусских жрецов. Человеческая фигурка из Плесса, например, изображена с бубном в руках. На голове у обоих человечков треугольные колпаки, подобные тем, что были нарисованы на скоморохах, изображенных на стене Софийского собора. Древнерусские скоморохи играли важную роль в восточнославянском язычестве, однако жрецами они не были.

Гораздо больший интерес вызывает одна из миниатюр XV в. Радзивилловской летописи, автор которой, по мнению А.В. Арциховского, при изображении своих героев использовал какой-то древнерусский источник (XI—II вв.), не дошедший до нашего времени ⁴⁰.

Большая часть изображений древнерусских волхвов стилизована под один общий стандарт и не представляет никакого научного интереса (изображения жрецов здесь практически не отличаются от изображений бояр, дружинников и т.д.) Исключение составляет миниатюра, изображающая волхва, пришедшего в 1170 г. в Новгород, — это дородный мужчина средних лет с короткими волосами и гладко выбритым подбородком, в сво-

бодной одежде до пола, напоминающей поповскую рясу⁴¹. Интересно, что на данной картинке древнерусский волхв, в отличие от своих западнославянских «коллег», не имеет ни бороды, ни длинных волос.

Таким образом, известные на данный момент как письменные, так и археологические источники не позволяют подтвердить точку зрения Травкина, согласно которой правила жреческого устава, относящиеся к личной жизни западнославянских жрецов, распространялись и на древних руссов. Единственное дошедшее до нашего времени изображение древнерусского волхва скорее противоречит данной гипотезе, чем подтверждает ее.

Интересно, что в некоторых письменных и фольклорных источниках содержится информация о древнерусских женщинах-жрицах, ведущих целомудренную жизнь. Так, в саге «О Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне» повествуется о том, как один из героев произведения по имени Франмар поклялся перед своими друзьями, что добьется расположения дочери князя Ладоги Ингиберг. Девушка жила в «волшебном доме» за круговой оградкой со своими служанками и считалась хорошим лекарем. Франмар попросил руки девушки у ее отца Ингвара, но тот настоял на том, чтобы судьбу невесты решало общее городское собрание. Совет знатных жителей Ладоги отказал Франмару в его просьбе, опасаясь мести богов. Оскорбленный викинг со своими людьми захватил Ладогу и женился на жрице силой⁴².

В данном источнике обращают на себя внимание несколько деталей. Так, Ингиберг жила в «волшебном доме-больнице», огороженном круговым тыном, вместе со своими служанками — невинными девушками. Это типичное описание языческого святилища, огороженного защитным тыном с постоянно живущими здесь жрицами-девственницами.

В языческую эпоху врачеванием занимались служители языческого культа и лечили свою паству они обычно внутри своих святилищ. Так, в ходе раскопок языческого святилища XII—III вв. в российском городе Плеск недалеко от основной ямы (собственно капища) археологи зафиксировали другую, меньшую по размерам (больницу). Кроме обломков глиняных горшков здесь нашли также фрагмент бронзовой цепи, накрытый куском переплавленного железа. По мнению ученых, вторая яма представляла собой своеобразную лечебницу. Здесь жрецы «изгоняли болезни из местных жителей» и «закрывали их в святилище»⁴³.

Раннехристианские поучения против язычества обычно осуждают своих «неверных христиан», обращающихся за медицинской помощью к волхвам. Так, в частности, в русском глоссе к «Слову Кирилла архиепископа Купринского о злых духах» православный священник XII ст. с негодованием пишет: «Когда имъ кака любо казнь найдет, или болезнь, или скоту пагуба; то текуть къ вольвомъ, а сами ходять въ христе»⁴⁴.

Другой важной деталью повествования является созыв правителем Ладоги собрания (названного в источнике тингом) для решения вопроса о браке Ингиберг с иноземцем. В раннефеодальном обществе в случае сватовства для вступления в брак вполне достаточно было согласия отца. Здесь же судьбу девушки решали знатные люди города.

Таким образом, можно предположить, что Ингиберг была верховной жрицей одного из ладожских святилищ, обязанностью которой было ле-

чение жителей города и заезжих иноземцев. В саге сама Ингиберг и ее служанки несколько раз названы невинными девушками, однако сам факт сватовства Франмара к Ингиберг и последующий созыв собрания указывают на то, что в исключительных случаях жрица могла вступить в брак.

История Ингиберг во многом напоминает легенду об одной из первых чешских правительниц по имени Либуше из рассказа чешского хрониста Козьмы Пражского. Согласно данному источнику, решив укрепить собственную власть в стране правительница чехов Либуше (которая по словам хрониста была целомудренна телом) собралась выйти замуж. При этом она сама выбрала себе мужа — простого земледельца по имени Пржемысл. Либуше, по словам летописца, была прорицательницей и верховным судьей своего народа. Кроме того, после смерти своих старших сестер Кази и Тетки она должна была лечить свою паству и «творить чары»⁴⁵. Рассказ Козьмы Пражского дополняет уникальное сообщение польского хрониста Яна Длугоша, согласно которому решению о вступлении в брак Либуше предшествовало некое собрание, на котором священные девы избрали новую верховную жрицу Валасту⁴⁶.

Подобную легенду о целомудренной правительнице-жрице, посвященную подземным богам, находим и в польских хрониках. Так, согласно Великой Польской Хронике, одна из первых польских королей по имени Ванда была целомудренна и умна. Она руководила жертвоприношениями подземным богам. Король соседней страны, якобы, хотел жениться на ней насильно, но оскорбленная королева поляков покончила с собой, утопившись в Висле⁴⁷.

До нашего времени дошло народное предание о княжне Черне — дочери основателя Чернигова князя Черна. Девушка, согласно легенде, была жрицей местного подземного божества. Она не пожелала выйти замуж за хазарского кагана, боясь оскорбить этим своих богов. В ответ на отказ стропливой княгини оскорбленный каган собрал несколько тысяч отборных воинов и устремился покорять сердце прекрасной княжны. И хотя князю Черну удалось победить неудачливого кандидата в зятя, лазутчики кагана все-таки выследили княжну, которая укрывалась в загородной резиденции князя. Не желая выходить замуж, девушка выбросилась из окна высокого терема. По языческим традициям северян, тело княгини было сожжено, а на этом месте насыпали высокий курган, который получил название курган «Княжны Черны»⁴⁸.

Черниговский цикл легенд о князе Черне и его дочери имеет древнее происхождение и сложился, скорее всего, в домонгольский период. Так, в Ипатьевской летописи под 1147 г. находим строки: «И ста Изяславъ идеже есть Чернь могила»⁴⁹.

Наличие однотипного сюжета о жрицах-девственницах в легендах и мифах различных славянских народов, скорее всего, является отголоском существовавшего в языческую эпоху правила, обязывавшего древнеславянских служительниц языческого культа соблюдать целомудрие.

Целый ряд языческих табу был связан со служебной деятельностью древнерусских жрецов. Так, согласно данным археологии, древнерусские городища-святилища делились на общественную и сакральную части. В общественной части находились жилища жрецов и так называемые длинные дома, в которых проходили собрания местных жителей и раз-

личные торжества. В центре сакральной части размещалось капище с идолом (капью), жертвенником и священным огнем.

Сакральная часть считалась местом, где жило божество, и была табу для всех, кроме высших жрецов во время проведения определенных ритуалов, и тех, кто искал в капище спасения от смертельной опасности. Видимо малейшее нарушение установленных жрецами правил могло повлечь казнь нарушившего табу.

Так, Гемольд в своем труде сообщает о том, что сакральная часть святилища Ретра у племени руян отделялась от общественной части деревянным мостом. По нему можно было проходить только приносящим жертвы жрецам⁵⁰. Схожие данные дает он и о святилище бога Прове в племени лютичей. Согласно данному источнику, вход во дворик, в котором находился идол, разрешался только жрецу, желающим принести жертву или тем, кому угрожала смертельная опасность⁵¹.

Храмовая служба, по словам Саксона Грамматика, проводилась со всей тщательностью, согласно установленным ритуалам. Верховный жрец Ретры еще за день до какого-либо праздника, обметал веником святилище храма как можно лучше, притом стараясь совсем не дышать, а чтобы выдохнуть и вдохнуть воздух, он выбегал к дверям, чтобы не осквернить присутствия божества дыханием человеческим⁵².

По-видимому священными считались не только сам центральный храм со всеми находившимися внутри предметами, но и тотемные животные, содержащиеся в специальных сараях в сакральной части святилища. Так, по словам монаха Бруно — автора «Жизнеописания» Оттона Бамберзского, в Штетине, недалеко от центрального храма жил огромный вороной конь, он считался священным, и под страхом смертной казни было запрещено на него садиться. За конем ухаживал специальный храмовый жрец⁵³. По словам Саксона Грамматика, страшным оскорблением богов считалось, если посторонний человек хотя бы дотрагивался до волоска священного животного⁵⁴.

Подобные священные кони, по-видимому, содержались и при древнерусских храмах. Так, в городище-святилище Звенигород в наземном сооружении № 13, находящемся в сакральной части святилища, были найдены предметы снаряжения коня и ухода за ним (удила, остатки узды, скребница)⁵⁵.

В сакральной части древнерусских святилищ могли содержать и других тотемных животных. Так, в «Сказании о построении града Ярославля» есть любопытный рассказ о том, как местные язычники спустили на князя Ярослава Мудрого, пытавшегося разрушить святилище, живших при капище животных — медведя и псов⁵⁶.

Кроме священных животных, содержащихся в сакральной части городищ-святилищ, табу, скорее всего, распространялось и на все хранившиеся там предметы.

Так, в Валегоще существовало святилище, посвященное Яровиту. В его центре висел огромной величины щит, расписанный золотом, и никому из смертных не дозволено было к нему прикасаться. Щит был посвящен богу войны Яровиту и только в военное время мог быть взят жрецами. Тогда его несли впереди войска⁵⁷. Схожую информацию о знаменах в храме Яровита дает Титмар Мерзенбургский⁵⁸. Священными в храме

Святовида на острове Рюген считались, по словам Саксона Грамматика, резные орлы и знамена, главное из которых называлось Станица. Оно отличалось величиной и цветом и было почитаемо народом руянским почти так же, как величие всех Богов ⁵⁹.

По мнению Тимошука, сакральные предметы находились в специальных домах-хранилищах. К ним исследователь относил символы святилищ, драгоценные предметы и даже кости людей ⁶⁰.

Подобные священные предметы-символы языческих божеств и подношения-дары идолам были найдены в больших количествах при раскопках городищ-святилищ Збручского культового центра. Перед тем, как их покинуть, местные жрецы законсервировали свои святилища, завалив их камнями. При этом многие ценные вещи, в том числе и драгоценные предметы, остались нетронутыми вплоть до наших дней ⁶¹. Схожую картину зафиксировали археологи при раскопках малого городища-святилища Хотомль, оставленного жрецами в конце X века ⁶².

Возможно наши предки верили, что на тех, кто покусится на имущество богов, падет проклятье, и боялись нарушить языческое табу даже спустя несколько столетий. Не случайно, в саге «О Стюрлауге трудолюбивом» сообщается о том, что «волшебный дом», в котором Ингиберг вместе со своими служанками лечила ладожан, не имел замков, и Франмар, дождавшись, когда девушки покинули святилище, свободно зашел внутрь ⁶³. По словам Саксона Грамматика, Арконское святилище не запиралось, поскольку местные жители верили, что не имеет смысла смертным охранять то, что находится под защитой небесной стражи ⁶⁴.

Самой сакральной частью древнерусского святилища был священный огонь, горевший перед идолом. Он считался посредником между миром людей и миром богов и защитником общины от сверхъестественного влияния темных сил. Священный огонь «пожирал» принесенные язычниками подношения и тела покойников, как бы перенося их в мир богов. Потухший священный огонь, по мнению наших предков, считался оскорблением для богов и мог привести к прекращению с их стороны покровительства общине. В этом случае виновный жрец, следивший за священным огнем, должен был понести наказание. Его тело необходимо было принести в жертву оскорбленным богам.

Так, в польской хронике Гваньини есть следующие строки: «В этом городе (Новгороде. — *М.К.*) был некогда идол, называвшийся Перуном. Новгородские язычники более всего почитали этого идола. Во славу его и честь сооружался костер из дубовых поленьев, который должен был непрерывно пылать и днем, и ночью. Если же из-за небрежности служителей, назначенных следить за костром, огонь погасал, их казнили ⁶⁵.

Схожие данные сообщает и Густынская летопись: «Ему же (Перуну. — *М.К.*) яко богу жертву приношаху и огонь неугасающий зъ дубового древия непрестанно паляху; аще ли бы случилось за нерадениемъ служащего иерия сему огню угаснути, такового иерия без всякого суда и милости убиваху» ⁶⁶.

В «Хронике польской, литовской, жмудской и всяя Руси» Мазея Стрийковского находим описание подобного обычая, но не в Новгороде, а в Киеве: «Почитали и русских богов, то есть Перуна, Стрибога (*Striba*), Мокошь (*Mokossa*), Хорса и других. Идола Перуна (которого наиболее

почитал), бога громов, туч и молний, он выставил особенно украшенным: само тело, будто высокий холм, было искусно вырезано из дерева, его голова из серебра, уши из золота, в руке же держал камень на манер пылающей молнии украшенный драгоценностями. И в честь его и во славу приставленные к нему жрецы жгли дубовый огонь, который зовется вечным, и если бы он погас по недосмотру сторожей, то таковых карали смертью»⁶⁷.

Аналогичные данные содержит «Сказание о построении града Ярославля», но уже относительно наказания жрецов бога Велеса поселка Медвежий угол недалеко от Ярославля: «И вельми почтен бысть сей волхв у языцев. Но люто и истязуем бываше, егда огонь у Волоса преста»⁶⁸.

О том, что древнерусские служители языческого культа приносили в жертву своих братьев, нарушивших жреческий устав, сообщают данные археологии. Так, в городище-святилище Звенигород недалеко от места, где был найден идол какого-то божества, были обнаружены частично обожженные кости пожилого мужчины. Рядом с останками зафиксировали нож, полуторооборотное височное кольцо, два клыка кабана. Между ребер было воткнуто в землю шило⁶⁹. Принесенный в жертву человек был умерщвлен уже в пожилом возрасте, и тело его сожгли (возможно его сожгли живьем, как несчастных волхвов в древнем Новгороде). При этом процедура его жертвоприношения в целом соответствует ритуалу, описанному неизвестным автором в «Слове о построении града Ярославля»: «... волхва по тем же дне и часе реши кермети, и по жребию избра иного, а сей закла волхва и, ражже огонь, сожига в сем труп его, яко жертву точию дьяволу возвеселити сего грозна бога»⁷⁰.

Жреческий нож и два кабаньих клыка-оберега указывают на связь принесенного здесь в жертву человека с языческим культом. Однако даже расправившись с провинившимся жрецом, убийцы все равно продолжали испытывать страх перед ним. На это указывает воткнутое меж ребер принесенного в жертву жреца шило, которое должно было «помешать казненному колдуну встать из могилы и наказать своих мучителей». Подобным образом вплоть до начала XX в. восточные славяне поступали с телами тех, кто при жизни «знался с нечистой силой». Одним из самых действенных способов избавиться (обезопаситься) от «нечистых» покойников было вонзить в тело или в могилу острые предметы — деревянные колья, железные зубья бороны, ножи, гвозди и т.п. Для этих целей предпочтительными считались металлические предметы, поскольку нечистая сила боится железа⁷¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что древнерусские служители языческого культа подчинялись собственным, достаточно жестким законам. Они несли личную ответственность за благосостояние своей общины и беспощадно уничтожались соотечественниками в случае, если последним казалось, что жрецы проявляют преступную халатность. Женщины-жрицы обязаны были соблюдать целомудрие, но в особых случаях могли вступить в брак.

Кроме того, профессиональная деятельность древнерусских волхвов ограничивалась многочисленными табу, связанными со священными предметами и животными, находившимися в сакральной части языческого святилища. Особенно фатальной для древнерусских жрецов была ха-

латность в отношении священного огня, которая могла привести к мучительной казни нерадивого служителя языческого культа.

Примечания

1. ГЛИНКА Г. Древняя религия славян. В кн.: Мифы древних славян. Саратов. 1993, с. 101; КАЙСАРОВ А. Славянская и российская мифология. В кн.: Там же, с. 32.
2. КОСТОМАРОВ М.І. Слов'янська міфологія. Вибрані праці з фольклористики і літературознавства. Київ. 1994, с. 53; НИДЕРЛЕ ЛЮБОМИР. Славянские древности. Т. 1. Прага. 1914, с. 281.
3. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Курс русской истории в IX т. Т. 1. М. 1987, с. 108; ГРУШЕВСЬКИЙ М. С. Історія України-Руси. Київ. Т. 1. 1991, с. 328.
4. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Становление Руси. М. 2003, с. 78.
5. ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М. 2004, с. 332—333; ТИХОМИРОВ М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI— III вв. В кн.: Древняя Русь. Сб. статей. М. 1975, с. 120—129.
6. РЫБАКОВ Б. А. Язычество Древней Руси. М. 1987, с. 304—316.
7. LOWMIANSKI H. Religia slowian i jej upadek. Warszawa. 1979, s. 159.
8. РУСАНОВА И. П., ТИМОЩУК Б. А. Во времена Збручского идола. — Вопросы истории. 1990, № 8, с. 153—157; ТИМОЩУК Б. А., РУСАНОВА И. П. Языческие святилища древних славян. М. 2007; ТИМОЩУК Б. А. Языческое жречество Древней Руси (по материалам городищ-святилищ). — Российская археология. 1993, № 4, с. 110—122.
9. КЛИМОВ Е. В. К вопросу о социальном и политическом статусе жреческого сословия Древней Руси. — MAGISTRA VITAE. 2008, № 34, с. 5—13.
10. ГВАНЬИНИ А. Описание Московии. М. 1997, с. 35.
11. КОЗЛОВА Г. Г. Александр Гваньини и его сочинения. В кн.: ГВАНЬИНИ А. Описание Московии. М. 1997, с. 7.
12. ГЕРБЕРШТЕЙН СИГИЗМУНД. Записки о Московии. В кн.: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2003, с. 152—302.
13. Новое известие о времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л. 1934.
14. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 40. Густынская летопись. СПб. 2003, стб. 44.
15. СТРИКОВСКИЙ М. Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси. М. 1844, с. 217.
16. ЛЕБЕДЕВ А. Н. Храмы Власьевского прихода в Ярославле. Ярославль. 1877, с. 7—8.
17. ТИХОМИРОВ И. А. О некоторых ярославских гербах. В кн.: Труды III областного историко-археологического съезда во Владимире. Владимир. 1909, с. 35—40.
18. Исландские викингские саги о Северной Руси. М. 1996, с. 117—192.
19. ДУБОВ И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л. 1990, с. 53.
20. ГЕМОЛЬД. Славянская хроника. М. 1963.
21. ТИТМАР МЕРЗЕНБУРГСКИЙ. Хроника в 8 книгах. М. 2009.
22. САКСОН ГРАММАТИК Деяния даннов. Т. 2. М. 2017.
23. Жизнеописания Оттона Бамбергского. В кн.: КОТЛЯРЕВСКИЙ А. А. Собр. соч. в 3-х томах. Т. 2. СПб. 1893, с. 331—402.
24. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI— I ст. В кн.: Древнерусская держава и ее международное значение. М. 1965, с. 398.
25. РЫБАКОВ Б. А. Первые века русской истории. М. 1964, с. 29.
26. Повесть временных лет. М.-Л. 1950, стб. 37.
27. Там же, стб. 76.
28. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. 1950, стб. 270.
29. Там же, стб. 271.
30. Там же, стб. 272.
31. Слово Серапиона Владимирского о маловерии. В кн.: ПЕТУХОВ Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб. 1888, с. 14—15.

32. ТРАВКИН П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново. 2007, с. 92.
33. САКСОН ГРАММАТИК. Ук. соч., с. 213.
34. Жизнеописания Оттона Бамберзского, с. 357.
35. ФАМИНЦЫН А. С. Божества древних славян. М. 1884, с. 170.
36. СТРИЙКОВСКИЙ М. Ук. соч., с. 217.
37. ТРАВКИН П. Н. Портрет провинциального волхва (графическое изображение из Плеса). В кн.: Язычество древнерусской провинции. Малый город. Выпуск 2. Плеск. 1995, ч. 1, с. 45—49.
38. КИЛИЕВИЧ С. Р. Детицец Киева IX — первой половины XIII веков по материалам археологических исследований. Киев. 1982, с. 44.
39. ТРАВКИН П. Н. Портрет провинциального волхва, с. 48.
40. АРЦИХОВСКИЙ А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. 1944, с. 13—18.
41. Фотомеханическое воспроизведение Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. СПб. 1902, л. 106.
42. Исландские викингские саги о Северной Руси, с. 165—171.
43. ТРАВКИН, П. Н. Язычество древнерусской провинции, с. 52—53.
44. ГАЛЬКОВСКИЙ Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. Харьков. 1915, с. 68—72.
45. КОЗЬМА ПРАЖСКИЙ. Чешская хроника. М. 1962, с. 37—39.
46. Ioannis Dlugossii Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Liber 1/2. Warszawa. 1964, s. 68.
47. Великая Хроника о Польше, Руси и их соседях XI—III вв. М. 1987, с. 29.
48. Українські народні казки: Кн. 40. Казки Чернігівщини. М.-Чернівці. 2010, с. 231—232.
49. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М. 1962, с. 357.
50. ГЕМОЛЬД. Ук. соч., с. 37.
51. Там же, с. 185—186.
52. САКСОН ГРАММАТИК. Ук. соч., с. 213.
53. Жизнеописания Оттона Бамберзского, с. 358.
54. Саксон Грамматик. Ук. соч., с. 215.
55. ТИМОЩУК Б. А.; РУСАНОВА И. П. Языческие святилища древних славян, с. 90.
56. ЛЕБЕДЕВ А. Н. Ук. соч., с. 7—8.
57. Жизнеописания Оттона Бамберзского, с. 358.
58. ТИТМАР МЕРЗЕНБУРГСКИЙ. Ук. соч., с. 32.
59. САКСОН ГРАММАТИК. Ук. соч., с. 217.
60. ТИМОЩУК Б. А. Отдельный комплекс культовых сооружений святилища Звенигород. — Российская археология. 1996, № 1, с. 138.
61. Там же, с. 137.
62. ТИМОЩУК Б. А., РУСАНОВА И. П. Языческие святилища древних славян, с. 48.
63. Исландские викингские саги о Северной Руси, с. 170.
64. САКСОН ГРАММАТИК. Ук. соч., с. 150.
65. ГВАНЬИНИ А. Ук. соч., с. 35.
66. ПСРЛ. Т. 40. Густынская летопись, стб. 44.
67. СТРИЙКОВСКИЙ М. Ук. соч., с. 217.
68. ЛЕБЕДЕВ А. Н. Ук. соч., с. 8.
68. ТИМОЩУК Б. А., РУСАНОВА И. П. Языческие святилища древних славян, с. 90.
70. ЛЕБЕДЕВ А. Н. Ук. соч., с. 8.
71. ЧЕБАНЕНКО С. Б. Практика посмертного повреждения тел «нечистых» покойников в южной Руси и в Прикарпатье и месть за ослепление Василька Тербовольского. — Русин. 2017, № 1 (47), с. 52.

Китайские и тимуридские источники о взаимоотношениях Китая и Центральной Азии в конце XIV — первой четверти XV в.

Н. Э. Каримова, Ж. М. Тулибаева

Аннотация. Публикация посвящена истории взаимоотношений Китая с государствами Центральной Азии в конце XIV — первой четверти XV века. На основе анализа сведений из китайских и тимуридских источников, исследуются характерные особенности их посольских и торговых связей в рассматриваемый период. Работа подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан по финансированию фундаментальных и прикладных научных исследований.

Ключевые слова: династия Мин, Центральная Азия, китайские хроники, тимуридская историография, дипломатия и торговля.

Abstract. The publication is dedicated to the study of history of relationships between China and Central Asian states at the end of the 14th — the first quarter of the 15th centuries. The specific characteristics of their ambassadorial and trade relations, in the period under considerations, are researched on the basis of analysis of data collected from Chinese and Arabic-script sources. This work was prepared within the framework of a grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan aimed at funding basic and applied scientific research.

Key words: the Ming dynasty, Central Asia, Chinese chronicles, Timurid historiography, Diplomacy and trade.

Империя Мин (1368—1644) была провозглашена в Китае в 1368 г., но под властью нового правительства находились далеко не все провинции, составлявшие «собственно Китай». В конце XIV в. основные военные силы минского правительства были сосредоточены на северо-западных рубежах.

Каримова Наталья Эрмановна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой Ташкентского государственного института востоковедения. Узбекистан. E-mail: nataliakarimova@mail.ru; *Тулибаева Жулдыз Мусаевна* — доктор исторических наук, профессор Университета им. Сулеймана Демиреля. Каскелен. Казахстан. E-mail: tulibay@gmail.com.

Karimova Natalya E. — doctor of historical sciences, head of the Department of the Tashkent State Institute of Oriental Studies. Uzbekistan. E-mail: nataliakarimova@mail.ru; *Tulibayeva Zhuldyz M.* — doctor of historical sciences, professor of Suleyman Demirel University. Kaskelen. Kazakhstan. E-mail: tulibay@gmail.com.

Для защиты сухопутных торговых путей в страны Центральной Азии и далее на Запад, а также в целях установления своего господства в Восточном Туркестане, первому китайскому императору Мин Тайцзу (1368—1398) необходимо было контролировать приграничные с Китаем северные территории.

Минская империя начала восстанавливать движение по сухопутным путям на Запад лишь в первой четверти XV в., предварительно укрепив отношения со странами Южных морей. Это было связано, прежде всего, с нестабильностью на северных границах Китая, где продолжались войны с монголами, кроме того, удаленностью первой минской столицы (Нанкина) от северо-западных границ. Перенос столицы в начале XV в. в Пекин не мог не способствовать возрастанию внимания к северо-западным сухопутным рубежам.

В условиях формирования в Китае нового централизованного государства главной задачей внешней политики минского правительства было «восстановление международного престижа как суверенного государства и прекращение вторжений извне»¹. Достижение этих целей требовало гибкости при контактах с сопредельными странами.

Первое время императоры династии Мин проводили в отношении стран Туркестана политику «хуай жоу» (политика расслабления, добрым отношением привлекающая на свою сторону). Например, в главе 89 «Мин Тайцзун шилу» («Правдивые записи об императоре Мин Тайцзуне») отмечено: «Высочайшее указание ганьсуйскому цзунбингуаню (чиновник для поручений. — *Н.К., Ж.Т.*) Ли Биню: Мухаммад (Махама) из Бешбалыка направил посла с дарами. Торговцы из этого города поступают по своему желанию. Люди издалека... радушно принимать, заботиться, обязательно следить, чтобы добрым отношением привлекать на свою сторону...»²

Во второй половине XIV в. для отношений минского двора с иноземными государствами был весьма характерен принцип «много давать и мало получать»³. При такой политике первоначальная форма торгового обмена в виде «даров-вознаграждений» стала трансформироваться. Имея при себе товары, помимо тех, что были предназначены императору, они обменивались ими с населением внутренних районов Китая. Торговые люди часто выдавали себя за посланцев с дарами, проникали в Китай и торговали в различных городах Ганьсу и Шаньси. Согласно историческим документам, «... послы из западных стран в большинстве своем купцы, под видом подношения даров, обладая покровительственной принадлежностью к различным ведомствам, действуют в собственных интересах»⁴.

Правители центральноазиатских государств под видом подношения подарков правящей династии Китая организовывали торговые отряды, снабжая их огромным количеством «даров», а на самом деле «товаров», которые те распродавали по дороге к китайской столице, а затем — на постоянных дворах в самой столице. Практика, когда ввозимые лошади делились на две части — десяток лошадей императору в дар, а остальные на продажу — часто использовалась членами дипломатических миссий.

Зарубежные посланники к минскому двору иногда пытались увеличить в списке преподносимой ими «дани» перечень подарков, предназначенных лично императору, надеясь получить в ответ еще более цен-

ные дары. С этой целью иногда изготавливались фальшивые посольские грамоты. Более того, осознавая выгоду «дани» для себя, они просили «разрешения» приносить «дань». Например, в «Мин ши» отмечено, что «вожди варваров неоднократно добивались права приносить дань»⁵, «[варварам] разрешили приносить дань»⁶, «прислали людей с грамотой... с просьбой [разрешить] принесение [дани]»⁷. Были случаи отказа минского Китая от «дани», например, однажды минский император пригрозил Турфану «навечно запретить приносить дань»⁸. Иногда двор принимал компромиссные решения: «дань» не отвергать, однако «вознаграждение» уменьшить⁹.

Многочисленные факты нарушения сроков принесения иноземцами «дани», а также несоответствие числа упоминаний «даннических» посольств в китайских хрониках и династийных историях отмечают исследователи отношений минского Китая с государствами Центральной Азии. Если в «Мин шилу» упоминаются практически все приезды посольств, то в «Мин ши», в разделе «Бэньцзи» (Основные анналы) — только четверть. Еще меньше упоминаний о приезде посольств из государств Западного края в разделе «Сиюй чжуань».

Исследователи считают, что это связано с тем, что составители династийной истории «Мин ши» сохранили средний интервал принесения «дани» чужеземцами (примерно раз в три года), чтобы создать на бумаге иллюзию их подчинения установленным в Китае правилам, тогда как в действительности такая периодичность не соблюдалась¹⁰. Таким образом, существует еще одно подтверждение номинального характера «дани», приносимой минскому двору.

В китайских источниках сохранилось достаточно сведений о совместных посольствах стран, расположенных к западу от Китая. Например, в главе 254 «Мин Тайцзун шилу» записано: «в 20-й год Юнлэ (1422 г.) Чжэмаэрдin из Лючэна, а также кумульский даши (глава, учитель, наставник буддийской школы. — *Н.К., Ж.Т.*) Лудубудин и другие преподнесли две тысячи с лишним овец, [в ответ] пожалованы подарки»¹¹. Там же, в главе 140, находится свидетельство того, что в «в 11-й год Юнлэ (1413 г.) из Хочжоу, Лючэна, Кашгара и других мест прибыли послы с дарами — западными лошадьми, львами, леопардами и др., в ответ пожалованы подарки»¹².

В «Сиюй чжуань» («Повествовании о Западных странах»), в главе 332 «Мин ши» сказано, что в «середине правления Хунью (1368—1398) из Самарканда несколько сот человек прибыли в Бешбалык. Их ван (глава, князь, правитель. — *Н.К., Ж.Т.*) Хайдар-ходжа (Хэйдыэр-хочжэ) направил цяньху (мингбаши, тысячник. — *Н.К., Ж.Т.*) Джамал ад-Дина (Хамалидин) с дарами. В 1391 г. достигли столицы, преподнесли лошадей...»¹³

Послы и торговцы из государств Центральной Азии часто прибывали с посольскими караванами к китайскому императорскому двору. Выше уже говорилось о приезде послов из Самарканда в Китай через Бешбалык. По данным китайских источников, за период правления в Китае первого императора Мин — Тайцзу (1368—1398) — Амир Тимур прислал семь посольств: в 1388 г. прибыл посол Мавлана Хафизы (Маньла Хафэйсы) с лошадьми (15 голов) и двумя верблюдами; в 1389 г. он же привез в Китай 205 лошадей; в 1392 г. Шайх Али (Шэхали) доставил лошадей,

верблюдов и местные товары; на следующий год (1393) посольство из Самарканда привезло лошадей (84), верблюдов (6), ворсистую ткань (6 кусков) и другие местные товары; в 1395 г. посол Далимиши прибыл в столицу Китая с лошадьми (200); на следующий год он же пригнал 212 лошадей; наконец, в 1397 г. некто Алемадань (как отмечают китайские документы, мусульманин) и еще 20 человек, а также мусульманин Чжалаула и его люди (191 чел.) пригнали в Китай 1095 лошадей ¹⁴.

В главе 56 «Мин Тайцзун шилу» есть запись о послах, направленных из Самарканда Халил Султаном: «1408 г. Из Самарканда Шайх Нур ад-Дин (Шахэй Нуэрдин) и другие преподнесли лошадей...» ¹⁵ В 1409 и 1410 гг. снова прибыли послы из Самарканда — Мухаммад и Ходжа Умар, которые преподнесли «лошадей, необработанный нефрит, нашатырь», в ответ им «пожалованы деньги, одежда». Это сведения также из «Правдивых записей о Тайцзуне» (гл. 62 и 71) ¹⁶.

Все товары местного производства, преподносившиеся в качестве даров императорам династии Мин, можно классифицировать по следующим основным видам: домашние животные (лошади, верблюды, овцы); шкурки соболя, горноста, овец и других животных; хлопчатобумажные и шерстяные ткани, войлок, грубая шерстяная ткань, сотканная из овечьей шерсти, тафта и другие виды тканей; редкие животные, среди которых львы, леопарды, тигры, слоны; дорогие лекарственные растения и материалы — шафран (фанъухуа), панты, рога сайгаков, мастика (жусян); драгоценные и полудрагоценные камни для ювелирных изделий — нефрит (яшма), алмазы, агаты, кораллы; традиционная продукция ручного производства — булатные мечи, различные ножи, седла; а также другая разнообразная продукция — особый краситель (хуэйхуэйцин и хун хуа), такамахака (хутунлэй), зеркала, бронзовые колокола, нашатырь и др.

О применении некоторых из них сообщается в китайских источниках, например, о мастике (жусян), которую еще называют «лудунсян». Это затвердевшая смола соснового дерева, использовавшаяся в китайской медицине. Нашатырь также широко применялся в китайской медицине, а также в сельском хозяйстве и промышленности.

Особый краситель «хуэйхуэйцин» — это вид краски, необходимый при производстве фарфора. В «Правдивых записях» есть сведения о том, что «... хуэйхуэйцин мусульманские чужеземцы из западных стран привезли в дар, купить его трудно...» ¹⁷

«Хун хуа» или «хуан лань» — сафлор, растение, которое проникло в Китай с Запада во II в. до н.э. В китайских источниках есть сведения, что растение «хуан лань» было привезено Чжан Цянем, известным китайским путешественником и дипломатом II в. до н.э., и быстро распространилось по стране. В течение многих веков последующие поколения сажали его и получали плоды. В высушенном виде оно употреблялось для окраски шелка.

В китайской литературе периода Хань (206 г. до н.э. — 220 г.) приводятся многочисленные данные о красителях, применяемых для окраски тканей. Одним из самых распространенных из них в течение всей истории Китая было красящее в синий цвет индиго, которое добывалось из ствола и листьев ряда растений, объединенных общим термином «лань»

(синий). Впервые упоминание об индиго встречается в «Ши цзине»¹⁸. Для получения желтого цвета ткани красили корой бархатного дерева «бо». В древних китайских письменных источниках названо несколько растений, используемых для окраски тканей в черный цвет. Одним из красителей являлось растение «шу вэй», стебель и листья которого служили для изготовления красок¹⁹.

В книге «Золотые персики Самарканда» рассказывается о «хутунлэ», который еще называют «хутунцзянь, хутунлюй, такамахак», это — камедь (живица) «бальзамного тополя» (хутун). Камедь широко использовалась в медицине при лечении лихорадки, болезней желудка, а также при изготовлении ювелирных изделий. Камедь поступала в Китай из Ирана и центральноазиатского региона²⁰.

«Хуцзюань даобу» — это вид хлопчатобумажной ткани, производимой в Восточном Туркестане, условно ее называли тюль, тафта. Выращивание хлопка в Туркестане имеет давнюю историю. Как отмечает китайский историк Хэ Янь, только после эпох Сун (960—1279) и Юань (1279—1368) хлопок проник во внутренние районы Китая²¹. И в начале эпохи Мин китайцы еще не могли полностью удовлетворять свои потребности в хлопке, во многом из-за противостояния с северными монголами. Таким образом, привозимая из стран Туркестана тафта, была одним из важных продуктов обмена с Китаем.

Ценные камни привозились, в основном, из районов Кашгара и Хотана, а редкие животные доставлялись из стран Центральной и Западной Азии и из других мест.

Важнейшей же статьей в товарообороте государств Туркестана с Китаем была торговля лошадьми. В северных районах славились усуньские и илийские скакуны, а в южных были известны породы «яньци», «хэчжун» и другие. В центральноазиатском регионе с древних веков занимались разведением знаменитых лошадей, среди которых китайские императоры особенно ценили ферганских скакунов, называя их «небесными» (тяньма) и «потеющими кровью» (ханьсюэ ма).

Далеко за пределами региона были известны самаркандские и хорезмские скакуны. Согласно источнику «Тан хуэйяо» («Сводное обозрение династии Тан»), «лошади Канго... это порода даваньских лошадей, описания очень схожи»²². Китайский историк Лань Ци, исследователь истории Самарканда, на основании данных многих письменных источников, делает вывод, что танские императоры мечтали заполучить самаркандских лошадей²³.

Во время военных конфликтов Минской династии с северными монголами и чжурчжэнами²⁴ возникала острая потребность в большем количестве лошадей. В сложившейся ситуации императоры поощряли ввоз в страну и торговлю лошадьми на крупных базарах в Ганьчжоу, Лянчжоу, Ланьчжоу, Нинся. Количество лошадей увеличивалось вплоть до правления императора Цзяцзин (1521—1567).

По сведениям китайских источников, наибольшее число лошадей в период Мин поставлялось из Кумула и государства ойратов Вала. А во время правления Тяньшунь (1457—1464) из Вала пригнали самое большое число лошадей за один раз: тогда «прибыло свыше трех тыс. чел., пригнавших более 10 тыс. лошадей»²⁵.

Центральноазиатские послы и торговцы вывозили из Китая чай, китайский шелк, фарфоровые изделия, ревень, мускус и другие товары. Исторические хроники эпохи Мин скрупулезно перечисляют китайские товары, которые пользовались спросом у чужеземцев. Например, в «Докладах императорам Мин из иноземных и даннических стран» имеются сведения о просьбах послов выдать им в ответ на принесенную «дань» определенные китайские товары.

На вывоз некоторых товаров, производившихся в Китае, были наложены запрет или ограничения. Например, в главе 71 «Мин Инцзун шилу» («Правдивые записи об императоре Мин Инцзуне») есть сведения о том, что в «5-й год Чжэнтун (1440 г.) из Кумула и других мест посол Тото-Бухуа (Токто) и другие прибыли ко двору с дарами, пожелали в награду поменять тафту на чай, тюль и другие товары. Чай является продуктом, запрещенным к вывозу за пределы Китая. Тюль и другие товары можно обменять...»²⁶

Минские послы, направляясь в города Туркестана, кроме императорских указов брали с собой большое число дорогих предметов (золотую и серебряную посуду, фарфор и др.), которыми одаривали местных правителей, кроме того, жаловали им большое количество денег (цайби и хоби) и различные титулы. В китайских источниках эта форма обмена дарами названа «гун-цы», что дословно означает «дары — вознаграждения». В китайских источниках принято значение иероглифа «гун» — как «дань», но дары, подносимые императорам правящих династий Китая, нельзя было рассматривать всегда как свидетельство отношения вассала к своему сюзерену, тем более, что в ответ они получали подарки, по ценности иногда превосходившие преподнесенные дары²⁷.

В главе 113 «Правдивых записей» приводятся сведения об ограничении на закупку чая: «В 4-й год Тяньшунь (1473 г.) кумульский чжуншунь-ван (правитель преданный и покорный. — *Н.К., Ж.Т.*) Манавэньдашири и другие отправили посла Шидалимиши и других ко двору. Это посольство просит разрешения купить тюль, чай, фарфор и другие товары... на чай и металлические орудия нельзя обмениваться, только по специальному разрешению можно вывозить их за пределы Китая»²⁸.

В главе 74 «Правдивых записей о Уцзуне (1506—1522), императоре династии Мин» («Мин Уцзун шилу») записано, что в «6-й год Чжэндэ (1511 г.) кумульский чжуншунь-ван Султан-Баязет (Сутань-Баяцзи) отправил посла Аду-ходжу и других с дарами, а те незаконно скупали чай у населения. Императорским указом [отмечено] нарушение государственных запретов. Законом нужно уменьшить награду...»²⁹

Чай был одним из наиболее желанных предметов обмена с Китаем, он имел большое значение в повседневной жизни кочевников. Правящая династия Китая считала, что строгие правила, ограничивавшие вывоз чая из страны, являются действенной мерой по надзору и расширению китайского влияния на Туркестан. С точки зрения китайских чиновников, проводимая чайная политика обеспечивала контроль над «варварами» лучше, чем десятки тысяч хорошо вооруженных воинов³⁰.

В «Своде законов династии Мин» приводятся следующие сведения о товарах, входивших в статью разрешенных для купли приезжавшим в столицу послам и торговцам. О посольстве из Кумула, посетивше-

го столицу, говорилось, что каждому человеку было разрешено купить: «чай — 50 цзиней (примерно 0,5 кг), фарфор «цинхуа» — 50 штук, медно-оловяный сосуд для супа — штук, тонкий шелк (газ) каждого цвета по 15 кусков, тюль (тафта) — 30 кусков, 3 ткацких челнока, ручную сотканное полотно — 30 кусков, хлопок — 30 цзиней, цветной ковер — 2 штуки, бумажные кони (с изображением бодисатв) — 300 листов, красители — 5 цзиней, фрукты, сахарный песок, сухой имбирь, каждого по 30 цзиней, лекарств — 30 цзиней, слива “муме” — 30 цзиней, черно-белые квасцы — 10 цзиней. Неразрешенных товаров много. На постоянном дворе открыт базар на 5 дней...»³¹ Из примера видно, что торговцы вывозили из Китая в свои страны огромное количество товаров, которые выгодно продавали, поэтому в свои последующие поездки они брали с собой еще большее число даров, а на самом деле товаров, чтобы обменять их у населения Китая.

Послы и торговцы, составлявшие торгово-посольские караваны, отправленные под видом подношения даров, занимаясь куплей-продажей, по несколько лет не возвращались домой. Например, в главе 3 «Мин Шицзун шилу» («Правдивых записей о Шицзуне, императоре династии Мин») сказано, что «в 1512 году турфанские [и] кумульские послы прибыли с дарами, торговали в столице. Остались на три-четыре года...»³² Там же, в главе 100, есть сведения, что «в 1529 году из Кумула и других мест прибыли послы с дарами. По дороге останавливаются, торгуют, стремятся к выгоде, по прошествии года не возвращаются...»³³

В качестве преференций для стран Туркестана, Минский двор позволял их посольствам не платить взимаемые налоги и свободно торговать с населением. Поощряя приезды центральноазиатских посольств, император Чэнцзу (1403—1425) таким образом использовал местную политическую власть этого региона для устранения монгольской угрозы с севера. Как отмечено в «Повествовании о Западных странах», в главе 332 «Мин ши», в год восхождения на трон (1403 г.) Чэнцзу издал высочайший указ, в котором, в частности, было сказано: «... отныне всех чужеземцев пропускать в Китай, повиноваться...»³⁴

При подобной политике поощрения торговые караваны из стран, лежавших западнее Китая, «заполнили все дороги», их повозки, груженные товарами, «достигали более ста»³⁵. В первую четверть XV в. торговые отношения Поднебесной с западными странами достигли наивысшего расцвета за весь период правления династии Мин.

Естественно, что количество посольств из Туркестана стало увеличиваться, а число людей в них расти. Иногда прибывало до десяти посольств в год из одного государства. Еще предыдущее не успевало уехать, как следующее уже приезжало. Количество людей в них было различным, самое многочисленное насчитывало свыше 1800 человек³⁶.

Государства Центральной Азии старались поддерживать торговые отношения с Китаем, откуда поступали товары, ставшие уже необходимыми в повседневной жизни, а со стороны Минской династии торговля была важным действенным рычагом политического воздействия на ближайших соседей. Как пишет китайский историк Хэ Янь, правящие династии часто проводили так называемую политику «закрытых дверей» по отношению к отдельным странам Туркестана, наказывая таким образом

их правителей³⁷. Хотя на самом деле в китайских источниках есть свидетельства, как турфанский Султан-Ахмад, захватив Хами (Кумул), закрыл проход Цзяюйгуань, тем самым приостановив торговые отношения Китая с западными странами: «Султан-Ахмад... грабил все караулы, слышно напал на Сучжоу, опустошил Ганьчжоу. В 7-й год Юнчжи [1494 г.] закрыл Цзяюйгуань, прекратились дары из Сиюя (Западных стран), приказал недовольным возвратиться на Запад [домой], оставил 400 оседланных лошадей в Хами (Кумуле)...»³⁸

И все же, несмотря на частые конфликты между правителями Восточного Туркестана и династии Мин, в эпоху Мин установились сравнительно стабильные и регулярные торговые отношения, которые положительным образом влияли на расширение экономических и культурных взаимосвязей и на подъем хозяйственной деятельности внутри этих стран. Огромную роль в этом сыграл возрожденный Великий шелковый путь.

Основатель династии Мин не уделял должного внимания отношениям с центральноазиатским регионом. Хотя, в китайских источниках есть записи о прибытии нескольких посольств от Амира Тимура за последние два десятилетия XIV столетия, вероятно, их составляли не официальные лица, а просто торговцы из Центральной Азии, которые называли себя посланниками Тимура, чтобы получить возможность заниматься коммерцией на рынке Китая. Купцы знали, что они могли проникнуть в Поднебесную только как официальные посланники, но не как частные лица³⁹.

Первым немногочисленным миссиям из Центральной Азии был оказан сердечный прием. Этот краткий период хороших отношений закончился прибытием посольства из Самарканда в октябре 1394 г., которое привезло 200 лошадей и письмо, якобы написанное Амиром Тимуром. Письмо расхваливало китайского императора и признавало его выдающейся личностью в мире⁴⁰. Однако использование в тексте послания самоуничижительных слов, таких как «не знаем, как отблагодарить за милость», «счастье, которое дотоле нам не было ведомо», «с почтением услышал о совершенствах мудрейшего»⁴¹, вызывает сомнение в подлинности данного письма. Трудно представить, чтобы Амир Тимур, известный жестким и воинственным характером, написал такое заискивающее официальное послание.

Минский император, тем не менее, польщенный «подчинением» известного мусульманского завоевателя, в 1395 г. послал дипломатическую миссию в Самарканд. Он отправил Фу Аня, Го Чжи, цензора Яо Чэня, евнуха Лю Вэя и еще 1500 чел., чтобы продемонстрировать свою благосклонность в обмен на лояльность. Ответное послание минского императора, в котором Амир Тимур именовался «вассалом», разгневало центральноазиатского правителя. Он распорядился задержать Фу Аня и все посольство, отправив их в турне по своей обширной территории от Самарканда до Исфахана с целью попытаться впечатлить своей империей⁴².

Два года спустя, в 1397 г., китайский двор, обеспокоенный судьбой своих посланников, направил второе посольство во главе со специальным уполномоченным Чэнь Дэвеном, чтобы навести справки, но и оно также было задержано Тимуром. В следующем году император Мин Тайцзу умер, а волнения в стране после его смерти временно отвлекли китайское правительство от дальнейших действий⁴³. Тимуридский историограф

Шараф ад-Дин Али Йазди, описывая события 1397 г., упоминает о прибытии китайских послов в ставку Амира Тимура во время его зимовки в селе Чиназ Ташкентского вилайета. Согласно сведениям придворного историографа, китайские послы преподнесли соответствующие подарки. Амир Тимур, хорошо приняв послов китайского императора, разрешил им вернуться⁴⁴.

Новый император Китая Юнлэ, который взошел на престол в 1403 г., обеспокоенный тем, что послы, отправленные его отцом к Тимуру, все еще не вернулись из Центральной Азии, направил еще одно посольство, снабдив его 800 верблюдами⁴⁵. Амир Тимур вновь задержал китайских посланников. По мнению американского историка Морриса Россابي, это преднамеренное оскорбление предвещало и подтверждало грандиозное намерение Тимура завоевать Китай и присоединить его к своей империи⁴⁶. Россابي отмечает, что когда Амир Тимур начал свой поход на Восток, его сопровождали потомки монгольских ханов, которых он, возможно, планировал возвести на престол как новых правителей Китая⁴⁷. С 1398 г. Тимур готовился к главному походу, посылая войска в восточном направлении к построенным фортам для обработки земель, чтобы обеспечить свою армию продовольствием в походе⁴⁸. Китайский же двор, по всей видимости, был не в состоянии противостоять самой мощной силе того времени и, фактически, не осознавал всей серьезности возможного вторжения.

Сведения китайских и тимуридских источников о взаимоотношениях Китая и империи Амира Тимура ставят под сомнение утверждение тайваньского историка Сюй Юйху о связи между экспедициями Чжэн Хэ и несостоявшимся вторжением Амира Тимура в Китай.

Военно-морские экспедиции Чжэн Хэ к государствам Восточной Азии, в Индию, к восточному побережью Африки и в другие регионы были самыми захватывающими достижениями начала правления династии Мин. Естественно, что некоторые синологи стремились объяснить эти экспедиции потребностью минского двора стимулировать торговлю и подношения китайским императорам зарубежными посольствами, так называемой, «дани»; обеспечением себя роскошными вещами; желанием императора Юнлэ объявить иностранным правителям о своем воцарении на престол; его стремлением продемонстрировать соседям Китая процветание и мощь империи Мин, а также его попытками расширить знания о Китае во внешнем мире. Официальные хроники двора добавляют, что император хотел найти и, возможно, избавиться от экс-императора Чжу Юньвэня, которого он недавно сверг, но который не сгорел во дворце во время переворота, а ускользнул от преследования⁴⁹.

Автор биографии Чжэн Хэ Сюй Юйху⁵⁰ в работе, изданной в 1958 г., высказывал мнение о том, что император Мин предпринимал морские экспедиции для заключения военных союзов с государствами Персидского залива, побережья Красного моря и Индийского океана в борьбе против Амира Тимура, мощного правителя Центральной Азии. Сюй указывал, что китайские династии вообще и династия Мин в особенности, опасались военного вторжения с севера и запада страны⁵¹. Он считал, что Мины признавали серьезность угрозы, исходившей от Тимура, и что сражения Чжэн Хэ и умиротворение нескольких княжеств в Юго-Восточной Азии были незначительными инцидентами, не соответствовавшими

ключевым задачам его миссии. В целом, как он указывал, истинные цели миссии состояли в том, чтобы укрепить обороноспособность Минов против «варваров» с Запада и помешать им использовать в своих интересах волнения, сопровождавшие утверждение Юнлэ на троне.

Как считает Сюй Юйху, минский двор не хотел ставить под угрозу миссию Чжэн Хэ и использовал поиск свергнутого императора как удобное прикрытие истинных намерений экспедиции, во всяком случае, император Юнлэ не уделял большого внимания поискам свергнутого им родственника.

Казалось бы, можно согласиться с аргументами тайваньского ученого. Мины действительно опасались нападений своих северных и западных соседей. Китай, в конце концов, вынес столетнее правление монголов и четыре столетия нападений на его границы киданей, чжурчжэней и тех же монголов. Минский двор воспользовался бы любой возможностью получить союзников против потенциальных или фактических врагов с Запада. Известный ученый Ло Цзунпан соглашается с Сюем, отмечая, что «целью [миссии Чжэн Хэ], должно быть, была демонстрация сочетания (комбинации) дипломатии и военно-морской мощи, чтобы побудить морские державы оказать поддержку Китаю в течение надвигающегося столкновения Китая с империей Тимура»⁵².

Более тщательное исследование отношений Амира Тимура с минским Китаем, однако, подвергает серьезным сомнениям гипотезу Сюя, который не в состоянии объяснить несколько отрывных моментов.

Во-первых, если император Юнлэ смог израсходовать огромные материальные и людские ресурсы для экспедиций Чжэн Хэ, включая 317 судов и 27 870 чел. для первой экспедиции 1405 г.⁵³, главным образом, чтобы заполучить союзников и открыть «второй фронт» против Амира Тимура, то не лучше ли было обеспечить перегруппировку войск и дополнительные поставки для своих армий на северо-западной границе? Нет никаких свидетельств, что Мины усиленно готовились встретить приближение армии Амира Тимура. Исследование китайских хроник приводит только к одной ссылке на силы, надвигавшиеся на Китай. Мы уже приводили сведения из «Мин ши», где император Китая приказывает своему главнокомандующему в Ганьсу сделать адекватные приготовления против предполагавшегося вторжения Амира Тимура.

Во-вторых, два основных отчета о рейдах Чжэн Хэ, написанных компаньонами адмирала, опускают упоминание об Амуре Тимуре. Если главной целью этих миссий было заключение военных союзов против правителя Самарканда, можно было бы предположить, что они отразят результаты этих предприятий.

В-третьих, хотя дата первой экспедиции Чжэн Хэ совпадает с предполагавшимся вторжением Амира Тимура, шесть других военно-морских предприятий были проведены в периоды, когда минский двор и преемники Тимура достигли гармоничных коммерческих и дипломатических отношений. Если военная угроза Амира Тимура уже миновала, то почему Китай отправил такие дорогостоящие миссии в Юго-Восточную Азию, вокруг Индийского океана и к восточному побережью Африки?

В-четвертых, в своих первых трех экспедициях 1405—1407, 1407—1409 и 1409—1411 гг. Чжэн Хэ не проник дальше южной части Индии.

Его путешествия не привели к государству, которое, возможно, могло бы стать союзником Китая против Амира Тимура. Четвертая экспедиция Чжэн Хэ дошла до государств Персидского залива, но поход начался в 1413 г., спустя годы после смерти Амира Тимура и после возобновления мирных и взаимовыгодных отношений между Минами и Тимуридами.

Таким образом, с большой долей уверенности можно предположить, что связи между экспедициями Чжэн Хэ и неосуществленным вторжением Амира Тимура в Китай нет. Более вероятные объяснения морских путешествий Чжэн Хэ лежат в дипломатических и коммерческих целях минского двора в Юго-Восточной Азии и других регионах, которые посетил адмирал.

Отношения же Китая и династии Тимуридов стабилизировались. Борьба за престол стала более неотложным делом в государстве Тимуридов, и, наконец, Шахрух (1377—1447), четвертый сын Амира Тимура, стал управлять империей своего отца. В 1407 г. Халил Султан отпустил Фу Аня и семнадцать выживших из 1500 китайцев, первоначально принявших участие в посольстве к Амиру Тимуру. Он также обеспечил сопровождение отправлявшихся домой китайцев, которые, вернувшись домой в Нанкин ко двору императора Юнлэ, сообщили о политической ситуации в государствах Центральной Азии⁵⁴.

С 1408 г. султан Шахрух, став преемником отца, продолжил обмен посольствами с Китаем. В свою очередь, возможно посчитав, что смерть Тимура предоставила случай улучшить отношения между странами, император Юнлэ направил посольство в Герат с соболезнованиями по поводу смерти правителя. Главой китайского посольства был назначен Бай-эрцзиньтай, который по своему этническому происхождению не являлся ханьцем, что должно было еще раз свидетельствовать о расположении минского двора к этим взаимоотношениям⁵⁵.

Посольство было любезно принято в Герате в начале 1409 года. Сведения об этом содержатся и в тимуридских источниках. Историограф Гератского двора Камал ад-Дин 'Абд ал-Раззак Самарканди в «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» («Место восхода двух созвездий и слияния двух морей») сообщает о первом визите китайских послов, которые прибыли ко двору Шахруха от имени китайского государя. Они приехали с подарками и передали слова соболезнования по случаю смерти Амира Тимура. По сообщению Камал ад-Дина 'Абд ал-Раззака Самарканди, Шахрух «оказал всяческую милость им и разрешил возвратиться»⁵⁶. В сочинении «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» при изложении исторических событий 1412—1413 гг. приводится текст письма китайского императора, отправленного к Шахруху⁵⁷.

У Фасиха Ахмада ал-Хавафи в его «Муджмал-и Фасихи» («Фасихов свод») также упоминается о прибытии китайских послов от минского императора во главе с Бу-таджин и Би-таджин. Послы вручили подарки и подношения, привезенные из Китая, правителю государства Шахруху⁵⁸.

Совместные центральноазитские посольства в Китай привозили много лошадей, львов и другие товары в дар. Например, в 1413 г. посольский караван составили торговцы городов Шираз, Герат, Самарканд, Турфан, Караходжа, Кашгар, которые достигли Нанкина с лошадьми, леопардами и львами, предназначенными для императора Юнлэ⁵⁹.

Необходимо отметить, что Юнлэ, в отличие от других китайских императоров, искренне интересовался исследованиями новых территорий. Он расспрашивал у прибывших послов о караванных маршрутах, расположении и передвижении монгольских племен. Память о монгольском господстве была еще свежа, отец Юнлэ сверг последнего монгольского хана династии Юань, и монголы продолжали представлять серьезную военную угрозу Минам. Ни один китайский император ранее не добивался такой известности как Юнлэ, и при этом ни один последующий император не предпринимал столько усилий, чтобы наладить отношения с зарубежными странами.

В 11-й год своего правления (1413 г.) Юнлэ распорядился об отправке дипломатической миссии на запад с «ответными подарками» и шелком, которые необходимо было раздаривать местным правителям по пути следования каравана, чтобы заложить основы для будущих хороших отношений с правителями западных от Китая стран ⁶⁰. По настоянию императора глава делегации должен был обладать определенными дипломатическими способностями, так как предполагалось, что самая важная остановка посольства будет в Герате. Учитывая характер последних посланий хакана Шахруха к Юнлэ, нужно было отправить наиболее опытного и искусного дипломата. Император Юнлэ выбрал для этой миссии государственного служащего по имени Чэнь Чэн, которого сопровождали в первой поездке в Центральную Азию Ли Сянь, Ли Да и дворцовые евнухи. Чэнь имел большой опыт участия в зарубежных миссиях и до этой поездки. Кроме того, он служил в Палате Ритуалов, где «несомненно сталкивался с посланниками из разных мест» ⁶¹.

Успешное завершение дипломатической миссии Чэнь Чэна и собранные им сведения о народах Центральной Азии значительно продвинули развитие отношений между Минами и их западными соседями. Китайский двор богато вознаградил посланников из Самарканда, Герата, Турфана, Шираза и Караходжи, сопровождавших Чэнь Чэна при его возвращении из Центральной Азии. Выражая свое расположение к представителям иноземных государств, император устроил для них прием и одарил шелками и серебром ⁶².

На следующий год после завершения своей первой экспедиции в Центральную Азию, Чэнь Чэн, сопровождаемый евнухом Лу Анем, вновь направляется в Герат. Чэнь и Лу передали письмо китайского императора хакану Шахруху. Китайские источники не упоминают о нем, но копия письма сохранилась в тимуридских источниках. Так, Абд ар-Раззак Самарканди при изложении событий 1417 г. пишет о прибытии китайских послов в сопровождении 300 чел., во главе с чиновниками Би-Бачин, Ту-Бачин, Жат-Бачин и Татк-Бачин с соответствующим посланием ⁶³.

После общепринятых приветствий в письме выражалось пожелание китайской стороны поддерживать хорошие отношения и свободную торговлю. В «Матла' ас-са' дайн ва маджма' ал-бахрайн» сказано, что послы привезли в дар соколов, атлас и парчу, таргу, фарфор и другие многочисленные подношения ⁶⁴. Шахрух был, очевидно, впечатлен таким вниманием и ценными подарками, поскольку снарядил ответное посольство во главе с послом Ардашером таваджи, чтобы сопроводить Чэня в обратный путь ⁶⁵. На этот раз император Юнлэ наградил Чэнь Чэна за успешную

миссию повышением. Еще одно китайское посольство покинуло Китай 30-го числа 10-го месяца 1418 г., что подтверждало хорошие взаимоотношения между Минами и Тимуридами. Чэнь Чэн не принимал участия в этой экспедиции, но евнух Ли Да, который служил в первой миссии Чэня в Центральную Азию, был во главе миссии. Посол Ардашер таваджи вернулся в Герат осенью 1419 г. в сопровождении очередных китайских послов, доставивших Шахруху подарки и письмо императора, полный текст которого приводится в сочинении Абд ар-Раззака Самарканди ⁶⁶. Из Герата одна часть китайского посольства направилась в иранский Шираз, где в то время правил Ибрагим Султан, сын Шахруха, а вторая — в Хорезм, к эмиру Шахмалику ⁶⁷.

Очередное совместное посольство от правителей государств Центральной Азии прибыло в Пекин 14-го числа 12-го месяца 1420 г. и было принято китайским императором. Посольство от хакана Шахруха возглавляли послы Шади-ходжа и Кукча, от имени султана Байсунгура присутствовали послы Султан Ахмад и ходжа Гийас ад-Дин наккаш, от имени Мирзы Соьургатмыша — посол Ургудак. Посольство правителя Хорезма эмира Гийас ад-Дина Шахмалика (1413—1426) представлял посол Урдуван ⁶⁸.

В сочинении «Зубдат ат-таварих-и Байсунгури» («Байсунгуровы сливки летописей») приводится текст дневника ходжи Гийас ад-Дина наккаша. Хафиз-и Абру пишет, что посол начал вести свой дневник с того дня, как он выехал из Герата. День за днем записывал все, что видел в пути. Он описывал состояние дорог, городов, областей по которым проходило посольство, их благоустройство, местные обычаи, местных правителей, образ жизни и методы их правления. Все его путевые заметки за период с 1419 по 1422 г. были сделаны без пристрастия и предубеждения ⁶⁹.

Отдельные главы дневника ходжа Гийас ад-Дина в последующем были включены историографами в их рукописные сочинения. Полный текст дневника на русском языке в переводе А. Буриева впервые был опубликован в 2009 году ⁷⁰. Дневник путешествия Гийас ад-Дина в Китай — один из важных источников для изучения дипломатических и торговых связей государств Центральной Азии с Китаем. Представители посольства были приняты императором, сопровождали его на охоте и развлекались на многочисленных приемах. Так как посланники центральноазиатских правителей проживали в Пекине около шести месяцев, наблюдения Гийас ад-Дина охватывают много аспектов жизни китайского общества и неопценимы для изучения минского Китая.

В свою очередь, китайский император Юнлэ в июле 1420 г. поручил Чэнь Чэню возглавить очередное посольство в Центральную Азию. Продолжая традицию включения евнухов в состав посольств, направлявшихся в Западные страны, его сопровождал евнух по имени Го Цзин. Немного известно об этой миссии. Ни в тимуридской историографии, ни в хрониках Мин нет подробных отчетов о ней. Возможно, подобные миссии больше не были новинкой и, в свете нормализовавшихся отношений между Китаем и империей Тимуридов, уже не привлекали пристального внимания со стороны летописцев. Все, что известно о посольстве, это то, что оно достигло Герата, пройдя Самарканд, Хорезм, Бадахшан и другие государства, стимулировав эти страны посылать торговые посольства в Китай.

После кончины императора Юнлэ в августе 1424 г., минский двор сократил число, а в последующем полностью прекратил отправку посольств в Центральную Азию, впрочем, как и в Юго-Восточную Азию и другие регионы.

Совершенно очевидно, что первые правители династии Мин ценили тех, кто имел опыт ведения дел с иностранцами. Они вновь и вновь отправляли таких дипломатов как Фу Ань, Ишиха, Чэнь Чэн в Западные страны. Благодаря их отчетам, китайский двор был достаточно информирован о положении, обычаях и административной системе государств Центральной Азии.

Китайская внешнеполитическая активность в Центральной Азии приходилась на эпохи Хань и Тан. В послетанский период отношения практически прекратились, и империи Мин пришлось начинать свою центральноазиатскую политику почти с той же исходной точки, что и Хань во II в. до н.э. Правление династии Мин продолжалось на протяжении почти трех веков, сопровождавшихся периодами подъема и годами смут, но достичь величия Танской империи она так и не смогла. Тем не менее, мы можем отметить, что, несмотря на первоначальные трения, дипломатические и торговые отношения Китая и государств Центральной Азии в рассматриваемый период развивались достаточно интенсивно, о чем свидетельствуют материалы китайских и тимуридских источников.

Примечания

1. История дипломатии. Т. 5. Кн. 1. М. 1974, с. 223.
2. ХЭ ЯНЬ. Миндай Сиюй юй Чжунъюаньды тунгун хуши маои (ХЭ ЯНЬ. О взаимной торговле Китая с Западными странами в эпоху Мин). — Синьцзян лиши яньцзю (Исследования по истории Синьцзяна). № 2, 1986, с. 43.
3. БОКЩАНИН А. А. Китай и страны Южных морей в XIV—VI вв. М. 1968, с. 39.
4. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна). Пекин. 1987, с. 233.
5. Мин ши (История династии Мин). В кн.: Эрши сыши (Двадцать четыре истории). Т. 3. Гл. 329. Шанхай. 1958, с. 31 829 (3637а).
6. Там же, с. 31 829 (3637б).
7. Там же.
8. Там же, с. 31 826 (3634а).
9. Там же, с. 31 832 (3640б).
10. ЗОТОВ О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV—VIII вв. М. 1991, с. 79.
11. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 226.
12. Там же, с. 226.
13. Там же, с. 222.
14. ХЭ ЯНЬ. Ук. соч., с. 43.
15. Там же.
16. Там же.
17. ШЕФФЕР Э. Золотые персики Самарканда. М. 1981, с. 250—251.
18. ЛУБО-ЛЕСНИЧЕНКО Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н.э. — III в. н.э. Л. 1961, с. 23.
19. Там же.
20. ШЕФФЕР Э. Ук. соч., с. 250—251.
21. ХЭ ЯНЬ. Ук. соч., с. 45.

22. ЛАНЬ ЦИ. Цзиньтаодэ гусян — Самаэركانь (ЛАНЬ ЦИ. Родина «золотых персиков» — Самарканд). Пекин. 2016, с. 27.
23. Там же.
24. Чжурчжэни — конфедерация племен тунгусского происхождения, обитавших на территории Северо-Восточного Китая, Северной Кореи, Приамурья и Приморья России в X— VII вв. В 1635 г. император Хуантайцзи (1592—1643), основатель династии Цин, распорядился изменить название своего народа с «чжурчжэни» на «маньчжурь».
25. ХЭ ЯНЬ. Ук. соч., с. 43.
26. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 236.
27. ДУМАН Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы. В кн.: Китай и соседи. М. 1970, с. 13—50.
28. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 236.
29. Там же, с. 237.
30. МАРТЫНОВ А. С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин. В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М. 1970, с. 234—250.
31. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 237.
32. ХЭ ЯНЬ. Ук. соч., с. 46.
33. Там же.
34. Там же, с. 42—43.
35. Там же, с. 43.
36. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 219.
37. ХЭ ЯНЬ. Ук. соч., с. 42—50.
38. ЧЖУН ФАН. Историко-географическое описание Кумула. Тайбэй. 1968, с. 19.
39. ROSSABI M. Ming China and Turfan, 1406—1517. — *Central Asiatic Journal*. Vol. 16, № 3, 1972, p. 224.
40. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 223.
41. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV— IX вв. Алматы. 1994, с. 45.
42. BRETSCHNEIDER E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II. London. 1910, p. 145.
43. FRANKE W. Addenda and Corrigenda to Pokotilov's History of the Eastern Mongols During the Ming Dynasty. — *Studia Serica*. No. 3, 1949, p. 2—24.
44. ШАРАФ АД-ДИН 'АЛИ ЙАЗДИ. Зафар-наме. Ташкент. 1972, л. 295а.
45. TELFER J. B. The Bondage and Travels of Johann Schiltberger, a Native of Bavaria, in Europe, Asia, and Africa 1396—1427. London. 1879, p. 28.
46. ROSSABI M. Cheng Ho and Timur: Any relation? — *Oriens Extremus*. December, Vol. 20, No. 2, 1973, p. 132.
47. Ibidem.
48. Ibidem.
49. Мин ши (История династии Мин). В кн.: Эрши сыши (Двадцать четыре истории). Т. 3. Гл. 332. Шанхай. 1958, с. 31 596 (3405аб).
50. XU YUNU. Cheng He pingchuan (СЮЙ ЮЙХУ. Жизнеописание Чжэн Хэ). Taipei. 1958.
51. Ibid., p. 21—22.
52. LO JUNGPANG. Policy Formulation and Decision-Making on Issues Respecting Peace and War. In: *Chinese Government in Ming Times: Seven Studies*. New York. 1969, p. 54—55.
53. MILLS J. V. G. The Overall Survey of the Ocean's Shores'. Cambridge. 1970, p. 10.
54. Ibidem.
55. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 222.
56. 'АБД АР-РАЗЗАК САМАРКАНДИ. Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн. Лахор. 1933, с. 128—129.
57. Там же, с. 219—220.

58. ФАСИХ ХАВАФИ. Муджмал-и Фасихи. Дж. II. Тус — Мешхед. 1961, с. 210.
59. Мин ши (История династии Мин). В кн.: Эрши сыши (Двадцать четыре истории). Т. 3. Гл. 332. Шанхай. 1958, с. 31 864 (36726).
60. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 230.
61. ROSSABI M. Two Ming envoys to Inner Asia. — Tong Pao. Vol. 62, No. 1—5, 1976, p. 18.
62. Синьцзян дифан лиши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по историографии Синьцзяна), с. 230.
63. 'АБД АР-РАЗЗАК САМАРКАНДИ. Ук. соч., с. 354—355.
64. Там же, с. 354.
65. Там же, с. 355.
66. Там же, с. 382—386.
67. Там же, с. 418.
68. ХАФИЗ-И АБРУ. Зубдат ат-таварих-и Байсунгури. Стамбул. Рукопись Библиотеки Фатих, № 4371/I, л. 578б.
69. Там же, л. 578а-591а.
70. Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Вып. I. Астана. 2009, с. 168—206.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201907Statyi12 УДК 94(100) «1939/45»

Судоремонтный завод «Тосмаре» и его рабочий батальон накануне и в начале Великой Отечественной войны

В. О. Терентьев, Е. А. Терентьева

Аннотация. В публикации показана роль коллектива судоремонтного завода «Тосмаре» в формировании рабочей гвардии накануне и в ходе знаменитой обороны Либавы (Лиепай) в июне 1941 года. Кроме того, проанализированы место завода в системе обороны города и его роль в обеспечении Краснознаменного Балтийского флота.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 67-я стрелковая дивизия, РККА, 291-я пехотная дивизия, рабочая гвардия, завод Тосмаре, Латвия, Либава, Лиепая.

Abstract. The publication outlines the role of the staff of the ship-repair yard “Tosmare” in the formation of the Workers’ Red Guard before and during the famous defense of Libau in June 1941 which had never been the subject of a special research. The position of the plant in the system of the city defense as well as its role in the supply of the Baltic Fleet is analyzed on the example of this operation.

Key words: Great Patriotic war, 67th rifle division, Red Army, 291st infantry division, Workers’ Red Guard, ship-repair yard “Tosmare”, Latvia, Libava, Liepaja.

Оборона Либавы в июне 1941 г. — одна из героических страниц истории Советского Союза. Здесь в течение недели захваченные врасплох советские войска сдерживали отборные силы вермахта. Либавский судоремонтный завод «Тосмаре» сыграл двойную роль в обороне города. С одной стороны, с ним связана одна из первых трагедий Балтийского флота в Великой Отечественной войне. С другой — завод дал фронту са-

---

Терентьев Вячеслав Олегович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий музеем Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова. Санкт-Петербург. E-mail: info@histsoznanie.ru; *Терентьева Екатерина Анатольевна* — кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. E-mail: info@histsoznanie.ru.

Terentev Viacheslav O. — candidate of historical sciences, associate professor, head of the University Museum. Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping. St. Petersburg. E-mail: info@histsoznanie.ru; *Terenteva Ekaterina A.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications. E-mail: info@histsoznanie.ru.

мое крупное добровольческое формирование, участвовавшее в боях на основных участках обороны города.

История завода началась еще в конце XIX в., и анализ событий июня 1941 г. требует понимания ее перипетий, оказавших влияние на формирование как контингента рабочих, так и общего социально-политического климата в городе. Кроме того, исходя из нее становятся понятны роль завода в общей инфраструктуре Балтийского флота и стратегическая необходимость обороны Либавы.

В 1884 г. на Особом совещании Морского и Военного министерств было принято решение о создании на Балтике незамерзающего военного порта, способного обеспечить базирование крупных сил российского флота. 15 января 1890 г. решение о необходимости строительства военного порта в Либаве было утверждено императором Александром III. 12 августа 1893 г. в присутствии императорской семьи состоялась торжественная церемония закладки военного порта, получившего в 1894 г. название «Порт императора Александра III». Уже в 1896 г. на заводе, строительство которого еще не было завершено, достраивался броненосный крейсер «Россия». К лету 1898 г. появились сухой док, судостроительная и механическая мастерские, кузница, склады. Для подхода кораблей к стене завода и строившимся докам был выкопан канал с двумя бассейнами. Причальный фронт составил 1,5 км. С окончанием строительства оборудованные по последнему слову техники судоремонтные мастерские получили название «Мастерские Либавского порта императора Александра III». В их состав к 1900 г. входили 8 зданий цехов, 12 складских помещений и 9 жилых домов для персонала мастерских. Их территория составляла треть общей площади Либавы. Для работы на заводе и обучения местных кадров привлекались лучшие специалисты и квалифицированные рабочие Петербурга и Риги. К июню 1901 г. были введены в эксплуатацию еще два крупнейших на Балтике сухих дока длиной по 190 м. В 1904 г. вступил в строй стальной плавучий док на 800 т., построенный в Санкт-Петербурге. Мастерские активно использовались в период русско-японской войны. В 1906 г. в Санкт-Петербурге для подъема миноносцев и подводных лодок в порту императора Александра III был построен док-мост грузоподъемностью 450 т¹.

В 1907 г. решением Совета государственной обороны устаревшую Либавскую крепость, защищавшую военный порт с суши, ввиду близости границы упразднили. В случае войны с Германией портовые сооружения, в том числе и мастерские, предполагалось уничтожить. Тем не менее, мастерские оставались одним из крупнейших промышленных предприятий Северо-Западного края. Здесь работало свыше тысячи человек². 17 апреля 1915 г., при подходе немецких войск к городу, командующий Балтфлотом отдал приказ об оставлении либавского порта и о сдаче Либавы. По приказу командира порта контр-адмирала А. С. Загорянского-Киселя, фортификационные сооружения привели в негодность. В мастерских были подорваны оба сухих дока, сожжена главная контора завода и уничтожена небольшая часть оборудования. После поражения Германии в первой мировой войне по соглашению с союзниками немецкие оккупационные войска продолжали оставаться в городе, а 9 декабря 1918 г. в Лиепаю, как стал называться город, прибыла английская эскадра под командованием

контр-адмирала Э. Синклера. Портовые мастерские использовались для выполнения ремонтных работ на немецких и английских кораблях ³.

В независимой Латвии завод назывался «Kara Ostas Darbnīcas» (KOD) — «Мастерские Военного порта». С 1920 по 1940 г. заводом бес­сменно руководил Арнольд Янсон. Промышленность Латвии, оторван­ная от русского сырья и рынков сбыта, не могла развиваться и пришла в упадок. Сначала численность персонала завода сократилась вдвое, а к середине 1920-х гг. составила всего треть от довоенной. Правда, после заключения торгового договора с СССР в 1927—1929 гг. завод получил несколько заказов, что позволило увеличить число рабочих. Но в 1932 г. по политическим причинам договор не был пролонгирован Латвией, что послужило одной из причин обострения экономического кризиса в респу­блике. Множество рабочих вновь было уволено, оставшимся значительно снижена заработная плата. В 1933 г. обанкротившийся завод был принят в гос­собственность. Основным заказчиком стала армия. Для обеспечения ремонта вооружения и техники растущих численно и качественно лат­вийских вооруженных сил KOD даже выкупил обанкротившийся метал­лургический (т. н. «проволочный») завод. Несмотря на это, завод Лиепай работал всего около 90 дней в году ⁴. Он распался на множество мелких кустарных предприятий, помимо мелкого судоремонта занимавшихся по­стройкой катеров, шлюпок, котлов, цистерн, понтонов, кранов и других стальных конструкций, изготовлением картофелекопалок и подобных несложных сельскохозяйственных машин, алюминиевой и эмалирован­ной посуды, мясорубок, керогазов, машин для торфоразработок, шипов для конских подков, крючьев для телеграфных столбов и даже мин. За­вод строил железнодорожные артиллерийские платформы, пассажирские и большегрузные товарные вагоны ⁵. Здесь выпускались детали для вело­сипедов «A. Lippert». В 1936—1938 гг. в цехах завода были спроектирова­ны и изготовлены самолеты-бипланы для айзсаргов (вооруженных фор­мирований): 10 учебных KOD-1 и 7 учебно-боевых KOD-2, получивших название по заводу-изготовителю. Тем не менее, завод в целом перестал существовать как важный стратегический объект Балтийского региона. В 1938 г. на базе мастерских было создано акционерное общество «Завод “Тосмаре”».

Рабочие завода представляли собой высокоактивный политический авангард всех трудящихся Лиепай. Уже осенью 1920 г. под руководством компартии Латвии в мастерских была проведена широкомасштабная двухмесячная забастовка. Нелегальные партийные ячейки создавались практически в каждом цеху, на каждом крупном предприятии. Мастеро­вые завода принимали активное участие в Первомайских демонстраци­ях, рабочих забастовках, проводимых в 1920-е — 1930-е годы. До 30% рабочих KODa прошли через тюрьмы. После переворота 15 мая 1934 г. все рабочие организации были запрещены, партийные и общественные лидеры арестованы, уволены или вынуждены уйти в подполье. Тем не менее, ячейки Коммунистической партии Латвии (КПЛ), сохранившие­ся на предприятии, объединились с представителями разогнанных левых партий и профсоюзов, продолжив разностороннюю борьбу за интересы рабочих. Несколько человек добровольцами уехали в Испанию, где вое­вали в составе интербригад ⁶.

С начала 1939 г. КПЛ развернула широкую антифашистскую кампанию, требуя заключения антигитлеровского договора о коллективной безопасности с СССР. Трудящиеся Лиепай и, в частности, мастерских КОД активно поддерживали деятельность КПЛ в этом направлении. 5 октября 1939 г. между правительствами СССР и Латвии был подписан договор о взаимной помощи, по которому Советский Союз получал право разместить на территории Латвии гарнизоны сухопутных войск, создать военно-морские и воздушные базы. В порту Лиепай разместились подлодки 16-го дивизиона 1-й бригады и отряд легких сил надводных кораблей. Благодаря заказам от СССР на выполнение регулярного ремонта значительного числа военных кораблей количество рабочих мест на заводе «Тосмаре» возросло в полтора раза, а судоремонтников — в три. Постепенно изживая кустарность, завод стал возвращаться к профессиональной деятельности.

«Тосмаре» был одним из самых крупных предприятий Латвии, и его пролетариат сыграл значительную роль в событиях 1940 года. Трудящиеся завода горячо приветствовали корабли КБФ и части РККА. Тесное общение с советскими моряками способствовало увеличению просоветски настроенных рабочих. Они активно участвовали в митингах, проходивших на судах и кораблях КБФ 1 мая 1940 года.

Латвийское правительство после прибытия советских войск усилило репрессии против заводчан. Многие рабочие были арестованы, уволены или заменены на более лояльных. Была введена хозяйственная повинность, позволявшая формировать рабочие роты и использовать их бесплатно на любых тяжелых работах⁷. Однако, чувствуя военную и политическую поддержку СССР, тосмарцы одними из первых в Латвии выступили в защиту своих прав и свобод. 19 июня в Лиепае прошла демонстрация рабочих с красными флагами под лозунгами «Долой диктатуру фашизма!» и «Да здравствует компартия Латвии!». Организатором выступил заводской комитет КПЛ под руководством представителя Леяскурземского обкома КПЛ, мастера завода «Тосмаре» В. Гебелиса. МВД Латвии попыталось подавить выступление. В помощь полиции были задействованы подразделения 15-го Лиепайского полка айзсаргов. Но это не помогло, и против рабочих был направлен латвийский военный гарнизон во главе с начальником — полковником Хасманисом. Однако полпред СССР в Риге потребовал не препятствовать мирному волеизъявлению латвийских рабочих⁸. Солдаты, в целом, проигнорировали приказ Хасманиса стрелять в демонстрантов. Однако после перехода многотысячной толпы в старый город, в переулках стали происходить потасовки. Айзсарги пытались остановить группы молодежи и рабочих. В руках рабочих оказалось несколько винтовок и револьверов. На заводе «Тосмаре» был создан красногвардейский отряд, который начал планомерное разоружение постов айзсаргов, причем изъятое оружие также шло на вооружение пролетариата.

Вечером 20 июня в Лиепае прошла еще более массовая демонстрация, возглавляемая рабочим комитетом завода «Тосмаре». Подразделения айзсаргов и группы полиции были разоружены красногвардейцами. С боем был захвачен штаб полка айзсаргов с арсеналом. Полицейская префектура сдалась без боя. Отряды Красной гвардии, состоявшие в основном

из судоремонтников, при посредничестве советских войск заняли мосты, почту, телеграф, телефон, редакцию газеты, железнодорожные станции, управления заводов и фабрик⁹. Не обошлось без столкновений с латвийской армией. Находившийся на заводе «Тосмаре» караул, охранявший электростанцию и водокачку, отказался подчиниться рабочим и был разоружен советскими моряками¹⁰. Демонстрация завершилась массовым митингом на рыночной площади и провозглашением советской власти.

На следующий день многотысячная демонстрация встречала освобожденных из рижской и лиепайской тюрем политзаключенных, среди которых было много тосмарцев. Большинство из них вернулось на родной завод. Вскоре была создана народная милиция. Рабочая (Красная) гвардия, образованная в первый день революции, была сохранена с целью защиты граждан и народного имущества от возможных контрреволюционных выступлений и диверсий бывших айзсаргов и сторонников диктатуры. Представители завода «Тосмаре» вошли и в милицию, и в гвардию, причем их красногвардейский отряд, взявший под охрану завод после изгнания прежней администрации, оказался наиболее крупным. На выборах в Народный сейм, прошедших 14—15 июля, в число депутатов от Лиепайи вошли директор завода «Тосмаре» А. Янсон и заводской мастер В. Гебелис. Таким образом, «Тосмаре» играл важную роль в политической жизни не только города, но и страны в целом. Политическая инициативность рабочих завода, проявившаяся в годы революции, сыграла свою роль и впоследствии, в первые дни Великой Отечественной войны.

С 30 июля по 15 августа предприятия завода были национализированы и переведены в госсобственность. Производительность труда с первых дней возросла в два раза, что свидетельствует об искреннем воодушевлении рабочих переменами в стране¹¹.

1940 г. стал поворотным в жизни предприятия. Вскоре после установления советской власти в Латвии было принято решение о расширении территории ВМБ КБФ Либава (Лиепая); кроме того, советским правительством были арендованы завод «Тосмаре» и база подводных лодок¹². Когда 5 августа Латвия вошла в состав Советского Союза, постановлением СНК СССР № 1464—572 от 14 августа 1940 г. завод «Тосмаре» был передан в подчинение Наркомата ВМФ. К этому времени рабочих и служащих на заводе насчитывалось 1570 человек. Ремонтировавшиеся в цехах «Тосмаре» вспомогательные катера вошли в состав КБФ. 7 октября 1940 г. приказом наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова предприятие получило название «Судоремонтный завод «Тосмаре» Краснознаменного Балтийского флота»¹³. На 11 февраля 1941 г. в Либаве были размещены: отряд легких сил из двух крейсеров, два дивизиона эсминцев, группа тральщиков и 1-я бригада подводных лодок. Рабочие мощности завода оказались загружены, и до начала войны на нем было отремонтировано несколько судов¹⁴.

Накануне войны, исходя из тревожной обстановки, КБФ перевел часть кораблей из Либавы в Ригу и Таллин. Только 21 июня был подписан Приказ наркома ВМФ о создании Прибалтийской ВМБ в составе Либавы, Виндавы и Риги, поэтому с началом войны Либавская база оказалась еще не в состоянии обеспечить базирование кораблей передового отряда КБФ, управление базовой авиацией и береговой артиллерией. Наземная оборона отсутствовала: работы по созданию Либавского укрепрайона на-

ходились в стадии разметки. Несмотря на перегруппировку сил флота, фактически Либава оставалась передовой военной и ремонтной базой.

На заводе «Тосмаре» на ремонте стояли несколько подводных лодок и миноносец «Ленин». На миноносце ремонтировались обе машины, и он не имел хода. Подводные лодки «Ронис» и «Спидола» находились без аккумуляторных батарей. На двух подлодках типа «М» производился капитальный ремонт. Плановый срок среднего ремонта подлодки С-1 истек 15 июня, но она еще оставалась в доке. В наибольшей степени готовности к выходу в море была подлодка С-3, но из-за разобранных систем заполнения и вентиляции цистерн главного балласта она не могла погружаться под воду, а 100-мм орудие было снято ¹⁵. 21 июня в Либаву для ремонта машин пришел быстроходный тральщик «Фугас» без боезапаса. Таким образом, несмотря на сложную международную обстановку, в непосредственной близости от границы оставались недееспособными шесть крупных боевых кораблей. Ответственность за это вместе с командованием флота разделяли руководство завода «Тосмаре» и командование базы.

Начальником судоремонтного завода «Тосмаре» на 22 июня 1941 г. был военный инженер 2-го ранга Алфей Васильевич Терентьев, сменивший Янсона в 1940 г.; главным инженером — инженер-капитан 2-го ранга Александр Алексеевич Галин; военным комиссаром завода — батальонный комиссар Артур Янович Петерсон.

19 июня, в соответствии с объявленной по флоту оперативной готовностью № 2, местный стрелковый батальон перешел на усиленную караульную и комендантскую службу. В порту и у завода были установлены пулеметы и подготовлены места для 100-мм пушек. Командир ВМБ капитан 1-го ранга М. С. Клевенский отдал приказ о погрузке мин на тральщик «Фугас» и подготовке к установке минных заграждений. Из личного состава ремонтировавшихся кораблей был создан оперативный резерв.

Для противовоздушной обороны порта и завода еще в 1939 г. с Черноморского флота был переведен 84-й зенитно-артиллерийский дивизион. 841-я зенитная батарея ст. лейтенанта Ф. К. Тимашкова в составе четырех 76-мм зенитных орудий располагалась на развалинах старого форта и вместе с зенитной пулеметной ротой непосредственного прикрытия обеспечивала ПВО завода «Тосмаре».

Великая Отечественная война для завода «Тосмаре» началась с налета германских бомбардировщиков. Завод оказался в списке первоочередных целей люфтваффе. В 4 часа утра 22 июня 841-я батарея первой открыла огонь по германским самолетам, а во время второго налета зенитчики вместе с советскими истребителями сбили бомбардировщик Ju.88 командира германской эскадры KG77. В ходе третьего налета немцы безуспешно попытались уничтожить батарею, атаковав позиции зенитчиков и завод тремя бомбардировщиками ¹⁶. В течение дня германская авиация еще несколько раз бомбила порт, однако действия истребителей 148-го истребительного авиационного полка и зенитной батареи «Тосмаре» привели к тому, что завод пострадал весьма незначительно — рухнула крыша гаража.

22 июня командующий КБФ приказал командиру Либавской базы вывести в Вентспилс или Усть-Двинск все, что не было связано с обороной и имело возможность передвигаться. Перед заводом встала задача

срочно ввести в строй ремонтирующиеся корабли. Прибывший на плановый ремонт тральщик «Фугас» приступил к минным постановкам. Рано утром, сразу после бомбежки, на заводе были предприняты экстренные меры по восстановлению миноносца «Ленин». Срочно ремонтировались турбины, завозились боезапасы, топливо, вода. Вечером корабль совершил ходовые испытания в заводской гавани и был переведен в порт ¹⁷.

Рано утром в первый день Великой Отечественной войны на заводе состоялся митинг, на котором началась запись добровольцев в рабочий отряд и раздача оружия со складов порта (не только дореволюционных винтовок Мосина, но и новейших самозарядных винтовок Токарева). Численность сформированного рабочего батальона составила 450 бойцов. Многие из них с июля 1940 г. по начало июня 1941 г. входили в батальон Рабочей гвардии, то есть были политически активной частью рабочих, что, впрочем, не означало наличия у них серьезной военной подготовки.

Отряд рабочих «Тосмаре» возглавил военный комиссар завода А. Петерсон — коммунист с 1919 г., участник гражданской войны. После окончания Военно-политической Академии РККА в 1931 г. он был заместителем начальника политотдела 25-й Чапаевской дивизии, а затем до 1938 г. преподавателем Военно-инженерной Академии РККА. В марте 1941 г. Петерсон был переведен с должности замполита зенитного дивизиона береговой обороны КБФ на должность военкома завода «Тосмаре».

Командирами рот стали: Артур Бриедис, Янис Вилциньш, Артур Дразловский, Вольдемар Станкевич ¹⁸. При батальоне был организован девичий санитарный отряд под руководством комсомолки Ирмы Лукаш.

Практически с первых часов своего существования рабочий батальон приступил к выполнению своих обязанностей и сумел подавить попытку антисоветского восстания в Лиепае. Еще до войны в городе германской разведкой была подготовлена диверсионно-террористическая группа из бывших айзсаргов и членов профашистских латвийских организаций. В ее цели входили организация паники и хаоса, уничтожение советского, партийного и армейского руководящего состава, захват важных объектов инфраструктуры, проведение разведки в интересах немецких войск. Однако в мае 1941 г. НКВД и НКГБ провели «очистку» Либавы от антисоветского, уголовного и социально опасного элемента. На 20 лет в отдаленные регионы страны были сосланы владельцы и чиновники завода, бывшие айзсарги. Накануне германского вторжения органами НКГБ и военной контрразведки была проведена успешная операция по ликвидации ядра диверсионно-террористической группы. Тем не менее, ее остатки, надев оранжевые повязки для опознавания, во время обороны Либавы попытались провести ряд диверсий, в том числе и на заводе «Тосмаре».

23 июня около 13.00 германская боевая группа Ломейера (усиленный 505-й пехотный полк) из 291-й пехотной дивизии в бою с ротой 56-го стрелкового полка захватила городок Приекуле. Сюда в помощь авангарду немецким командованием были срочно направлены 744-я транспортная колонна и морской штурмовой отряд капитана Г. фон Диста ¹⁹. Остатки советской роты, оборонявшей Приекуле, отошли к Гробину, где занимал оборону 99-й отдельный противотанковый дивизион РККА.

В 16.00 передовой отряд боевой группы Ломейера (усиленный батальон 505-го пехотного полка на грузовиках транспортной колонны при

поддержке 10-го отдельного моторизованного пулеметного батальона с 20-мм зенитными самоходными установками) вышел на восточные подступы к Либаве в районе Гробина. В течение дня самолеты люфтваффе активно бомбили Гробин, порт Либавы и завод «Тосмаре». С 23 июня им противодействовала только зенитная артиллерия без поддержки истребителей. После тяжелого шестичасового боя Гробин отошел к немцам, а отряд 56-го полка погиб. Еще в начале боя многие неопытные солдаты из молодого пополнения в панике бежали в район завода, преследуемые немецкой моторизованной разведкой. Немцы появились на дорогах к станциям Крустоюмс, Тосмаре и судоремонтному заводу «Тосмаре». До завода оставалось не более 3 км.

На пути германских войск встали защитники Восточного участка обороны города под командованием начальника военно-морского училища ПВО генерал-майора И.А. Благовещенского (в составе сводного батальона училища ПВО, отряда береговой базы 1-й бригады подводных лодок и флотского полуэкипажа). Основной силой на этом участке была рота 56-го стрелкового полка с батареей 94-го легкого артполка 67-й стрелковой дивизии. Они заняли позиции на линии восточных фортов старой крепости Либавы. Общая численность сил Восточного участка составляла чуть больше тысячи человек при поддержке 10 орудий.

Рабочий батальон завода «Тосмаре» принял свой первый бой именно в этот критический момент. На помощь красноармейцам была направлена 1-я рота тосмарцев под командованием А. Бриедиса. Основные силы рабочего батальона завода составили резерв Восточного участка²⁰. Около 18.00, в разгар боя за Гробин, немецкий отряд начал атаку на Восточном участке фронта, неподалеку от завода «Тосмаре». На линии фортов завязался ожесточенный бой. 841-я зенитная батарея вела огонь и по воздушным, и по наземным целям. На дороге, ведущей к «Тосмаре» от фортов, были размещены счетверенные пулеметные установки на автомашинах зенитно-пулеметной роты ПВО. Во время немецкой атаки четыре 102-мм орудия миноносца «Ленин» открыли огонь по противнику. Германская разведка, попытавшаяся с ходу ворваться в Либаву, контратакой была выбита с линии фортов, а большинство паникеров из 56-го стрелкового полка арестовано или возвращено в строй.

Тем не менее, возникшая паника и тревожные сообщения с передовой сделали свое дело. Угроза флоту была сильно переоценена, и было решено корабли Либавской ВМБ выводить из-под удара. В Усть-Двинск и Пярну были отправлены 6 подводных лодок, более десятка транспортов и танкер «Железнодорожник», загруженный топливом. В Виндаву ушел тральщик «Фугас»²¹. В заводском доке на ремонте находились 4 подлодки, которые могли выйти в море не ранее чем через 20 часов²². К 14.00 был экстренно подготовлен к выходу в море на трех рабочих котлах миноносец «Ленин», имевший необходимый запас боеприпасов и к 18.30 принявший 540 т топлива²³.

Вечером 23 июня в районе завода шла операция рабочего отряда по поиску сигнальщиков (группы бывших айзсаргов) и задержанию дезертиров, а защитники Гробина отошли к фортам. Около 23 час. 2-й германский артдивизион 291-го артполка из состава группы Ломейера обстрелял завод и порт, усилив панику²⁴. Старший командир в группе ремонтни-

ровавшихся кораблей капитан-лейтенант Ю.М. Афанасьев по устному распоряжению командира ВМБ М.С. Клевенского (которое тот впоследствии отрицал) приказал экипажам сойти на берег и подготовить корабли к уничтожению. В 23.45 в гавани завода «Тосмаре», по приказу Афанасьева, был взорван миноносец «Ленин» с боезапасом и топливом. Там же были подорваны и затоплены подводные лодки «С-1», «М-71», «М-80». Одновременно в сухом доке были взорваны подлодки «Ронис» и «Спи-дола», находившиеся на капитальном ремонте²⁵. Это внесло дополнительное смятение и, кроме того, вызвало пожары на заводе и в военном городке. Помимо боевых кораблей в порту были взорваны и затоплены вспомогательные суда, по разным причинам не имевшие возможности выйти в море. Экипажи уничтоженных кораблей (до 300 чел.) составили отдельный отряд и влились в ряды защитников Восточного участка. Они перешли на завод, усилив его оборону. Позже вся вина за преждевременный подрыв кораблей и судов капитаном 1-го ранга Клевенским была возложена на капитан-лейтенанта Афанасьева, который 29 июля 1941 г. был осужден и расстрелян²⁶.

С наступлением темноты, за 5 мин. до подрыва «Ленина», подлодка С-3 вышла в море в надводном положении, имея на борту, кроме штатного экипажа, еще 20 специалистов завода «Тосмаре» и команду подводной лодки «С-1»²⁷. В 3.30 в районе маяка Ужава ее атаковали немецкие торпедные катера, и после часового боя С-3 затонула²⁸. В течение дня и ночи базу Лиенаи покинули катера, которые вышедшие ранее транспорты увели в Виндаву. В Либаве остались лишь 5 торпедных катеров²⁹.

В ночь на 24 июля немцы силами боевой группы Ломейера (ок. 6 тыс. чел. при поддержке 30 тяжелых пушек) заняли исходные позиции для штурма Восточного участка. Таким образом, численность немецких войск превысила количество оборонявшихся в шесть раз, а превосходство в тяжелой артиллерии стало абсолютным. Советское командование для подавления панических настроений и усиления участка направило сюда четыре рабочих отряда. Рабочий батальон «Тосмаре» был поставлен вдоль канала между шоссе и фортом (см. рис. 1). На заводе занял оборону отряд моряков тыла и порта ВМБ. На Восточный участок был также выведен 36-й отдельный батальон связи³⁰. Общее командование рабочими отрядами и моряками базы принял Петерсон. Предпринятые советской стороной меры позволили увеличить глубину обороны и создать тактические резервы, что несколько уменьшило численное превосходство противника, но не изменило ситуацию кардинально.

В 4.00 24 июня группа Ломейера пошла на штурм Либавы. В ходе артподготовки противник ввел в действие 210-мм, 155-мм и 150-мм тяжелые орудия³¹. В это время в порту были взорваны склады мин, боеприпасов и топлива. Не исключено, что это произошло в результате артобстрела и не было следствием действий, связанных с уничтожением объектов порта защитниками, как считают некоторые современные исследователи³². Солдаты немецкого морского штурмового отряда еще в темноте сумели незаметно приблизиться к северному форту (левофланговому редану), а с рассветом атаковали укрепление и развернули наступление в направлении завода³³. Группам немецких штурмовиков удалось прорваться к железнодорожным мастерским, сахарному заводу, станции

и заводу «Тосмаре». Тогда к месту боя выдвинулся отряд моряков тыла и порта ВМБ с отрядом экипажей уничтоженных кораблей под руководством полкового комиссара П. И. Поручикова. 841-я зенитная батарея открыла огонь прямой наводкой по врагу.

Некоторое время бой шел у стен завода. Здесь моряки отряда Поручикова, несмотря на ранение командира, сдержали врага и перешли в контратаку. Рядом, под руководством старшего политрука Д. Амелина, вели бой моряки шаланды НКВД «Тунгуска» и ледокола «Силач», взорванных своими экипажами.

24 июня на завод «Тосмаре» с боевой позиции возвратилась для ремонта подводная лодка «М-83», которая накануне при боевом выходе была ошибочно атакована гидросамолетом МБР-2 и получила серьезные повреждения. Во время боя у завода подводники вели огонь из единственного орудия корабля, прямой наводкой уничтожая вражеские автомашины. В ходе ожесточенного рукопашного боя немецкий штурмовой отряд был отброшен за линию фортов. Ему на помощь оберстом К. Ломейером был направлен 10-й моторизованный пулеметный батальон.

С этого момента работа завода «Тосмаре» была окончательно остановлена: корабли, доки, склады были уничтожены защитниками; квалифицированный персонал (который составлял около 40% общей численности рабочих) воевал в составе рабочего батальона; местная команда занималась тушением возникшего пожара; цеха подвергались обстрелу и бомбежке. Большинство набранных накануне войны неквалифицированных работников разбежалось, оставшиеся (около сотни человек из числа латышских горожан, сочувствовавших айзсаргам и не поддерживавших советскую власть) саботировали работу.

Днем 24 июня силами курсантского батальона, рабочего батальона «Тосмаре», отряда экипажей взорванных кораблей и армейских подразделений был предпринят яростный контрудар для прорыва блокады города и соединения с деблокирующим отрядом. Одновременно в тыл немцам, на Гробин, ударил 3-й батальон 281-го стрелкового полка, выдвигавшийся на помощь Восточному участку из-под Ницы. Позиции у фортов занял дивизион 242-го гаубичного артполка. Немцы, таким образом, оказались в котле. Германская пехота, пулеметчики и артиллерия вступили в бой в районе Гробина и железной дороги. Латышские стрелки из батальона «Тосмаре» методично отстреливали бойцов противника. Советская артиллерия вела настильный огонь, а моряки били врага штыками. Немецкая морская пехота, понеся огромные потери и, лишившись командира, обратилась в бегство и была отброшена к самому Гробиньскому лесу³⁴. В немецких мемуарах говорится, что советских солдат в форме они так и не увидели, а морской батальон был полностью уничтожен: так добровольцы завода «Тосмаре» вместе с балтийскими моряками смогли не только сдержать наступление противника, но и надолго вывести из боев одну из элитных частей кригсмарине (ВМС Германии)³⁵.

Вскоре, после кратковременной растерянности, группа Ломейера перегруппировалась, заняла круговую оборону, запросила помощь авиации, вызвала бронепоезд. Огонь всей тяжелой артиллерии немцев под Лиепайей по ее требованию был сосредоточен на наступающих советских войсках. Ей на помощь на автомашинах прибыл немецкий резерв — зон-

деркоманда капитана Р. Биглера (усиленный батальон морской пехоты). В результате защитникам Восточного участка, уступавшим в численности и вооружении противнику, не удалось прорваться к деблокирующей группе, также завязшей в боях у Приекуле.

После возвращения на форты две роты батальона «Тосмаре» направились на Северный участок, где были замечены немецкие разведгруппы 506-го пехотного полка. К вечеру на Восточном участке, в районе Гробиньского леса, с большими потерями для врага была отбита пробная атака немецкой мотопехоты группы Ломейера. К немецкой штурмовой группе от Ницы и Барты проследовал 403-й отдельный самокатный батальон. В ходе боя разведывательная группа 281-го стрелкового полка, действовавшая со стороны аэродрома, попала в засаду, была окружена и уничтожена вместе с командиром полка подполковником И.К. Есиным³⁶. На ночь 25 июня командиром 291-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом К. Герцогом был назначен новый штурм. На высоты у Капседской школы и близ аэродрома немцы выставили два дивизиона тяжелой артиллерии 210-мм и 155-мм орудий.

25 и 26 июня защитники Восточного участка отразили 18 вражеских атак, неоднократно переходя в контратаки³⁷. 25 июня рота тосмарцев героически сражалась за рошу «Аспазия», отбивая наступление штурмовой группы Ломейера. Ожесточенная борьба нередко доходила до рукопашных схваток. Санитарки завода оказывали первую помощь и эвакуировали бойцов с поля боя. И все же рабочая рота несла существенные потери. Среди погибших была и Ирма Лукаш. С 25 июня немцы перешли к методичному уничтожению укреплений и важных объектов города тяжелой артиллерией и авиацией. В дело были пущены 280-мм 690-я (Е) железнодорожная батарея, артполк 291-й дивизии и еще четыре отдельных артиллерийских дивизиона. Огнем германских пушек и гаубиц были разрушены несколько кварталов Лиепайи, а авиабомбой обрушена медицинская клиника Брема, в которой кроме раненых находилось значительное число больных из числа горожан³⁸. В ходе артиллерийского обстрела погиб руководитель обороны города, командир 67-й стрелковой дивизии, генерал-майор Н.А. Дедаев, а вместе с ним — многие командиры и комиссары. Но и немцы в ходе штурма понесли большие потери: были убиты командиры зондеркоманды и одного из батальонов группы Ломейера.

С вечера 24 июня бойцы 2-й и 3-й рот рабочего батальона «Тосмаре» заняли оборону во втором эшелоне северного укрепления Северного участка. Здесь основной силой были батальон 56-го стрелкового полка, 32-й местный стрелковый батальон, отряд Либавской милиции. Они находились в Северном укреплении и Тосмарском редане бывшей крепости. В ближнем тылу участка располагалась 842-я зенитная батарея, а в глубине обороны — 23-я береговая батарея. Возглавлял оборону участка командир 56-го полка майор А.П. Кожевников. Артиллерийская поддержка участка была крайне слабой, поскольку береговая батарея была ориентирована, в основном, на поддержку Восточного участка. Батальон рабочих судоремонтного завода оказался единственным резервом на участке. Кроме того, он прикрывал возможный участок прорыва немцев через высохшее озеро Тосмаре.

После неудачного ночного штурма на Восточном участке командование 291-й немецкой пехотной дивизии решило перенести главный удар на Северный участок. Тяжелой артиллерийской группировке был отдан приказ на уничтожение завода «Тосмаре». Боевая группа Гуррана (усиленный 506-й пехотный полк) должна была прорваться к заводу с севера, захватив береговую батарею № 23 ³⁹. К 7.30 25 июня усиленный 2-й батальон 506-го германского полка вышел к морю у Штеде, завершив окружение города. Однако из-за ситуации на Восточном участке и опасности удара из Виндавы (Вентспилса) полноценного штурма у немцев не получилось. Главные силы группы Гуррана были сосредоточены против Виндавского гарнизона, который начал активные действия у Павилосты и Вергале. Германский батальон при поддержке артиллерии провел несколько атак, которые были отбиты бойцами Северного сектора. Рабочие завода оказывали огневую поддержку красноармейцам. При попытке немцев форсировать котловину озера Тосмаре рабочий батальон, поддержанный дивизионом 94-го артполка, успешно отразил атаку.

25 июня санитарная дружина ПВО завода «Тосмаре», по приказу командира батальона Петерсона, развернула в помещении сахарного завода временный перевязочный госпиталь на 120 коек.

Вечером 26 июня из-за участвовавших нападений айзсаргов на бойцов и командиров РККА некоторые рабочие отряды в городе были разоружены, а затем, после проверки, вновь вооружены ⁴⁰. Батальона «Тосмаре» это не коснулось, поскольку он сражался на Северном участке, вдали от городских событий.

В ночь на 27 июня 67-я стрелковая дивизия получила приказ командующего 27-й армией на прорыв из Либавы ⁴¹. На Северном участке в состав колонны майора Кожевникова вместе с 56-м полком вошли оба артполка дивизии, 84-й зенитный дивизион, 27-я батарея и моряки. В качестве арьергарда должен был выдвигаться местный батальон. Для прикрытия оставалась одна рота батальона «Тосмаре». Ей надлежало сняться с позиций после прохождения всего санитарного транспорта. Большая часть рабочего батальона была переведена на Восточный участок для прикрытия прорыва колонны полковника В.М. Бобовича (основные силы 67-й дивизии, ВМБ, пограничников и добровольцев). Командир батальона «Тосмаре» Петерсон собрал рабочих для прорыва на Айзпуде. Было создано несколько групп по 30—40 человек. В 2.30 27 июня на Морском канале экипаж подорвал подлодку «М-83», а затем береговые батареи и морскую радиостанцию ⁴². На заводе перед отходом взорвали плавающий док, водокачку и электростанцию.

Одновременно с началом эвакуации на заводе и в порту активизировались противники советской власти. Латышские суда, стоявшие в доках и гавани завода и предназначенные для эвакуации раненых, были выведены из строя их командами. На рассвете 6 транспортов и 2 буксира под охраной нескольких военных катеров покинули порт и взяли курс на Ленинград. Обнаружив их, немцы открыли мощный артиллерийский огонь из 210-мм мортир по порту и корпусам завода ⁴³. Огнем артиллерии было подожжено здание администрации «Тосмаре».

Необходимо отметить, что, несмотря на активные боевые действия батальона, его потери были незначительными. Моральный дух рабочих

был высоким — они готовы были сражаться. В 10.01 ударные группы Либавского гарнизона пошли на прорыв. Батальон завода «Тосмаре» прикрывал удар основных сил Восточного участка. Однако эффект внезапности был утерян, немцы перекрыли прорыв, и большинству групп прорваться не удалось. Пропал без вести начальник завода Терентьев. Рабочие отошли на исходные позиции у фортов и к заводу. Были и такие, кто вернулся домой, побросав оружие в море. В сложившейся ситуации немецкие велосипедисты неожиданно проникли за линию фортов и добрались до сахарного завода, где еще находились тяжело раненные. Остатки курсантского и морского отрядов Восточного участка контратаковали, отбросив врага до фортов ⁴⁴. Порядок на заводе «Тосмаре» был временно восстановлен.

Рота, сражавшаяся на Северном участке, в общей суматохе пошла на прорыв вместе с серединой колонны, участвовала в разгроме штаба Гуррана, захватила трофеи, но была остановлена противником на Виндавской дороге. После прорыва основных частей она прикрывала отход, была рассеяна немцами и частично вышла к Виндаве и Риге, а частично вернулась к Северным укреплениям. Здесь, охваченные с флангов блокировочными группами противника, защитники Либавы сражались до вечера 28 июня ⁴⁵. Многие красногвардейцы попали в плен. Вечером 27 июня колонна немецкой мотопехоты из группы Гуррана под прикрытием артиллерийского огня прорвалась по дороге к военному городку на севере Либавы. Но здесь она попала в засаду рабочего отряда и была разгромлена. Весь день 27 и полдня 28 июня вокруг Либавы шли ожесточенные бои — советские разрозненные отряды продолжали прорываться на восток. 291-я пехотная дивизия противника в эти дни понесла значительные потери ⁴⁶.

Тяжесть уличных боев после ухода армейских частей легла на плечи добровольческих формирований Либавы, среди которых самым крупным по-прежнему оставался отряд завода «Тосмаре». В 4.00 28 июня отряд моряков ремонтирующихся кораблей и рабочий батальон завода «Тосмаре» заняли позиции у фортов и вдоль канала, прикрывая прорыв последних подразделений 67-й стрелковой дивизии из блокады. В 15.00, после артподготовки, боевая группа Ломейера с приданной ей зондеркомандой отбросила последних защитников Восточного сектора к заводу и Морскому каналу. Прикрывая их отход, у сахарного завода за железнодорожной насыпью немцев задержала рота тосмарцев под командованием Петерсона. Это позволило добровольческим отрядам занять оборону в парке Райниса, где бои продолжились до ночи.

В течение дня рабочие вели жестокий бой за центральную часть города с немецкими войсками. Из-за упорного сопротивления судоремонтников немцам пришлось штурмовать завод «Тосмаре» специальной зондеркомандой кригсмарине при поддержке двух батальонов пехоты ⁴⁷. Морской канал, на котором также держались добровольцы «Тосмаре», штурмовали главные силы 291-й германской дивизии при поддержке тяжелой и зенитной артиллерии, выведенной на прямую наводку. К концу дня завод практически был захвачен штурмовыми частями морской пехоты противника, сохранялись единичные очаги сопротивления, подавленные лишь к концу следующего дня. С позиций Морского канала крас-

ногвардейцы отошли в парк Райниса, а после его упорной обороны — на южный берег Торгового (Городского) канала. В ночь на 29 июля немцы превосходящими силами ворвались в горящую Старую Либаву. Многие добровольцы погибли на улицах родного города, некоторые ушли в партизаны и смогли пробиться к линии фронта. По германским данным, близ территории верфи (завода «Тосмаре») и 29 июня продолжались упорные очаговые бои с применением артиллерии и огнеметов. Группа тосмарцев, сражавшихся в Старой Либаве под командованием Петерсона, к утру 29 июня отошла к Перконскому полигону. Отсюда на машинах им удалось прорваться через немецкие заслоны у Бернати. Но в Приекуле они были окружены и захвачены местным батальоном айзсаргов, передавшим красногвардейцев немецким оккупационным властям.

В ходе боев и немецкой оккупации завод «Тосмаре» был выведен из строя, самое крупное здание деревообделочного цеха сожжено и превращено в груды развалин. Здания механических цехов стояли без стекол, а некоторые и без кровли. Из трех портовых кранов два были разбиты, бетонированные стенки и днища доков — разрушены. Несмотря на это, германское командование посчитало военно-морскую верфь (завод «Тосмаре») захваченной в неповрежденном состоянии. Более того, 3 июля на ремонт котлов в доках встали тральщики М.251 и М.31⁴⁸. Ремонт производился в разбитых доках силами команды, специалистов, привезенных из Германии и штрейкбрехеров. Впоследствии данный факт широко использовался в антисоветских пропагандистских целях. В дальнейшем на заводе немецкими властями использовался труд военнопленных и заключенных⁴⁹. Нередко немцы и коллаборационистская администрация в принудительном порядке назначали на вспомогательные трудоемкие работы жителей города.

За время оккупации придоковая территория превратилась в сплошное болото. Отдельные ценные станки и уникальное оборудование были вывезены в Германию. К моменту освобождения в цехах осталось лишь устаревшее малопроизводительное оборудование⁵⁰.

Невосполнимый урон был нанесен коллективу завода. Из 450 бойцов рабочего батальона, принимавших участие в защите города от немецких войск, большинство погибли. Одни из них пали в боях, других замучили в концентрационных лагерях и застенках гестапо. Артур Петерсон после пыток был убит нацистами в Лиепайской тюрьме 4 июля 1941 года. В память о них на территории завода была сооружена мемориальная стена с лаконичной надписью: «Живые вечно в долгу перед вами».

После освобождения Лиепай в 1945 г. завод вновь вернулся в ведение Военно-морского флота СССР. Коллектив приступил к его восстановлению и стал выполнять свою основную задачу по ремонту кораблей и судов флота.

Таким образом, воссозданный в 1940 г. советским правительством после четверти века забвения Либавский судоремонтный завод «Тосмаре» в силу как объективных технических, так и военных причин не смог в полной мере выполнить свою задачу по обеспечению флота в первые дни войны. Тем не менее, значительное число рабочих, вставших на сторону советской власти, обеспечили серьезную поддержку Красной армии в боях за передовую военно-морскую базу Краснознаменного Балтий-

ского флота. Наличие в Лиепае накануне ВОВ антисоветского подполья, разумеется, свидетельствует о том, что не все латыши восторженно восприняли социалистическую революцию. Однако существование, численность, действия красногвардейского батальона завода «Тосмаре» и его героизм, проявленный в борьбе с немецкими захватчиками и латвийскими коллаборационистами, позволяют поставить под сомнение популярные в последнее время заявления о единстве всех латышей в противостоянии Советскому Союзу и их борьбе за национальную независимость⁵¹. Если же говорить о военно-политических выводах, то имеет смысл учесть негативный опыт приграничного размещения военно-морской базы с развитой ремонтной инфраструктурой.

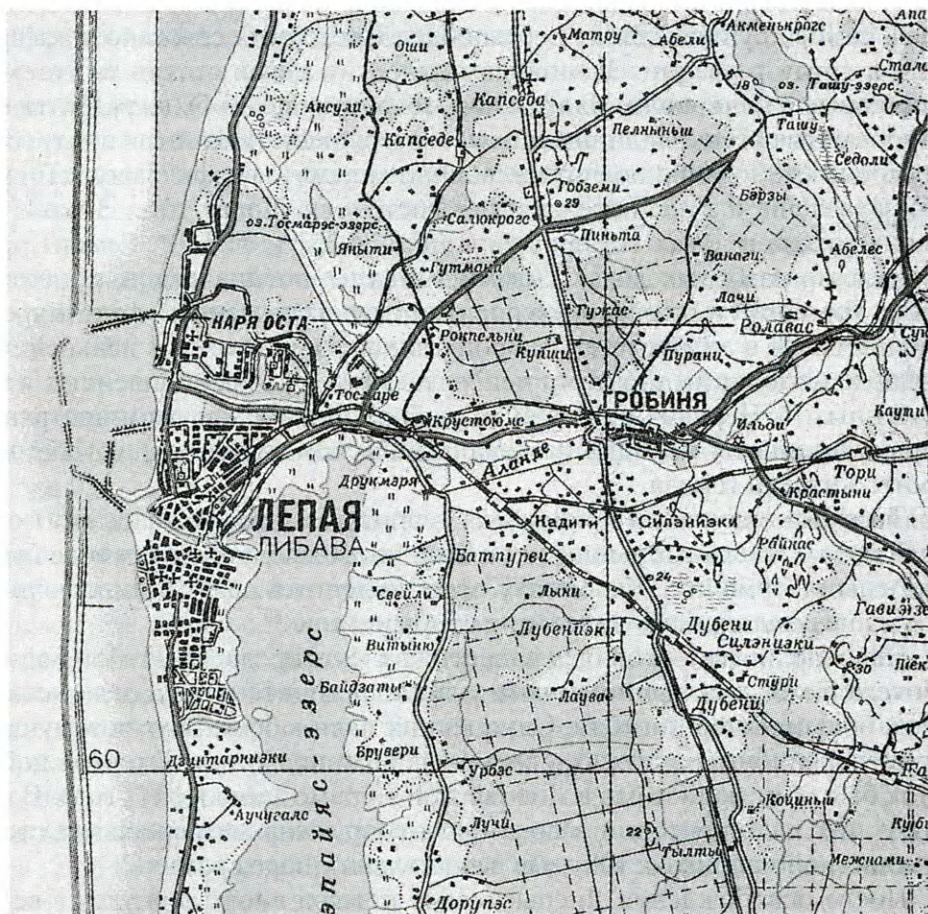

Рисунок 1. Фрагмент топографической карты Лиепаи 1940 г.

Примечания

1. История отечественного военного судоремонта. В 3-х томах. Т. 3. СПб. 2011, с. 183—202.
2. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕИНЫ В. Революционная Лиепая. Рига. 1956.
3. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
4. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕИНЫ В. Ук. соч., с. 102—105.

5. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
6. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 75—82, 141, 145.
7. Там же, с. 154.
8. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Прибалтийский плацдарм. 1939—1940 гг. Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. М. 2014, с. 477.
9. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 167.
10. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Ук. соч., с. 481—482.
11. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 179.
12. МЕЛЬТЮХОВ М.И. Ук. соч., с. 604—607.
13. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
14. БУЛДЫГИН С.В. Оборона Лиепаи. СПб. 2018, с. 24—25.
15. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
16. ТРИБУЦ В.Ф. Балтийцы сражаются. М. 1985, с. 24.
17. БУЛДЫГИН С.В. Оборона Лиепаи. СПб. 2018, с. 96.
18. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
19. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 114,121.
20. Там же, с. 92.
21. ТРИБУЦ В.Ф. Ук. соч., с. 25.
22. Центральный архив Министерства обороны (ЦА МО), ф. 325, оп. 4570, д. 17.
23. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 125.
24. ИСАЕВ А.В. Приграничное сражение 1941. М. 2011, с. 115.
25. БОЙКО В.Н. Мартиролог погибших подводных лодок Военно-морского флота Отечества. Севастополь. 2012, с. 25.
26. Центральный военно-морской архив (ЦВМА), ф. 22—26.
27. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
28. БОЙКО В.Н. Ук. соч., с. 25.
29. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 126, 137.
30. Там же, с. 131.
31. The National Archives and Records Administration (NARA). Т. 315. R. 1912.
32. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 136; ИСАЕВ А.В. Ук. соч., с. 115—116.
33. САВЧЕНКО В.И. Семь огненных дней Лиепаи. Рига. 1985; NARA. Т. 315. R. 1906.
34. NARA. Т. 315. R. 1906.
35. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 134—135.
36. Там же, с. 141.
37. ИСАЕВ А.В. Ук. соч., с. 120.
38. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 202—204.
39. NARA. Т. 315. R. 1906.
40. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 169.
41. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
42. ТРИБУЦ В.Ф. Ук. соч., с. 27.
43. ИСАЕВ А.В. Ук. соч., с. 120; БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 187.
44. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 206.
45. NARA. Т. 315. R. 1912.
46. БУЛДЫГИН С.В. Ук. соч., с. 202, 208, 210, 254—257.
47. Там же, с. 218.
48. Там же, с. 226, 237.
49. ПИНКСИС И., ФРЕЙБЕРГ Г., ЛЕЙНЬ В. Ук. соч., с. 236.
50. История отечественного военного судоремонта, т. 3.
51. БЛЕЙЕРЕ Д. История Латвии. XX век. Рига. 2005, с. 249—250.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201907Statyi05 УДК 94(479.24)

Основные направления сотрудничества между Азербайджаном и Республикой Дагестан Российской Федерации.

Э.А. Асланова, С.Р. Багирова, Т.Г. Бехбутова

Аннотация. В публикации рассматриваются основные направления развития сотрудничества между Азербайджаном и Республикой Дагестан Российской Федерации. Близкое соседство, тесные политические, социально-экономические и культурные связи издавна определили дружественные отношения между Азербайджаном и народами Дагестана. На современном этапе эти контакты имеют исключительное значение как для региона, так и для развития азербайджано-российских отношений в целом.

Ключевые слова: торгово-экономические связи, инвестиция, туризм, взаимное сотрудничество, перспективы сотрудничества.

Abstract. The publication deals with the main directions of the cooperation between the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation Republic of Dagestan. Close neighbourhood, intense political, socio-economic and cultural relations have established friendship between Azerbaijan and Dagestan from the ancient times. At present, relations between our country and the Republic of Dagestan are of exceptional importance for the region and entire development of the Azerbaijan-Russian relations.

Key words: trade and economic relations, investment, tourism, mutual cooperation, prospects of cooperation.

The co-operation between Azerbaijan and the Russian Federation Republic of Dagestan is very important. The relations between Azerbaijan and the Republic of Dagestan is exceptionally important for the region and entirely for the development of relations between Azerbaijan and Russia. As the interstate bilateral relations strengthen, traditional ties between Azerbaijan and

---

Асланова Эмма Али кызы — кандидат исторических наук, доцент Гянджинского государственного университета; *Багирова Севиндж Рамиз кызы* — кандидат исторических наук, доцент Гянджинского государственного университета. E-mail: seva.bagirova.1978.@mail.ru; *Бехбутова Тарана Герай кызы* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Гянджинского государственного университета.

Aslanova Emma A. — PhD (History), associate professor. Ganja State University; *Bagirova Sevinj R.* — PhD (History), associate professor. Ganja State University E-mail: seva.bagirova.1978.@mail.ru; *Behbudova Tarana G.* — PhD (History), senior lecturer. Ganja State University.

Dagestan become even stronger. We must note that the successfully developing Azerbaijani-Russian relations should be regarded as a guarantee of stability in the region.

It must be reminded that Azerbaijan and Dagestan are united by common history and culture. The history of our friendship founded by our ancestors is rich and unbreakable. Close neighbourhood, intense political, socio-economic and cultural relations established the friendship among the peoples of Azerbaijan and Dagestan in the past. These relations underwent difficulties in various periods of history, but the peoples of Azerbaijan and Dagestan always stood up for those difficult trials and proved that the good neighbourly and fraternal relations are eternal.

The history that unites us begins with the era of the ancient Albanian state. The Caucasian Albania is the history that unites us. This date is important both for us and for the people of Dagestan. We must investigate and present this date as a friendship history.

Presently the number of ethnic dagestanians living in Azerbaijan is about 240 000. According to Article 21, Part II of the Constitution of the Azerbaijan Republic, the state ensures the free functioning and development of other languages spoken by the people¹. National minorities living in Azerbaijan open schools, publish newspapers, educational and methodical materials in their own languages. Necessary conditions have been created for the children of ethnic dagestanis living in different regions of our country to study their mother tongue, national customs and traditions and their cultures. Moreover, the active participation of ethnic daghestanis in the socio-political, socio-economic and cultural life of the Republic is undeniable.

Nearly 140 000 azerbaijanis live in Dagestan. Programmes are broadcast on Television and radio in Azerbaijani, one of 14 state languages in Dagestan, too. The azerbaijanis as ones of the representatives of 14 indigenous people in Dagestan, are closely involved in the development of the region, in its all socio-political, socio-economic and cultural life.

The Azerbaijan-Dagestan relations have considerably expanded since the second half of the 1960s, and as a result of the activity of National Leader Heydar Aliyev, this development has entered a new, high-quality stage. So, it is not accidental that one of the streets in Dagestan is named after our Leader Heydar Aliyev. At the modern stage, President Ilham Aliyev successfully continues the political course on expanding friendly relations between the Republic of Azerbaijan and Russian Federation Republic of Dagestan.

It should be noted that further development of relations with the regions of the Russian Federation, in particular with the Republic of Dagestan, is very important for economy, investment and humanitarian, tourism and other spheres. In addition, Dagestan is the republic that realizes economic projects in the North Caucasus region. The main routes connecting the Republic of Azerbaijan and the Russian Federation pass through Dagestan. The North-South project is the example of it. The aim of the North-South transport corridor is to connect South-East Asia and Northern Europe, as well as the railways of Azerbaijan, Iran and Russia². Trade and economic relations between Azerbaijan and Dagestan are developing very efficiently now. We should note that, in order to develop these relations, in November 2011, as predetermined the Azerbaijani delegation was in Dagestan. 60 companies from

Azerbaijan have held talks on investment opportunities in the region, in capital Makhachkala. Dagestan and the Azerbaijani companies had agreements on 10 fields. Construction of greenhouses for the development of agro-industry sector, construction of factories for producing canning products, increasing focus on sugar production, application of Azerbaijan's experience in the construction of fruit and vegetable fields and expansion of large industrial complexes are included in these agreements³. As a result, investment projects are being implemented with the participation of Azerbaijani companies in Dagestan. Examples include the construction of the "Teze terevez" ("Fresh vegetable") greenhouse complex and the "Asera Agro" agricultural park. Construction of a greenhouse complex, which is a joint project of France, Azerbaijan and Dagestan, is planned to be implemented in Derbent in the near future⁴. Moreover, the creation of "Viaduk" customs-logistics centre on the border to transport agricultural products and other cargoes from Azerbaijan to the central regions of Russia, the joint use of natural resources in the basin of the Samur River meant a great impetus for the development of common interests.

It should be noted that the delegation of Dagestan actively participates in the traditional Azerbaijan-Russia Interregional Forum. Agreements on trade and economic, scientific and technical and cultural cooperation have been signed with the Republic of Dagestan. All this is due to the fact that the presidents of Azerbaijan and Russia attach great importance to the development of political and economic relations between our countries. Mutual visits of the heads of the states, official delegations and businessmen are a clear indication of it. Ramazan Abdulatipov, the former head of the Russian Federation Republic of Dagestan visited our country on May 12, 2016⁵. During the visit, the Azerbaijan-Russia business meeting held in Baku was attended by the representatives of the companies operating in the fields of engineering, chemical, food industry and construction, along with the officials from both sides. An agreement on cooperation was signed between the Caspian Investment Group of Azerbaijan and the Entrepreneurship and Investment Agency of the Republic of Dagestan during the business meeting⁶.

It should be noted that Russia and Azerbaijan have been the closest trade partners for a long time. Historically, Russia was the first close trade partner of Azerbaijan. Azerbaijani merchants imported fish, silk fabric and oil to Russia, and exported iron, wood, textiles and so on from there. Dagestan — one of the regions of Russia is the main trading partner of Azerbaijan throughout the history and nowadays. Dagestan occupies the first place among the regions of Russia for its commodity turnover with Azerbaijan.

Let's look at the statistical information to follow the dynamics of the trade partnership between the two republics. Thus, according to the North Caucasus Customs Office, the foreign trade turnover between Dagestan and Azerbaijan decreasing 54.1 percent was \$47.9 million in 2017 compared to 2016. In 2016 this indication was \$104.3 million. Exports were \$26.4 million in 2017, but \$21.1 million in 2016, and imports were \$21.5 million in 2017, and \$83.2 million in 2016⁷.

The Republic of Azerbaijan is the main consumer of foodstuffs exported from Dagestan. Azerbaijan's share in this field is 50 percent. Longhorn and small horn cattle, vegetable, fresh and frozen fish, butter, milkfat, eggs, grain, sunflower seeds, meat and meat products are mainly exported from Dagestan

to Azerbaijan. Mainly industrial products are brought from Dagestan to Azerbaijan, Iran, Turkey and other countries. In recent years, Dagestan has exported motor vehicles, tractors, wood processing products and Dagestan's largest industry products — seed products to Azerbaijan. Azerbaijan is the biggest importer of wool from Dagestan. It should be noted that the export of Dagestan has an advantage in comparison to Azerbaijan's — it is generally a feature of whole Russian exports — this is a multilateral export. Azerbaijan's exports to Russia are mainly food products, vegetable and fruit. The products of the tea factories, oil and milk plants etc. occupy an important place among them.

Let's note that according to Vladimir Vasilyev, the head of the Russian Federation Republic of Dagestan, some success has been achieved between Azerbaijan and Dagestan in the field of industry. Trade relations with Dagestan's enterprises such as "Kaspiyskiyskiy Zavod Tochnoy Mekhaniki" OJSC, "Hajiyev plant" OJSC, "DagZETO" OJSC, "Dagfos" OJSC and "NBT-Dagestan" LLC are established ⁸.

One of the other promising areas is tourism. Recently, interest in this area continues to grow. It is advisable to establish the necessary infrastructure to expand the tourist exchange, to implement joint historical-cultural and tourist programs and routes as well as cruise and yacht tourism. At present, in the framework of implementation of the projects of CIS (the Commonwealth of Independent States) countries and China's "Great Silk Road" both countries work on the establishment of the ethnic and cultural routes intersected through Dagestan and Azerbaijan in a joint tourist route project on the famous French writer Alexander Duman's visit to the Dagestan in 1858.

It should be noted that besides political and economic relations in the Azerbaijan-Dagestan relations, there are broad relations in science, education and art. There are the Azerbaijan State Drama Theater and a public association of the Azerbaijanis of Dagestan in Derbent. Brotherhood relations have been established between Derbent district of Dagestan and Khachmaz and Gusar regions of Azerbaijan, and between Derbent city and Narimanov, a city district of Baku.

It should be noted that joint scientific conference of Azerbaijan and Dagestan scholars was held on April 30, 2010 in Azerbaijan National Academy of Sciences on "History of Azerbaijan-Dagestan: the history of the brotherhood relations, modernity, perspectives" and in April 2012 on the history of Derbent city ⁹. Generally, holding joint meetings between Azerbaijani and Dagestan scholars, as well as business circles and signing a number of agreements are ones of the most important conditions for integration in the region.

Dagestan Culture Days were held for the first time in Azerbaijan on May 12 and 13, 2016 ¹⁰. Presentation of Dagestan's investment and tourism potential, exhibition of "Dagestani people's art" and concert program were organized during the event. This remarkable event can be regarded as the beginning of a new stage in the development of cultural, trade and economic relations between Azerbaijan and Dagestan. In this regard, appreciating the activities of the prominent statesman of Azerbaijan Aziz Aliyev in the development of the Republic of Dagestan, the opening of his monument in Makhachkala on May 11, 2016 is another example of the friendship and brotherhood relations between our peoples ¹¹.

Cooperation between Azerbaijan and Dagestan in the field of education is being successfully developed. So, there was achieved an agreement to work together in the meeting with the delegation of Dagestan State Technical University on December 13, 2016, at Azerbaijan State Oil and Industrial University (ASOIU) ¹². Generally, there are many perspectives in the field of cooperation between the research institutes and higher education institutions. Issues of implementation of the international master's programs and of the professor-teaching staff's practical work between the two republics are also actual.

Thus, summarizing the above-mentioned, it should be noted once again that the relations between our country and the Russian Federation Republic of Dagestan are of great importance for the development of the region and of the entire Azerbaijan and Russia relations at the present stage. As the interstate bilateral relations become stronger, the traditional ties between Azerbaijan and Dagestan are further strengthened and developed.

References

1. The Constitution of the Republic of Azerbaijan. The law. Baku, 2016 p. 10.
2. HASANOV A. Geopolitics of Azerbaijan. Textbook, Baku 2015, p. 3, 707—708.
3. BORUSOY E. Azerbaijan — Dagestan relations at a new stage. — Ayna newspaper. May 5, 2012, p. 7.
4. “We are grateful to Brother Azerbaijan”. Femida.az lawful news portal [electronic resource]. URL: <http://femida.az/en/news/80929/>.
5. Republic Newspaper. May 13, 2016, p. 1, 7.
6. Ibid., p. 3.
7. “We are grateful to Brother Azerbaijan”.
8. Ibidem.
9. BORUSOY E.Ю. Op. cit., p. 7.
10. Republic Newspaper. May 13, 2016, p. 2.
11. Ibid. May 12, 2016, p. 4.
12. Ibid. December 15, 2016, p. 7.

Скифо-Аланская генеалогия рода Чингис-хана

З.Э. Джиеова

Аннотация. В публикации впервые переведены и объяснены все антропонимы предков от прародительницы Алан-хо до Чингис-хана. Установлен не только язык средневековых монголов, ранее считавшийся исчезнувшим, архаичным, но и диалект этого языка. Генеалогическое древо показало, что в именах зашифрованы древние земледельческие и скотоводческие культы, тотемы и целый ряд неизвестных ранее характеристик. В основе всего лежало родство по крови и кости. Слова, встречающиеся в исторических летописях, понимание которых академическая наука за прошедшие годы утвердила в качестве аксиомы, в действительности имели совершенно иное значение.

Ключевые слова: средневековые монголы, аланы, осетинский язык, генеалогия Чингис-хана, летопись Рашид-ад-Дина, Алан-хо, орда.

Abstract. The publication first translated and explained all the anthroponyms of the ancestors from the ancestor of Alan-ho to Genghis Khan. It was established not only the language of the medieval Mongols, considered to have disappeared, archaic, but also the dialect of this language. The genealogical tree showed that ancient agricultural and pastoral cults, totems and a number of previously unknown characteristics were encoded in them. At the heart of everything lay a relationship of blood and bone. It became clear that the words that occur in the historical chronicles, the understanding that science over the past years has established as an axiom, actually had a completely different meaning.

Key words: medieval Mongols, Alans, Ossetian Language, genealogy of Genghis Khan, Chronicle of Rashid-ad-Din, Alan-ho, Genghis Khan, horde.

Алан-хо — прародительница главных монгольских родов, аланка по происхождению, согласно летописи Рашид-ад-Дина, жила за 400 лет до Чингис-хана¹. Это период, на который указывал Г.В. Вернадский в книге «Монголы и Русь», повествуя о петроглифах возле Енисея, идентичных изображениям аланских воинов в Крыму: «На надписи начала VIII века, обнаруженной в Монголии, упоминаются войны между тюрками и асами (аланами). Позднее мы встречаем “асуд” (т.е. ас. — З.Д.), включенными в “правое крыло” монгольской нации»². Конечно, к датировке Рашид-ад-Дина следует относиться осторожно. Девять поколений до Чингис-хана приходятся на более близкий к нему период и не совпадают по времени с изображениями енисейских алан, а значит, аланы (асы)

Джиеова Залина Эдуардовна — преподаватель истории Центра довузовской подготовки. Северо-Осетинский государственный университет. Владикавказ. E-mail: riba-1999@mail.ru.

Dzhioeva Zalina E. — teacher of the history of the Pre-University Training. North Ossetia State University. Vladikavkaz. E-mail: riba-1999@mail.ru.

были на территории Монголии и в последние столетия раннего Средневековья, раз к ним относились сама Алан-хо и ее семья.

Легенда гласит: Алан-хо имела двух сыновей от Добун-Мергана и трех — от золотого луча света, спустившегося к ней в юрту. Каждый из этих сыновей стал прародителем множества монгольских племен, которые не только помнили, но и подчеркивали свое происхождение от Алан-хо. Старшие сыновья Бугунотай и Белгунотай осудили мать за рождение братьев без мужа: «Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все, то эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!»³ Поэтому рядом с именами Бугу и Белгу есть слово «нотай» (нәтәй — с оханьем, стоном).

Рождение от света встречается и в античной, и в средневековой литературе как некий образ исключительности, богоизбранности, великого предназначения. В легенде о происхождении сыновей света Алан-хо прослеживается четкая грань между своими, отмеченными божественными чертами, исключительными способностями, элитой общества и всеми остальными — чужими, людьми темной кости, с кем не заключались брачные союзы, и в отношении кого действовал принцип подчинения или уничтожения. Невольно положив начало противостоянию между детьми, выделив младших сыновей, Алан-хо пыталась смягчить конфликт, предлагая сломать каждому сыну по пруту, а затем — связку из прутьев, призывая своих наследников к единству. Этот урок можно было бы отнести к жизненной мудрости Алан-хо, если не знать, что такой же прием применил еще во II в. до нашей эры скифский царь Скилур, владевший Тавроскифией. Об этом испытании рассказывал Плутарх, говоря, что перед смертью Скилур предлагал своим 80 сыновьям сломать пучок стрел, объясняя силу их единства. И Алан-хо помнила о древнем предании, впрочем, как и Чингис-хан, применивший данное наставление не только к своим детям, но и к созданию целой империи.

Летопись Рашид-ад-Дина относит прародительницу к племени китат-курлас. «Сокровенное сказание» объясняет, что отец Алан-хо прибыл из земли Хори-Тумат, где был уважаемым человеком, что дает повод некоторым исследователям предполагать связь между происхождением прародительницы и древними племенами кори и тумат самой летописи. Однако не стоит забывать, что прародительница была из монголов-дарлекин (дәрәән ләг/ләк — разбитый человек), некогда скрывшихся от преследователей в Эргунэ-кун (әргүни кун — небольшое заповедное место). Древний аланский земледельческий культ Хорысар (Хуарисар), проявился не только в имени отца Алан-хо Хорилартай-Мергана, но и в занятии самого племени, потому что «хуарласәг» или «хорласәг» называли перевозчика хлеба у алан. Без сомнения, Алан-хо происходила из племени хиад-хуарлас (хорлас), характерным занятием которого была доставка хлеба и зерна (хор — солнце, хлеб). Местность Хори-Тумат имела общее название «солнце простого народа» (тума — низшее сословие), где «ханами над всеми» будут потомки Алан-хо.

После смерти прародительницы старшие братья выгнали младшего Бодончара-Мун'хаха. Однако один из них, Бугу-Хатаги (Бугу⁴ — осе-

тинское имя, хатагаэ — кочевник), со временем отправился на его поиски, а другой не проявил никакого интереса к судьбе родного брата, поэтому остался в летописи как Бухату-Салджи (салд — холод, джи — формант). Эти двое дали начало племенам хатаги и салджиут, впоследствии оказавшим самое яростное сопротивление Чингис-хану. К ним примкнуло племя дурбан племянников Добун-Мергана; ближайшая родня тайджиуты и племя, славившееся прекрасными невестами — хонхирад⁵ (хонх — гора, ираэд — калым; гора калыма). В летописи это племя названо «унгират» (унгэ — улица, ираэд — калым; так называемый калым для улицы, места, где выросла невеста; его давали помимо основного калыма в знак благодарности соседям, окружению девушки). Друг детства Чингис-хана Джамуга-Сечен из племени джаджират⁶ (дзэдж — изобилие, богатство, ираэд — калым; богатый калым) тоже выступил против него. На этом фоне древняя легенда стала стимулом и правом. Темуджин сломил сопротивление племен, как некогда сыновья Алан-хо ломали прутики, чтобы объединить их в прочный союз во главе с «ханами над всеми» — линией от Бодончара-Мун'хаха (бодэен — чеснок, сэр — начало, мутгаг — род, порода; чесночное начало рода) — «здоровым» поколением, состоявшим из множества отдельных племен-«зубчиков», что «корнем джаухасуна вспоенные праведной матери дети стали правосудными и мудрыми. Голым чесноком у матери вскормлены, из всех выдались и мужеством, и отвагою»⁷. Неизвестное слово «джаухасун» (дзэу — защита, хагун — кормить) означает защитная еда, отвар из черемши — дикого чеснока, известного своим бактерицидным и общеукрепляющим действием. Показательно, что дикая черемша обычно занимает обширные поляны в лесу, буквально «выдавливая» остальные травы, а культивируемый чеснок на грядке считается прекрасным соседом для большинства огородных культур.

Насколько внимательно средневековые монголы относились к своим корням, можно определить, объяснив эпитеты, прилагаемые к именам дедов и прадедов и тем формам социальной организации, которые современный человек свел до понимания слова «фамилия». Принадлежность к конкретному роду, кости определялась понятиями «уасун» и «обог». Эти слова означают одно и то же (уасун, обогъ — громко плакать, мычать, рычать, кукарекать). И буквально соответствуют понятию «порода». Слово «уасун» в тексте летописи употребляется вместе со словом «мугул» (мугэ — семя), поэтому «уасун и мугул» являются близкими и дальними родственниками, которые составляли урух⁸ (урух — широкий). Подмена его на «уруг» — результат неточного перевода. Место, куда возвращались после военных походов средневековые монгольские богатыри, называлось «улус» и считалось женской территорией (уллу — владение, ус — женщина; владение женщины). Так, например, старшая супруга Чингис-хана Бортэ управляла главной ордой, Кулкан — второй, Есуй возглавляла третью, а Есуган — четвертую.

Для большинства средневековых монгольских племен родство по крови было основой доверия. Слово «тог» дигорского диалекта аланского (осетинского языка) и «туг» иронского диалекта, означающие кровь, встречаются в мужских антропонимах достаточно часто: Тогай-Тимур (тог ай — своя кровь), сын Хулагу; Туган (Тугъан — осетинское имя; ту-

ган — кровный, родной), сын Хубилая; Мутугэн (мæ тугæн — моя кровь), сын Чагатая; Тогон (тогон — кровный); кераитский Ван-хан Тогорил или Тогрул. Антропоним последнего, если вспомнить летопись Рашид-ад-Дина, сравнивают с птицей, уничтожающей сразу сотни других птиц. Именно Тогрул (тогрун — большая кровь), стремясь к власти, «убил своих братьев и кровью их запачкал знамя чести»⁹. Кровь как главный показатель верности, защиты и «последний Рубикон» содержалась в названии монгольской династии «тогмак»¹⁰ (тог — кровь, мах — наш; наша кровь) и личного владения — нутуг (нæ туг — наша кровь). Поэтому и манускрипт XVII в. «Шара Туджи» не может быть объяснен с помощью современного монгольского языка как «желтая история» (шар тууж). «Шара Туджи» — родословная и переводится именно так (сæра — под крышей, туджи — крови; под крышей крови). Да и сама орда — место, где находились все: женщины, мужчины, старики и дети (æрдæ — биол. пол), в минуту опасности превращалась в боевой лагерь, в центр которого помещали самых незащищенных, тех, кого спасали любой ценой, потому что «æрдаг» — это то, чем клянутся, боясь потерять.

«Сокровенное сказание» сообщает, что младший сын Алан-хо Бодончар-Мун'хах захватил беременную женщину. Звали ее Аданхан-Урянхачжина. В Новое время у алан существовала категория лично свободного, но экономически зависимого населения, которую называли аданихаты (адæн — люди, хатт — уклад; народ, национальность). При желании аданихаты могли уйти от одного феодала к другому, но тогда все их имущество доставалось бывшему покровителю. Если в семье аданихата умирал отец семейства, не оставивший наследника по мужской линии, то вдова и дочери покойного переходили в услужение к семье феодала, тем самым получая покровительство более сильной фамилии. Очевидно, что именно в таком бедственном положении оказалась Аданхан (адæн — народ, хъан — воспитанник; представительница народа) из уважаемого дома, которой был разорен или разрушен (урæ — разрушенный каменный дом, кадджын — уважаемый). Вскоре она родила сына Чжадарая (Джеда — осетинское имя, радæй — по очереди), потомком по его линии был известный Джамуга-Сечен, что был «завистником и зложелателем Чингиз-хана и крайне коварен и безнравствен по природе»¹¹. Сложно представить, чтобы человека, оставившего о себе такую память, разоблаченного уже при его современниках, называли мудрым, как это следует из современного монгольского языка, где «цэцэн» — сообразительность. Поэтому антропоним Джамуга-Сечен включает личное имя Сечына и характеристику «дамуга» — клеймо, особая метка, которой вполне могла быть хитрость и изворотливость данного исторического лица.

Внук Бодончара-Мун'хаха Дутум-Мэнэн (Дутту — осетинское имя, маэнон — принадлежащий мне) был седьмым предком Чингис-хана, от него шла главная ветвь не только ко всем чингисидам, но и ко многим монгольским племенам. Есть очень ласковое название Дутум-Мэнэна — Маха-додань (мах — наш, додо — хороший, додоня — лапушка). У Абулгази он — Дутумин. Все скифо-аланские имена, как правило, легко переводятся с осетинского языка. Например, Савмак (сæумаг — ранний), Фарнаваз (от фарн — счастье, благополучие). Так и имя Дутту происходит от дæттун — давать. Для хивинского хана и потомка чингисидов Абул-

гази Дуттумин — «дающий мне» (мин — мне), щедрый. Его называли «дутакун»¹² (дæттæгон — тот, кто мне дает). Поэтому современное монгольское слово «мэнэн» — «глупый» — не может присутствовать в имени седьмого предка Чингис-хана.

Девять сыновей было у Дутум-Мэнэна и Моналун-Таргун, восемь из которых, согласно ханской летописи, были убиты, а их имена остались неизвестны, что достаточно сомнительно при такой утрате, учитывая зачистую подробное повествование о более давних событиях. Складывается ощущение, что имена сыновей, количество, их судьбы изменены и скрыты намеренно, чтобы повествование шло по прямой, без отвлекающих внимание подробностей и историй — сразу от самого младшего, оставшегося в живых, Кайду (кайд у — получить ущерб). И это не имя, а напоминание о трагедии целого рода. Разумно предположить, что посудой под молоко, где прятали Кайду, был ундур¹³. Но понять, что такое «ундур», можно только переведя это слово (ун дурæ — конус). И такими же конусообразными были средневековые монгольские юрты, описанные Рубрукком. По справедливому замечанию академика Б. Я. Владимирцова, юрты, образующие ставку с реликвиями Чингис-хана в Ордосе (æрдозæ — поляна, лужайка), «сильно отличаются от обычных юрт современных монголов»¹⁴. Во время похорон Чингис-хана поставили девять белых юрт, а одну из них скрыли, как некогда скрыли Кайду, как оберегали и скрывали захоронения по его линии родства у Буре-Ундур¹⁵ (бури — золотой). Традиция устанавливать девять юрт, скрывая одну, могла появиться сразу после гибели сыновей Дутум-Мэнэна и Моналун-Таргун, которую убили вместе с ними. Кайду был шестым предком Чингис-хана, его называли «буути»¹⁶ (бууат — место пребывания). «Когда братья Кайду-хана по причине, упомянутой в предшествовавшем повествовании, были убиты джалаирами, он выбрался из тех пределов вместе со своим дядей Начином, и они остановились в упомянутой местности Монголии»¹⁷. Там протекала река Онон (æннон — тезка, носящий такое же имя). Эта земля стала родиной — Мугулистаном (мугæ — семя, листæн — подстилка из травы, покрытая войлоком или шкурой; плодovitое место).

«Сокровенное сказание» и «Алтан Тобчи» передают эту историю иначе: сыновей было только семь вместе с Кайду. В этих источниках имя заменено на Хайду, что показательно. Нет трагической гибели родных и чудесного спасения. Переписчики этих произведений плохо разбирались в сакральных тонкостях, которым чингисиды придавали большое значение. И даже если сыновей действительно было только семеро и все они остались живы, для потомков нужна была запоминающаяся история и знаковое число девять — как было девять поколений до Чингис-хана от Алан-хо, девять юрт, девять хвостов на древке, девять подарков для хана, девять поклонов при молитве, девять белых знамен при инаугурации Темуджина. Эта цифра отражала высшую духовную силу, уходящую корнями в скифо-аланские истоки, связывая трехуровневое устройство мира, триединство человека и трехфункциональность общества. И имя женщины, воспитавшей своих сыновей, тоже не случайно — Моналун-Таргун (мон — дух, аллон — алан, тæргун — обиженный, капризный; вспльчиный дух аланки). Духовность обозначалась белым цветом, потому и юрты в честь погибшей матери белые, а позже — на белом коне в белых одеждах

белобородый старик Усунь — хранитель духовности, ведь написание летописи контролировали монгольские ханы: Газан-хан (гъзæн — весельчак, шутник) и Олджайту-хан (алдзæн — великолепный). Была и гора Тергун¹⁸, в которой, по всей видимости, шли внутренние вулканические процессы, — «вспыльчивая», как и Моналун, имевшая «характер твердый и вспыльчивый»¹⁹. Поэтому современное монгольское слово «тарган» — «жирная», используемое для объяснения имени Моналун, — ошибка.

В «Сокровенном сказании» про Кайду говорится, что он происходил от Намолуны, а в «Алтан Тобчи» мы видим Номалун-Таргун. Оба эти источника сразу раскрывают низкий социальный статус женщины, первой после прародительницы Алан-хо удостоенной чести быть упомянутой во всеобщей летописи монголов, называя ее «номалун» (номулус — именная жена у алан), то есть побочной, второй женой. Такие женщины часто попадала в дом раньше первой супруги в качестве главной работницы. Положение номулус существенно отличалось от положения главной жены, на ее плечи ложились основные домашние дела. Конечно, девушки, становившиеся вторыми женами в Осетии-Алании, были из бедных семей. Родители, отдавая их замуж, получали не только двойной калым, но и покровительство сильной фамилии. Если хозяин-отец умирал и его дети от первой жены делили его имущество, то дети от второй жены могли принять самостоятельное решение остаться с кем-либо из членов семьи, но могли и отделиться. В этом случае, согласно обычаю, они получали от более влиятельных родственников участок пахотной земли, скот, финансовую помощь и не платили подати практически до конца XVIII века. Местом выгона скота все пользовались на равных условиях²⁰. Если на момент смерти мужа у второй жены не было сыновей, то она оставалась в доме родственников мужа, откуда даже при большом желании не было смысла уходить. Вернуться она могла только в родительский дом, но это считалось некрасивым поступком. Если были сыновья, то отделиться от семьи вдова могла лишь тогда, когда ее старший сын научится хорошо косить сено, что было гарантией самостоятельной жизни и возможности заработка.

Но случалось и так, что после смерти отца дети от главной жены продолжали жить вместе. Тогда сыновья и дочери от вторых жен оставались при детях владельца, потом переходили к внукам, но у правнуков это право уже терялось. По свидетельству Ю. Клапрота, «незаконные дети алдаров так же, как и их отцы, считаются благородными и получают часть наследства; но на войне они должны оказывать помощь законным наследникам»²¹. Такую же картину можно наблюдать и у монголов: «Бэлгутаи-нойон. Он родился от другой жены. Он постоянно находился при особе Чингис-хана»²². После смерти Чингис-хана урух Бэлгутаи-нойона, то есть все дети, внуки, жены перешли к внуку Чингис-хана Хубилаю. Это положение соответствовало понятию «утугу бугули», человек относился к утугу (утуг — масса, толпа, богал — боец, борец; борец утуга). Все знали его личные качества, заслуги и промахи. Он был ребенком второй жены, был лично свободным, имел права и обязанности такие же, как и более знатные дети от первой жены отца, но никогда не чувствовал особой разницы в отношении к себе со стороны родных и близких. Только от личных достижений зависело его положение в монгольском утуге. Плано

Карпини передает: «Пусть я сын наложницы, все-же я прошу, чтобы мне оказана была справедливость по обычаю Татар, не делающих никакого различия между сыновьями законной супруги и рабыни»²³.

У Кайду было три сына: Байсонгур, Чарахай-Линку и Чаоджин-ортегай. Старший Байсонгур (осетинское имя) был пятым предком Чингис-хана и назывался «будэ-аукуу»²⁴. Текст был сильно поврежден, поэтому можно только предположить, что «бадууэ ун» означает раздвоиться. И действительно, после смерти Байсонгура его брат женился на его супруге, которая уже была матерью четвертого предка Чингис-хана и стала матерью двух других сыновей от среднего сына Кайду Чарахай-Линку (сәрæхай — главная доля, Линк — мифический царь скифов, у — быть). Имя Линка летопись объясняет как «главный эмир»²⁵. Антропонимы сыновей Чарахай-Линку свидетельствуют о тотемических представлениях средневековых монголов. Конечно, этот вопрос требует подробного анализа в дальнейшем, а пока можно лишь объяснить их имена: Генду-Чинэ (гæндзу — зуб, Ичъына — ежегодный осенний праздник скотоводческого цикла у алан); Илугчин²⁶-Чинэ (илугджын — удильный); Суркакдуку²⁷-Чинэ (Сурхаг — обряд в честь аланского покровителя скота Фæлвæра, дуку — кошка). Мифического царя скифов Линка, согласно Овидию, Церера превратила в рысь. Таким образом, в период наследников Чарахай-Линку у средневековых монгольских племен появляются тотемы хищников, копытных и кошачьих, а вовсе не волка и собаки, как считалось до сих пор. Но самым удивительным является то, что в истории Абулгази Бодончар-Мун'хах назван Бундечжир-могок (бундар — наследник, джир — дикий кабан, муггаг — род, порода; наследник рода дикого кабана), это подтверждает наши исследования о существовании главного тотема всего рода и тотемов для каждого отдельного племени.

Младшим из сыновей Кайду был Чаоджин-ортегай (Цæуæтджын — плодови́тый, æртигай — по три). По традиции его называли «одчигин». Как сообщает летопись, монголы почитали дух огня «од», а тюркское слово «тегин» в значении «эмир» «на языке монголов правильно не выходит, то они говорят “одчигин”, а некоторые говорят “одчи”»²⁸. Тюрками Рашид-ад-Дин называл монголов исключительно за кочевой образ жизни. Монгольский одчигин — это «од цыгъин» (дух малыша; младший, осет.), одчи — «од чи»²⁹ (од/уд — дух, чи — кто; в ком дух, осет.). Младший сын у алан всегда оставался в родительском доме. От Чаоджина происходили три племени, но в летописи указано только два: артакан (арт — огонь, костер, кæнын — разводить; разводящие костры) и синджиут в переводе Березина (синд — древний хороводный танец у алан, синджын — танцевать синд).

Племя артакан, несомненно, было связано с огнем. Это подтверждает деятельность некоторых средневековых купцов, которых особенно ценили, называя «базарган уртак»³⁰. Эти купцы занимались продажей нефти (базæрган — торговец, артаг — горючее, нефть). Ее использовали при захвате городов и крепостей. У монголов существовало специальное военное подразделение — кошун (хъосун — горшок, кувшин), в которое входило до ста человек. Чем занимался кошун, неизвестно. По всей видимости, именно этот отряд мог наполнять горючим кувшины для метания в стены противника и пропитывать стрелы.

Второе племя синджиут имело отличительную черту — любовь к танцам. «Сокровенное сказание» рассказывает об этой забаве: «Возведя Кутулу на хаганский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорховахе. До того доплясались, что, как говорится, «выбоины образовались по бедро, а кучи пыли — по колена»³¹. Местность с подобным названием упоминается и в Нартском эпосе осетин — Хорхор бах — место, где откармливают лошадей. В летописи Рашид-ад-Дина есть еще один старинный аланский танец — уге, его исполняли при свете костров. Возможно, племя артакан прозвали так из-за этой обязанности.

О том, что Чаоджин-ортегай был плодovit, сообщает и «Сокровенное сказание», перечисляя племена: оронар, хонхотан, арулат, сонид, хабдурхас и генигес, которые якобы могли произойти от него, то есть быть нирунами (нарун — греметь; в переносном смысле — быть прославленным). Это маловероятно, учитывая ханскую летопись. Сомнение вызывает лишь племя генигес (гæнигæс — охранник льна, конопля). Известно, что монголы выращивали коноплю и лен, предпочитая конопляные изделия из-за их прочности. Можно только предполагать, что третьим племенем было именно племя генигес.

Четвертого предка Темуджина называли «будуту»³² (бадæттун — передать). Им был Тумбинай-Сэчэн (ду маэ бинойнаг — ты мой член семьи, Сечына — осетинское имя). Прадедом — Кабул-хан (хъабыл — достойный), а дедом Бардан, его называли «абукэ»³³ от «абогъ». По всей видимости, Бардан был мужчиной грузным (бардан — большой мешок для шерсти, из перс. bārdān —местилище груза). Сыном Бардана был Есугей. Примечательно, что они, как и многие представители монгольской элиты, носили древний сармато-аланский титул «багатар». Впервые титул был упомянут в правление Вахтанга Горгасала в V в., потом засвидетельствован в надписи на Северном Кавказе у реки Большой Зеленчук в X в. в форме Пакаатар, а в XIII в. в имени Ос-Багатара. Согласно исследователю алан А. Алеману, большинство личных имен дополнялось фамильным именем и титулом «багатар». Так и антропоним Есугей-багатар — личностная характеристика, «æцæгæй-бæгъатæр» — «воистину храбрец». Поэтому Темуджин и называл его «æцæг» — истинный, но слово перевести не смогли и упростили до понимания отца — «эчигэ/эцэг». Всех предков вместе до седьмого колена монголы называли «айджин абукан»³⁴ (айджын — достойный; абогъ — кость, род; хъан — воспитанник; достойный продолжатель рода).

При внимательном изучении источников становится понятно, что только в именах монголов Чингис-хана параллелей, свидетельствующих о скифо-аланском истоке, свыше 450. Так, например, Ариг (Орик) — сын скифского царя Ариапифа V в. до н.э. и монгольский Ариг-Бука, сын Тула; Абага — сарматский царь I в. и Абага — второй ильхан государства Хулагуидов; Сангибан — знаменитый вождь аланов, разбивший конницу Агилы на Каталаунских полях в 451 г., и Сэнгэбал — внук Угедея от сына Кадан-Огула.

Следует отметить, что для объяснения антропонимов, названий племен, общественно-бытовых, военных терминов и даже географических объектов сегодня существует два способа получения информации, каждый из которых нельзя признать результативным:

— первый способ основывается на использовании подсказок из летописных источников, прямо или косвенно подтверждающих смысл, что не всегда соответствует действительному переводу. Так, например, понятие «эчигэ/эцэг» вовсе не говорит об отцовстве, а указывает на качество личности, как и «абукэ» — на принадлежность к определенной линии рода, кости, а не к старцу-дедушке. Важнейшие понятия: «уасун», «урух», «утуг», «нутуг», «орда», «мугул», «уулус» разгаданы современными монголистами лишь отчасти, поэтому каждый исследователь вносит свое осмысление терминов, иногда усложняя и уводя от их действительных значений, проанализированных в данной работе. На этом фоне к определяющим понятиям, прилагаемым ко всем предкам до седьмого колена, таким как: «дутакун», «буути», «будэ-аукуу», «будуту» и «айджин абукан» монголистика даже не приступала, так как летопись Рашид-ад-Дина не содержит ни малейшего намека на их происхождение, как и на имена носителей. А ведь именно эти слова-характеристики подробно определяют каждое звено — то, что является родословной не только Чингис-хана, но и других родовых колен. Между тем, ряд таких понятий, как «монголы-дарлекины», «монголы-нируны», «кият», объясненные Рашид-ад-Дином, следует признать неточными, поскольку действительный перевод имеет качественные отличия;

— второй способ — это народная этимология, построенная на кажущейся верной лексической ассоциации, но содержащая серьезное заблуждение относительно того, кем были, как жили и к какому этносу принадлежали средневековые монголы Чингис-хана, а, следовательно, с какого языка должен осуществляться перевод слов, использовавшихся в их среде. Поэтому Дутум-Мэнэн и Моналун-Таргун стали «глупым» и «жирной», Джамуга-Сечен — «мудрым», Бодончар-Мун'хах — «простаком», родословная — «желтой историей», а тотемами — волк и собака, хотя и тот и другая относятся не только к одному роду, но и к одному семейству. В действительности, благодаря антропонимам удалось показать три подгруппы племенных тотемов монголов, которые встречаются во всех скифо-аланских археологических находках с явным «доминированием» кошачьих. Поэтому золотая тамга чингисидов имела изображение тигра, а не волка.

Итак, все антропонимы предков Чингис-хана от Алан-хо до его отца Есугея переводятся с аланского (осетинского) языка, имевшего уже в раннем Средневековье деление на диалекты со значительным преобладанием дигорского, как наиболее древнего. Именно этот язык и был «архаичным» монгольским языком, а его носители — восточной ветвью некогда большого скифо-аланского этноса, объединившего бывшую территорию древней Скифии в могущественное государство — Монгольскую империю Чингис-хана. Все это Евразийское пространство сохранило сегодня не только воинственный дух, но и кровь средневековых монголов.

Примечания

1. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.-Л. 1952, с. 8.
2. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Монголы и Русь. М. 1997, с. 19.

3. КОЗИН С.А. Сокровенное Сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol — un Niyuca tobciyan*. Юань-чао би-ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.-Л. 1941, с. 81.
4. ГАГЛОЕВА З. Ирон мыггæгтæ (Осетинские имена и фамилии). Дзауджикау. 2005, с. 319. (Байсонгур — с. 315; Дутту, Джеда — с. 328; Сечъына — с. 343; Тугъан — с. 346).
5. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 86.
6. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.-Л. 1952, с. 138.
7. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 89.
8. Там же, с. 114.
9. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 1, с. 130.
10. История Казахстана в арабских источниках. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Аяматы. 2005, с. 387.
11. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 122.
12. Там же, с. 17.
13. Там же, т. 1, кн. 1, с. 129.
14. ВЛАДИМИРЦОВ Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. 2002, с. 337.
15. РАШИД-АД-ДИН. Сборник летописей. Т. 2. М.-Л. 1960, с. 201.
16. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1. кн. 2, с. 21.
17. Там же, с. 21.
18. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 92.
19. БИЧУРИН Н.Я. [Иакинф]. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб. 1829, с. 5.
20. БЗАРОВ Р.С. Три осетинских общества в середине 19 века. Орджоникидзе. 1988, с. 103.
21. КЛАПРОТ Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. — Известия СОНИИ. Т. 12. Дзауджикау. 1948, с. 222.
22. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1. кн. 2. с. 56.
23. ИОАНН ДЕ ПЛАНО КАРПИНИ. История монгалов, Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. СПб. 1911, с. 35.
24. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2. с. 27.
25. Там же, т. 1. кн. 1, с. 180.
26. Там же, с. 156.
27. Там же, т. 1. кн. 2, с. 42.
28. Там же, т. 2, с. 107.
29. АБАЕВ В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л. 1989, с. 6.
30. ГРЕКОВ Б.Д., ЯКУБОВСКИЙ А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л. 1950, с. 154.
31. КОЗИН С.А. Ук. соч., с. 85.
32. РАШИД-АД-ДИН. Ук. соч., т. 1, кн. 2, с. 27.
33. Там же, с. 64.
34. Там же.

Антинаполеоновская мобилизация и создание образа единой империи в Австрии 1808—1809 гг. на примере газеты «Новостной бюллетень Австрийской империи»

Р.Ю. Болдырев, Г.С. Рагозин

Аннотация. Данная публикация посвящена проблеме мобилизации общества в пользу внешнеполитических акций правительства Австрии 1808—1809 годов. Высшее руководство Австрийской империи в период между 1805 и 1809 гг. ставило перед собой цель — восстановить влияние в Германии и Европе. Под руководством министра иностранных дел Филиппа фон Штадиона началась дискуссия о реформах государственной и социальной систем, с одной стороны, и о начале новой войны с Францией — с другой. С целью получения одобрения общественным мнением своих планов Штадион и его сторонники при императорском дворе начали обращаться к возможностям печатных СМИ, одним из которых стала газета «Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat».

Ключевые слова: Австрия, Наполеоновские войны, Филипп фон Штадион, власть и общество в монархии Габсбургов, мобилизация общественного мнения.

Abstract. This paper deals with issues of political mobilization in favor of governmental foreign policy actions undertaken in Austria during the years 1808—1809. The Austrian government during the period of 1805—1809 had the aim to restore its influence in Germany and Austria. Under the leadership of foreign affairs minister Philipp von Stadion discussion on state and social reforms, and on the new war against France takes place. To get a positive reply from public opinion, media were turned into an instrument of Stadion's administration and his supporters within the court in turning the public in favor of actions against France. One of the examples of such media was the newspaper "Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat".

Key words: Austria, Philipp von Stadion, power and society in Habsburg monarchy, public opinion mobilization.

Механизмы взаимодействия государственной идеологии и общественного мнения претерпели значительную трансформацию в период Французской революции и Наполеоновских войн по причине изменений подходов к сущности государства, политической культуре и отношениям власти и общества в целом. Это сопровождалось представлением и практической реализацией новой государственной идеологии и использова-

нием печатных средств информации для ее распространения среди населения страны и формирования общественного мнения по тем или иным вопросам. Газета стала активно использоваться не только для политической дискуссии и информирования населения, но и трансляции позиции государства, официальных мифов и мобилизации общественного мнения в пользу того или иного аспекта государственной политики.

События, произошедшие во Франции, отдались масштабным кризисом в монархии Габсбургов и в королевстве Пруссия, бывших одними из главных оппонентов нового режима в Европе. Правящие круги Берлина и Вены считали изменения в Париже угрозой своему положению. Оба государства столкнулись с ослаблением идеологий, определявших их развитие в тот период, и растущей оппозицией существующим политическим режимам. Это сказалось на всех сферах государственной и общественной жизни, а внешнеполитические и военные неудачи 1790-х гг. усугубили ситуацию. К 1805 г. монархия Габсбургов, став Австрийской империей, потерпела ряд военных поражений и понесла территориальные потери, а также утратила практически всю свою сферу влияния в Центральной Европе. Более того, ее формальное главенство в Священной Римской империи было поставлено под вопрос выходом из Империи большинства крупных государств после медиатизации, а также спорами между ними относительно передаваемых им территорий церковных и рыцарских владений¹. Для Австрии как полиэтничной и поликультурной империи это создавало значительную опасность, поскольку подрывало идеологическую базу, включавшую в себя, в том числе, заявку на лидерство в Германии, Европе и католическом мире.

Противодействие новой, враждебной империи и габсбургскому универсализму идеологии велось как с помощью полицейских методов², так и вооруженным противостоянием Франции. Значительного распространения идеи революции в землях монархии Габсбургов в итоге не получили именно благодаря тому, что правящим кругам удалось задать их восприятие в ассоциации с иностранным вторжением³. Ведение боевых действий потребовало, с одной стороны, готовности к ним государства и армии, а с другой — создания нового идеологического обоснования собственных позиций⁴. Ситуация в землях Габсбургов отличалась от Пруссии: несмотря на взятие Вены французскими войсками и территориальные потери в пользу сателлитов Наполеона, Австрия избежала полного разгрома. Это означало сохранение боеспособной и управляемой армии, целостность государственного аппарата и его способность контролировать ситуацию в стране, а также меньший ущерб репрезентационной системе и государ-

---

Болдырев Роман Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: dr.roman.boldyrev@yandex.ru; *Рагозин Герман Сергеевич* — кандидат исторических наук, ассистент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: gragozin92@gmail.com.

Boldyrev Roman Yu. — PhD (History), associate professor at the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E-mail: dr.roman.boldyrev@yandex.ru; *Ragozin German S.* — candied of historical sciences, assistant professor at the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. E-mail: gragozin92@gmail.com.

ственной идеологии, что повлияло на вектор развития державы Габсбургов в XIX веке.

Определявшая еще с конца XVII в. государственную практику идеологема централизма (*Gesamtstaat*) достигла своего логического оформления в государственную идеологию в 1804 г., когда император Священной Римской империи и эрцгерцог Австрии Франц II короновался как австрийский император Франц I. Идеологию универсализма императорской власти и Священной Римской империи, напротив, постиг провал, а роспуск «Старой империи» формально его закрепил⁵. С этого момента началось оформление австрийской идентичности, не связанной напрямую с остальной Германией. В австрийской историографии падению Священной Римской империи уделяется немного внимания по сравнению с другими событиями этого периода, в том числе, связанными, например, с восстанием Андреаса Хофера в Тироле⁶. Считается, что отречение Франца II было формальным событием, хотя оно знаменовало конец универсалистского подхода Вены касательно Германии. Это означало концентрацию внимания Австрии на своих владениях, и отказ от идеологемы «Кайзер и Рейх» в отношениях с остальной Германией на данном этапе⁷. Тем не менее, вопрос о взаимодействии с остальной Германией, основанный на национальном подходе, мог вызвать конфликт с негерманскими общностями державы Габсбургов.

Невозможность влиять на дела остальной Германии подвигла Австрию обратиться к проблематике реформ и перестройки государства как в практическом, так и идеологическом аспектах. В официальной идеологии сохранялось обращение к тезису о главенстве Габсбургов и Австрии в Германии, но о практическом воплощении его второй части не шло речи: к 1806 г. Священную Римскую империю покинули почти все значимые германские государства. Ставка на имперскую идеологию сохранилась, но уже в совершенно ином ключе: она должна была базироваться на единстве всех территорий, которые находятся под прямой властью Габсбургов в централизованном государстве. Одновременно с этим набирала силу группа реформаторов при венском дворе. Одним из главных авторов идей переустройства был граф Филипп фон Штадион, до этого бывший послом в Пруссии и России, и известный тем, что советовал Францу II провести медиатизацию и роспуск империи. В 1805 г. Штадион вступил в должность министра иностранных дел и сразу заявил себя сторонником административных и финансовых реформ⁸. Тем не менее, правительство прибегало к чисто административным мерам, не затрагивая основ существующего строя, в том числе с целью сохранения устойчивости государственной системы. Его главным сподвижником был член семьи Габсбургов, эрцгерцог Карл, занимавший пост председателя Гофкригсрата и бывший сторонником восстановления статуса Австрии и Габсбургов в Германии.

Будучи министром иностранных дел и работая на создание новой коалиции против Франции, Филипп фон Штадион представил свое видение дальнейшего развития государственной системы Австрийской монархии. При этом он не выработал цельной программы, в отличие от высшего руководства Пруссии, и практически не располагал возможностями для проведения реформ: единственным, кто поддержал его инициативы,

был эрцгерцог Карл, выступавший с лозунгами восстановления влияния Австрии в Германии⁹. Это было связано, в том числе, с «ностальгией» по Священной Римской империи, к которой апеллировал член императорского семейства. Идея начала новой войны против Франции, которую отстаивал Штадион, была популярна в общественном мнении Австрии, а также ряда германских государств, что означало наличие базы для идеологической работы государства в данном направлении в период с 1805 по 1809 год.

Содействовала этому одна из новых газет — «*Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*» (Новостной бюллетень Австрийской империи). Она стала выходить с мая 1808 г., в среднем два раза в неделю, в условиях подготовки к новой войне, что наложило отпечаток на ее содержание и стиль обращения к читателю. Частично газета перекрывала дефицит подобных материалов, вызванный закрытием ряда изданий в 1790-е гг., — в период противодействия распространению идей Французской революции. Редактором газеты (до 1813 г.) работал Иоганн Михаэль Армбустер. До своего переезда в Вену он был журналистом и писателем, редактором таких изданий, как «Друг народа» (*Volksfreund*) в Швейцарии. После установления наполеоновского господства в Германии преследовался французскими властями и бежал в Австрию. По своим взглядам Армбустер являлся франкофобом и противником идей французской революции, во многом коррелируя с представителями австрийского консерватизма Фридрихом фон Генцем и Йозефом фон Хормайром, начавшими работу в то время. После переезда в Вену некоторое время работал в полиции, а затем открыл два издания: «*Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*» и «*Der Wanderer*» (Путешественник).

Как такового штата сотрудников газета не имела, часто авторы материалов не обозначали своих имен, давая лишь инициалы и должности. Тем не менее, их список, как и редакторов, оказалось возможным отследить в разделах *Impressum*. Как правило, авторами выступали лица, обладавшие определенным социальным статусом, занимающие должности в сфере образования (директора гимназий, главы надзорных органов просвещения), в государственном аппарате и при дворе Австрийской империи. В подавляющем большинстве это были немецкоязычные подданные Габсбургов, в меньшей — представители негерманских народов, занимавшие определенные должности в государственном аппарате и владевшие немецким языком.

Базовым издательством и распространителем газеты в этот период выступал дом Йозефа Винценца Дегена. Материал распространялся по подписке в Вене с возможностью почтовой рассылки в другие регионы империи. Стоимость подписки с рассылкой составляла 50 гульденов в месяц, с получением в издательском магазине *Degensche Buchhandlung* — 12 гульденов в месяц, затем она неоднократно повышалась. Основной аудиторией газеты выступали образованные слои населения, у которых и формировался целостный образ владений державы Габсбургов как единой империи, или, как ее обозначал в своих трудах Фридрих фон Генц, — «Семь народов» с императором во главе.

Газета во многом функционировала как мобилизационный и информационно-познавательный проект. В ней публиковались материалы сле-

дующего плана: законодательные акты Австрийской империи, императорские патенты, акты и распоряжения, очерки о территориях и землях Австрии, исторические документы, сводки о стоимости государственных ценных бумаг ¹⁰. То есть, она претендовала на статус одного из главных печатных изданий всей империи, а не только чисто австрийских или «наследных» ¹¹ земель. При этом обозначить ее как официальную или свободную прессу представляется затруднительным в силу того, что, с одной стороны, она не имела официального статуса, по сравнению с «Wiener Zeitung» (Венская газета), а с другой — немало ее авторов занимали должности в государственном аппарате или в сферах, ему подконтрольных, а редактор обладал репутацией ярого оппонента французской революции и сторонника консервативных идей, начавших свое оформление в целостную идеологию, в том числе и в Австрии, при поддержке государства.

Исходя из этого, политика редакции газеты была следующей: в нее попадали материалы, имевшие значение для формирования образа целостной империи и «справедливой борьбы против французской угрозы» у тех представителей общества, кто владел немецким языком вне зависимости от этнической принадлежности, как правило, образованных, в том числе занимавших определенные позиции в государственной иерархии империи, либо военнослужащих.

Предпосылки к переходу на мобилизационное начало в газете четко обозначились публикацией законодательных актов: одним из них являлся патент о мобилизации граждан в формирования военного резерва (Ландвер) от 20 мая 1808 г., что демонстрировало выход государства на иной уровень взаимодействия с обществом в части его подготовки к войне ¹². Тем самым был задан новый подход к организации военной службы: вместо наемнической и рекрутской армии комплектовались имперские вооруженные силы, опиравшиеся на идеологию, основанную на лояльности правящему сюзерену и империи, и являвшиеся, по мнению ряда исследователей, шагом к армии национального типа ¹³. Этим актом была изменена система репрезентации государственной власти в Австрии посредством использования вооруженных сил: из инструмента политики императора они снова стали элементом и объектом активной пропаганды официальной позиции и средством создания образа единой монархии.

Австрийская государственная система стала открыто публиковать тексты законодательных актов, которыми она руководствовалась, в средствах массовой информации, что означало изменение подхода в отношении к собственным подданным в части регламентации тех или иных общественных отношений. Если до этого владение текстами законов было скорее прерогативой лиц, имевших отношение к законотворчеству, надзору, дознанию и отправлению правосудия, то теперь подданный имел право ознакомиться с законом и апеллировать к нему. Такой подход, помимо прочего, был ориентирован на изменение австрийской идентичности и формирование гражданского общества, которое предполагало, в том числе, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом ¹⁴. В условиях подготовки к войне с Францией подтверждением этому стала публикация закона о призыве в формирования военного резерва, который, помимо мобилизации населения, предполагал для при-

звоников ряд социальных гарантий и компенсаций за отрыв от основной деятельности на период военной службы¹⁵.

Для конструирования образа целостной империи редакция газеты публиковала очерки по темам, касавшимся развития государства Габсбургов. Главными темами были: укрепление общеимперской обороны, образовательная система Австрии, реформа права, экономика империи Габсбургов, реорганизация церковной администрации, повседневной жизни тех или иных социальных групп австрийского общества (например, крестьянства), литературная жизнь и культурные события. Кроме того, в газете за период с мая 1808 по апрель 1809 г. публиковалась информация о государственных наградах империи, в том числе извлечения из статут¹⁶.

Газета «*Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*» способствовала распространению знаний о территориях, входивших в державу Габсбургов, что можно расценивать как воздействие на австрийскую имперскую идентичность — основополагающую для полиэтничной империи. В выбранный для исследования период был напечатан ряд очерков о владениях Габсбургов¹⁷. Очерк мог выйти в нескольких частях и быть представленным в ряде номеров, занимая до половины объема выпуска. Среди них были публикации о городах и землях, находившихся под властью Габсбургов, в том числе отторгнутых договором 1805 г., что было нацелено на максимально возможное в тот момент знакомство читателя с территориями, включенными в государство, где он проживает, или связанными с ним. Одними из первых были представлены очерки о Берхтесгадене, Мархфельде, Краине, Кёнигсзее, Брюнне (Брно), Моравии, Зальцбурге, Линце, Билине, Штайере, Айзенштадте. Очерки касались не только общих характеристик городов, но и конкретных проблем их развития, составляющих повседневной жизни, экономики, региональных традиций. Затрагивались при этом и особенности жизни негерманских народов империи, что означало готовность властей поддерживать интеграцию венгров и славян в единое австрийское государство, однако это шло вразрез с популярной до 1809 г. идеей о «войне немецкой чести» против Наполеона под австрийскими знаменами¹⁸.

Говоря об освещаемой газетой культурной жизни Австрии, следует отметить, что она активно обращалась к тематике музыкальной жизни Вены, работая на образ города как «музыкальной столицы Европы»¹⁹ и на внешнюю репрезентацию страны как центра европейской культуры в условиях противостояния с Францией и утраты господства в Германии. Наиболее примечательной является статья, посвященная признанию творчества Йозефа Гайдна филармоническим обществом Санкт-Петербурга. Однако затрагивались и другие сферы художественной культуры, особенно — литература Австрии и отклики на нее в других странах²⁰, а также изобразительное искусство²¹. Этим газета не ограничивалась: в ней делались обзоры трудов, посвященных теории государства, экономике, статистике, военному делу, философии, математике и естественным наукам. Изначально задуманная как мобилизационный материал, газета стала еще и культурно-просветительским бюллетенем, работавшим на мифы о культурном превосходстве и старом лидерстве Габсбургов в Империи.

Поворот к мобилизационной составляющей в редакционной политике газеты закрепился с выпуска за 19 июля 1808 г., когда в ней появилась серия очерков под названием «Rückerinnerungen an die Österreichische Helden» (Воспоминания об австрийских героях)²². Практически сразу авторы раздела стали обращаться к недавним войнам с Францией, что обозначило тенденцию к формированию образа врага у читателя. Этим редакторы газеты не ограничивались: публиковались, в том числе, очерки об участниках войны с Турцией конца 1780-х годов. При этом шло обращение не только к командующим, но и к низовому составу, участвовавшему в войне. С другой стороны, в неодобрительном свете выставлялась армия главного оппонента в Германии — Пруссии²³. Основным приемом в последнем случае стали юмористические очерки о стычках войск Габсбургов и Пруссии, в которых, как правило, солдаты имперской армии выходили победителями, чем австрийское руководство пыталось обеспечить за собой идеологическое обоснование военного лидерства в Германии и борьбе за ее освобождение от наполеоновского господства. В свете недавнего поражения Пруссии в 1806 г. такие приемы как ирония стали одним из методов обоснования примата Австрии при решении германского вопроса.

Язык статей об австрийских военнослужащих, отличившихся в ходе боевых действий, конструировал образ героя следующими выражениями, конструкциями и эпитетами: Held (герой), Heldentod (героическая смерть), а также: «... Mich nicht zurückziehen viel weniger mein Leben durch eine schimpfliche Gefangenschaft zu erlaufen, sondern lieber als Soldat auf dem uns anvertrauten wichtigen Posten zu sterben» (Вместо позорной жизни в плену лучше погибнуть на вверенном нам посту как солдатам)²⁴. Так создавался образ подвига участников одного из боевых столкновений в Сербии, закончившегося подрывом порохового склада крепости и гибелью значительного числа турецких солдат вместе с последними защитниками бастиона. Использование подобных конструкций отвечало потребности руководства Австрийской империи в конструировании образа героя с последующим его тиражированием в пропагандистских целях в императорской армии.

Одним из результатов этой работы стало то обстоятельство, что начало войны с Францией в 1809 г. было воспринято позитивно почти всеми слоями полиэтничного австрийского общества. Начало боевых действий в австрийской историографии обозначается как «немецкая национальная война»²⁵. Попытки создать новую коалицию не удалось, и Австрия воевала в одиночку. В этот период в газете «Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat» публиковались письма принца Евгения Савойского — военного и государственного деятеля «поколения 1683 года»²⁶, определявшего политическую жизнь державы Габсбургов, а также командовавшего войсками императора на протяжении большинства кампаний на посту руководителя Гофкригсрата. Миф об этом полководце как «защитнике империи и католичества» активно тиражировался в Австрии весь XVIII в. и позднее. Таким образом, можно говорить об активном использовании государственных и военных мифов с целью воздействия на общественное мнение при противостоянии Наполеону²⁷.

По своей форме эти публикации были не столько перепечаткой писем из личных архивов полководца, сколько созданием образа военачальника,

способного вести диалог не только с императорами, но и с подчиненными по воинской иерархии. В одном из выпусков некоторые места из переписки были представлены в форме анекдотических случаев, чем авторы очерков пытались приблизить образ одной из ключевых фигур австрийского государственного мифотворчества к основной массе австрийского общества²⁸. Этому способствовали такие приемы, как сарказм и ирония. Создавался не столько монументальный образ «героя и спасителя Европы от османов», сколько образ руководителя, способного воспринимать подчиненных, других военачальников и руководство государства, а также происходившие события с определенной долей юмора. Именно при помощи исторического портрета принца Евгения формировался образ идеального военачальника, а эрцгерцог Карл фактически представлялся как его преемник и равноценная ему фигура. Подобного рода «гуманизация» мифической фигуры означала сдвиг в подходе к воздействию на общественно-политическое сознание в Австрии периода 1805—1809 гг., когда дискуссия о реформах всколыхнула общественность и государственный аппарат, а идея новой войны с Францией стала поводом для мобилизации общественного мнения под лозунгами «общегерманской чести» и реванша за прошлые поражения.

При этом антипруссские взгляды принца Евгения Савойского, считавшего согласие на оформление королевства Пруссия серьезной ошибкой императора Леопольда I, не тиражировались. Напротив, было опубликовано одно из писем, в котором принц Евгений позитивно отзывался о профессиональных качествах князя Леопольда фон Ангальт-Дессау, под чьим командованием прусские части воевали против французов в Италии в период войны за испанское наследство²⁹. В условиях частичной реорганизации системы образования, права, банковской системы и реформы воинской обязанности это было заявкой на перестройку системы репрезентации правящего дома и государственной власти. Связано это было и с ослаблением полицейских мер: шеф тайной полиции Иоганн Антон фон Перген, известный своими консервативными взглядами, ушел в отставку в 1804 году.

Помимо принца Евгения Савойского, в газете обращались к биографии Карла VI, последнего представителя Габсбургов по мужской линии, со смертью которого началась война за Австрийское наследство. Была опубликована часть его переписки с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом I, чей преемник Фридрих II развязал войну за Силезию. В числе представленных документов было письмо, в котором прусский монарх представил гарантии своей лояльности и поддержки последнего Габсбурга, что на фоне действий молодого короля Фридриха II создавало образ Пруссии как государства, нарушавшего свои обязательства и обещания на внешнеполитической арене³⁰. В определенной степени публикация такого документа была связана с действиями Пруссии в период революционных и наполеоновских войн, когда после заключения сепаратного мира королевство не участвовало в войнах с Францией вплоть до поражения 1806 года. Подобным методом редакторы газеты и поддерживавшие их представители государственного аппарата Австрии продолжали конструировать двойственный образ своего главного оппонента в Германии до прихода Наполеона: с одной стороны, подчеркивался профессионализм

и выучка военных, что коррелировало с «мифом о Пруссии»³¹, а с другой — критиковалась внешняя политика и создавался образ нарушителя любых договоренностей и гарантий.

Следовавшее за этим документом письмо Карла VI президенту Гофкригсрата³² принцу Евгению Савойскому было нацелено на подтверждение этих опасений: в нем император высказал сомнения касательно честности прусского монарха и возможных планов его наследника в отношении державы Габсбургов, а также высказывал идею укрепления обороноспособности империи на случай войны с Пруссией. При этом приложением ко второму письму стал очерк, который вновь обратился к тиражированию мифа о принце Евгении: в нем давались такие оценки деятельности этого полководца, как «защитник Германии», «полководец, сломавший величие Турции», упоминались его главные военные победы и давалась характеристика как дипломата и советника императора. В частности, в примечании к статье было представлено мнение президента Гофкригсрата о том, что война за Австрийское наследство — вопрос времени, и нужно к ней быть полностью готовыми для сохранения территориальной и династической целостности державы Габсбургов, что было важнее обеспечения гарантии «Прагматической санкции» остальными европейскими державами и германскими государствами.

Хотя газета «Väterlandische Blätter für Österreichischen Staat» обращалась к образам других австрийских монархов и государственных и политических деятелей, столь активное внимание к принцу Евгению Савойскому стало характерной чертой в этот период. В условиях подготовки к очередной войне с Наполеоном, при срыве ряда инициатив эрцгерцога Карла и министра иностранных дел Филиппа фон Штадиона в государственном совете сторонники реформ решили обратиться к воздействию на общественное мнение. Это делалось с целью обеспечения, с одной стороны, своих позиций в аппарате власти, а с другой — использования исторического прошлого Австрии как мифа с целью мобилизации общественности в пользу войны с Францией как оправданной, справедливой и необходимой для сохранения целостной державы Габсбургов. Поэтому обращение к жизни и деятельности принца Евгения Савойского воспринималось как необходимое и естественное в создавшихся условиях. Газета «Väterlandische Blätter für Österreichischen Staat» стала для этого наиболее удобной площадкой.

По мере эскалации боевых действий газета все чаще обращалась к результатам реформ в Австрии, в первую очередь, касаясь их военно-оборонительного аспекта. Рассмотрению и тиражированию подверглись первые действия новообразованного Ландвера, которым были посвящены несколько собраний очерков. В них распространялись сведения о действиях австрийских ополченцев, оценивавшиеся как подвиг в противостоянии с внешним противником; публиковалась информация о представлении к воинским наградам участников военной кампании, причем акценты делались не только на участие в обороне городов и крепостей или в тех или иных сражениях, но и на защите соотечественников от действий французов. Так авторы стремились создать образ реформированной армии как «национальной» и, в первую очередь, связанной с народами Австрии, в основном — с австрийскими немцами. Однако в серии

очерков «Charakterzüge Österreichischer Patrioten» (Истории Австрийских патриотов) упоминались не только немцы, но и, например, защитники итальянского города Триеста, что было частью политики привлечения негерманских народов к участию в обороне империи³³.

Фактически это была одна из составляющих перехода к гражданской политической культуре, хотя сама по себе война 1809 г. началась под лозунгом «Für Gott, Kaiser und Vaterland» («Во имя Господа, Императора и Отечества»), что позволяет характеризовать австрийскую политическую культуру данного периода как подданническую. В дополнение к этому президент Гофкригсрата эрцгерцог Карл использовал девиз «Дело Австрии — дело Германии». Обе составляющие государственной идеологии нашли свое отражение на страницах газеты — как в очерках, так и в опубликованных документах. Все это использовалось для конструирования позитивного образа участников войны на стороне Австрии, причем готовых воевать не только за свою страну, но и за освобождение Германии от враждебного господства³⁴.

Несмотря на активизацию общественно-политической жизни в период с 1804 по 1809 г. при содействии газет, с участием государства, Австрии не удалось одержать победу над Францией³⁵. В этот период идеологема «Дело Австрии — дело Германии» достигла своего апогея: в обращении к армии, опубликованном в «Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat», эрцгерцог Карл активно ее использовал, обосновывая необходимость военного противостояния с Францией и борьбы за господство в Германии. Лидирующим здесь был тезис о реванше за предыдущие поражения и восстановлении «национальной чести»³⁶. Война завершилась вторым значительным поражением австрийской армии, хоть и отвлекла значительные силы Наполеона. По условиям Шёнбруннского мирного договора, заключенного в 1809 г., Австрия утратила ряд своих территорий. Герцогство Варшавское, по условиям договора, получило от Австрии Западную Галицию. Франция добилась контроля над австрийской морской торговлей, захватив порты на Адриатике³⁷. С другой стороны, гарантировалась амнистия всем участникам антибаварских и антифранцузских восстаний в Тироле и Форарльберге. Последнее также проходило под лозунгом «Für Gott, Kaiser und Vaterland», то есть, определяло свою идеологию исключительно с позиции династического и имперского патриотизма, который поддерживался Веной³⁸.

Итогом 1809 г. для Австрии во внешнеполитическом аспекте стало превращение во второстепенную европейскую державу, неспособную влиять на обстановку вдоль ее границ. За ее счет был усилен ряд сателлитов Наполеона, а далее она была принуждена к союзу с Францией с целью участия в войне против России. Идеологическое значение последней войны с Францией оказалось куда более весомым: оно показало наличие возможностей к сопротивлению, а также смогло доказать готовность австрийской монархии к взаимодействию с общественным мнением в условиях окончательного складывания полиэтничной централизованной империи, основанной на лояльности правящей династии Габсбургов³⁹.

Главным опытом для австрийского государства в 1808—1809 гг. стало налаживание диалога власти и общественности в контексте подготовки к войне с внешним противником и создание образа целостной импе-

рии в глазах, как минимум, образованной общественности и австрийских немцев. Использование с этой целью средств массовой информации при государственной поддержке было шагом, означавшим изменение подхода государственной власти в Австрии в отношении с подданными: по сути, так начался переход от подданнической политической культуры к гражданской. Это можно проследить как по языку представленных текстов, так и по публикации законодательных актов и обращений государственных деятелей к австрийской общественности. Газета «*Vaterländische Blätter für Österreichischen Staat*» оказалась в тот момент способной к участию в репрезентации господствующей идеологии в Австрии, чем и привлекла к себе внимание сторонников реформ в государственном аппарате и бескомпромиссной борьбы с Наполеоном. Публикация материалов по истории, культуре, государственной системе, общественно-политической жизни страны стала поворотной точкой в отношениях государства и общества в Австрии в период дискуссии о реформах и, в определенной степени, способствовала ей. Это подтверждала публикация текстов законодательных актов после их подписания императором или ответственными лицами по тому или иному направлению государственной деятельности.

Обращение к проблемам развития австрийских территорий, представленное в формате очерков, способствовало не только популяризации знаний о разных частях империи Габсбургов, но и работало на создание и поддержку образа единой общности, противостоящей враждебной агрессии и готовой встать на защиту не только правящего суверена, как это считалось ранее, но и собственных земель. По сути, это была часть перехода к гражданской политической культуре и заметному изменению отношений власти и общества в условиях противостояния внешней угрозе. Однако в отдаленной перспективе это послужило предпосылкой к началу дезинтеграции монархии Габсбургов по национальному признаку.

Тиражирование образов австрийской истории в газете происходило в основном с военным уклоном и в контексте начавшейся в 1809 г. войны с Францией: на страницах газеты чаще всего фигурировали военнослужащие и полководцы, считавшиеся героями. По сути, газета представила следующее понимание концепта «героя» и «героического», тиражируя его на примерах нижних чинов австрийской армии: в первую очередь, это связь с самопожертвованием в пользу не только правящего суверена, но и своего государства и общества, нацеленное на общую победу. В определенной степени это было следствием тезиса эрцгерцога Карла о необходимости слома сословного характера отношений между командованием и рядовым составом императорской армии. В части создания образа «героя» значился примат коллективного над индивидуальным, конструирование образа проходило именно как «самопожертвование во благо общества и страны», что было нацелено на демонстрацию правящей династии и руководства Австрии как включающих в свою репрезентацию не только военачальников, но и рядовых граждан, мобилизованных на защиту империи, в том числе негерманского происхождения.

Обращение к нарративу военно-исторического мифа в данных условиях не выглядело случайным. Основной фигурой и тиражируемым мифом в этот период стал принц Евгений Савойский, военачальник и участник ряда войн конца XVII — начала XVIII века. В качестве метода

тиражирования мифов о нем как о «победителе», «великом полководце», «герое» была выбрана публикация его корреспонденции, причем касавшейся не только военных действий, но и его мнения о внешней политике австрийского государства, в том числе, касательно Пруссии. Известный ранее неприязненным отношением к Гогенцоллернам и считавший присвоение королевского титула существенной ошибкой императора Леопольда I, с помощью этих писем он был представлен как сторонник укрепления боеспособности страны, обосновывавший необходимость этого акта в том числе «пруссской угрозой». Несмотря на в целом позитивное мнение президента Гофкригсрата о некоторых прусских военачальниках, его отношение к прусскому королю и его отношениям с Габсбургами было негативным и исходило из того, что столкновение двух центров силы в Германии неизбежно. В условиях 1808—1809 гг. это означало, что Австрия не только сохранила свои претензии на господство в Германии, но и обосновывала их, в том числе, с опорой на исторический нарратив, повернутый соответствующим образом, в неоунивералистском ключе.

Газета «*Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*» оказалась одним из наиболее успешных примеров мобилизации общественного мнения не только Австрии, но и Германии на борьбу с внешней агрессией. Некоторые из консервативных и промонархических идей были подхвачены после прихода к власти Клеменса фон Меттерниха и содействовали цементированию политического режима, основанного, в первую очередь, на наднациональных и имперских элементах в противовес национальным.

Примечания

1. HHStA. Reichsarchive (14—19. Jahrhundert). Reichskanzlei. Religionsakten 72—1, S. 1—28, 40—128.
2. Vortrag vor Kaiser Leopold II. vom “Polizeimeister” Johan Anton Graf von Pergen über die “wichtigsten Beschäftigungen der Geheimen Polizei”, 2.03.1790. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/deu/6_PoliceMeasures_Doc.1_German.pdf; VOCELKA K. Österreichische Geschichte 1699—1815. Glanz und Untergang der Hōfischen Welt. Representation, Reform und Reaktion im Habsburgischen Vielvölkerstaat. Wien. 2001, S. 275.
3. REINALTER H. Soziale Unruhen in Österreich im Einflußfeld der Französischen Revolution. In: Geschichte und Gesellschaft. Sonderheft, Vol. 12, Soziale Unruhen in Deutschland während der Französischen Revolution (1988), S. 193; GODSEY Jr. W.D. La societe etait au fonde legitimiste: Emigres, Aristocracy and the Court at Vienna, 1789—1848. — European History Quarterly. Vol. 35(1), p. 64; WILSON P.H. Bolstering the Prestige of Habsburgs: the end of the Holy Roman Empire in 1806. — The international History Review. Vol. 28, No. 4 (Dec. 2006), p. 712; COLE L. Nation, Anti-Enlightenment and Religious Revival in Austria: Tyrol in the 1790’s. — The Historical Journal. Vol. 43, No.2. (Jun., 2000), p. 478—479.
4. BÉRENGER J.A History of the Habsburg Empire, 1700—1918. N.Y.-L. 1997, p. 126—127.
5. ERKLÄRUNG Sr. Majestät des Kaisers Franz der II., wodurch er die Deutsche Kaiserkrone und das Reichsregiment niederlegt, die Kurfürsten, Fürsten und übrige Stände, wie auch alle Angehörige und Dienerschaft des Deutschen Reiches, ihrer bisherigen Pflichten entbindet, 6.8.1806. URL: <http://www.documentarchiv.de/nzjh/1806/franz-II-niederlegung-kaiserkrone.html>.
6. WILSON P.H. Op. cit., p. 712.
7. VOCELKA K. Op. cit., S. 134.

8. HHStA. Kabinettsarchiv (1523—1918). Staatsrat. Präsidialakten 2 (1758—1918), S. 112; Präsidialakten 3 (1758—1918), S. 18—33; INGRAO C. *The Habsburg Monarchy, 1618—1815*. Cambridge. 1994, p. 234.
9. ДАНН О. *Нации и национализм в Германии 1770—1990*. СПб. 2003, с. 66.
10. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*. 10.05.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080510&zoom=56>.
11. Такowymi именовали Австрию, Тироль, Штирию, Каринтию, Богемию, Моравию и Силезию.
12. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*. 20.05.1808.
13. INGRAO Ch. *Op. cit.*, p. 234—235; RAUCHENSTEINER M. *Kaiser Franz und Erzherzog Karl. Dynastie und Heerwesen in Österreich, 1796—1809*. Wien. 1972, S. 58—74.
14. INGRAO Ch. *Op. cit.*, p. 234—235; RAUCHENSTEINER M. *Op. cit.*, S. 58—74.
15. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*. 20.05.1808.
16. *Ibidem*. 13.01.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090113&seite=1&zoom=33>.
17. Этим термином обозначаются территории Австрии, Тироля, Богемии и Моравии, составлявшие ядро державы Габсбургов до войны 1683—1699 годов.
18. WILLIAMS C.E. *A Legacy of Empire. Aspects of Austrian Supranationalism*. — *Journal of European Studies*. 1971-I, p. 103—114; PATROUCH J.F. *The Making of five Images of the Habsburg Monarchy: before the nation there was agglutination*. — *Austrian History Yearbook*. 40 (2009), p. 91—98; *Armee-Befehl Sr. Kaiserl. Hoheit des Generalissimus Erzherzog Karl*. — *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*, 4.04.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090404&seite=1&zoom=33>.
19. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*. 27.05.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080527&seite=1&zoom=40>.
20. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*, 12.07.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080712&seite=5&zoom=40>.
21. *Ibidem*. 01.07.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080701&seite=6&zoom=40>.
22. *Ibidem*. 19.07.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080719&seite=7&zoom=40>.
23. *Ibidem*. 16.08.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18080816&seite=6&zoom=40>.
24. *Ibidem*. 19.07.1808.
25. В австрийской историографии эти события получили именно такое название. См., напр.: *Österreichische Geschichte 1804—1914: eine Chance für Mitteleuropa. Bürgerliche Emanzipation und Staatsverfall in der Habsburgermonarchie*. H. Rumpler. Wien. 1997, S. 200. В германской исторической науке так называется война 1813—1814 годов.
26. Этим термином обозначались лица, выдвинувшиеся в высшее военное и гражданское руководство монархии Габсбургов в период Австро-турецкой войны 1683—1699 годов. См.: LUND E. A. *The Generation of 1683: War and Knowledge in the Holy Roman Empire of the German Nation, 1658—1741*. Ph D. Thesis. Toronto. 1997, p. 80.
27. *Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat*. 31.03.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090331&seite=4&zoom=33>.
28. *Ibidem*.
29. Prinz Eugen an den Hofkanzler Grafen von Strattman, 19.08.1704. Цит. по: *Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat*. 31.03.1809.
30. Brief des Königs in Preußen Friedrich Wilhelm I. an Kaiser Karl IV. von 20. November 1730. Цит. по: *Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat*, 01.11.1808. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18081101&seite=1&zoom=33>.
31. MÜNKLER H. *Die Deutschen und Ihre Mythen*. Berlin. 2009, S. 273.
32. Орган военного управления в Австрии, координировавший действия военачальников и контролировавший их эффективность.
33. *Vaterländische Blätter für Österreichischen Kaiserstaat*. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090418&seite=22&zoom=46>.
34. *Ibidem*. 11.04.1809. URL: <http://anno.onb.ac.at/cgi-content/anno?aid=vlb&datum=18090411&seite=7&zoom=46>.

35. VOCELKA K. Op. cit., S. 180.
36. Armee-Befehl Sr. Kaiserl. Hoheit des Generalissimus Erzherzog Karl. Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat, 4.04.1809.
37. Friede von Schönbrunn, 14.10.1809. URL: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10934753_00001.html; FORCHER M. Anno Neun. Der Tiroler Freiheitskampf von 1809 unter Andreas Hofer. Ereignisse, Hintergründe, Nachwirkungen. Innsbruck-Wien. 2013, S. 9—11.
38. SÉVILLIA J. Le Chouan du Tyrol: Andreas Hofer contre Napoléon. Paris. 1991, p.14; Proklamation des Feldmarschalls Johann von Chasteler an das Volk Tirols, 24.04.1809. Цит. по: Innsbrucker Zeitung. No. 31, 24.04.1809; Proklamation des Erzherzogs Johann an das Volk Tyrols. Цит. по: Ibidem.
39. VOCELKA K. Op. cit., S. 181—182.

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201907Statyi09 ББК 63.3(2)-3/УДК 364.635(091)

Исторический анализ решения проблем беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних детей-сирот в России XVI— XX вв.

В. Н. Васильева, Л. Н. Лобченко

Аннотация. Работа посвящена исторической проблеме беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних детей-сирот на разных этапах развития российского общества и государства. Внимание также уделено вопросу становления и диверсификации учреждений для детей-сирот в кризисные периоды российского государства. Обозначены причины возникновения, масштабы и особенности безнадзорности и беспризорности в России в XVI— X вв.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, дети-сироты, проблемы безнадзорности.

Abstract. The paper is about the historical issue of child neglect and homelessness of orphans at various stages of development of Russian society and government. It also touches upon the establishment and diversifications of orphan care institutions during crisis period in the history of the country. The paper identifies the causes, scope, and specifics of child neglect and homelessness in Russia from the 16th to the 20th century.

Key words: child neglect, child homelessness, orphans, child neglect issues.

Проблема безнадзорности и беспризорности была актуальной для российского общества на всех этапах его становления и развития. Исследование опыта ее преодоления приобретает в условиях современности актуальность и вызывает исследовательский интерес, поскольку недоста-

---

Васильева Вера Николаевна — доктор социологических наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет». E-mail: Vasilevavn99@mail.ru; *Лобченко Людмила Николаевна* — кандидат исторических наук, доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет». E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

Vassilieva Vera N. — doctor of Sociology, professor. Murmansk Arctic State University (Federal State-Funded Establishment for Higher Education). E-mail: Vasilevavn99@mail.ru; *Lobchenko Liudmila N.* — candidat of historical sciences, associate professor. Murmansk Arctic State University (Federal State-Funded Establishment for Higher Education). E-mail: l.lobchenko@mail.ru.

точная изученность проблем безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних детей затрудняет организацию профилактики этого общественного феномена.

После крещения Руси вопросами призрения детей-сирот занималась Церковь. При князе Владимире I в 996 г. дело попечения и помощи сиротам было поручено духовенству. Заботился князь о прокормлении сирот и сам, раздавая милостыню сиротам, убогим и странникам.

Великий князь Ярослав учредил сиротское училище, где на его средства осуществлялось призрение и обучение 300 юношей. Призрение детей-сирот, как одну из главнейших обязанностей, рассматривал и Владимир Мономах. В «Поучении своим детям» — так называемой Духовной — он завещал защищать сироту и призывал: «Всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, снабдите сироту»¹.

В целом, призрение детей-сирот на Руси было первоначально делом князей, либо возлагалось на Церковь и осуществлялось из религиозных, моральных побуждений. Следует отметить, что на Руси уже в древности имели место весьма действенные способы защиты осиротевших детей путем их усыновления или передачи под опеку. Феномен опеки над несовершеннолетними своими корнями уходит вглубь истории.

Первый случай опеки над ребенком на Руси, относится к 879 г., когда после смерти князя Игоря опекуншей над Святославом стала его мать. Забота об осиротевших детях претворялась в жизнь и другими способами. Дети-сироты нередко попадали в монастыри, где их воспитывали, кормили и одевали. В некоторых монастырях, например, Кирилло-Белозерском, существовали детские приюты. Монастырь брал сирот «на корм», одевал, по мере их «подрастания» приспособлял к различным работам².

В монастырях, по предложению Феофана Прокоповича, «создавались училища, где обучались дети-сироты, а монахи работали учителями, писали учебники для школ, переводили книги на русский язык. Женским монастырям предлагалось иметь детские приюты для девочек-сирот»³.

Как справедливо отмечает В. О. Ключевский, «благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему»⁴.

Н. А. Костров, анализируя устройство осиротевших детей, подчеркивал: «Общество об них нисколько не заботится, предоставляя их на волю судьбы»⁵. Таким образом, бытовало и откровенно преступное отношение к осиротевшим детям.

Стремление предотвратить жестокое обращение в отношении детей-сирот способствовало формированию государственных форм призрения. Появлением новой тенденции был ознаменован XVI век. В период царствования Ивана Грозного в 1551 г. на Стоглавом соборе была высказана идея о том, что «в каждом городе необходимо выявлять всех нуждающихся в помощи — убогих и нищих, строить специальные богадельни и больницы, где бы им был обеспечен приют и уход»⁶.

В начале XVII в., несмотря на тяготы «смутного» времени, Борис Годунов заботился о вдовах и сиротах без различия их подданства и вероисповедания. Он, по свидетельству историков, «никаких не щадил средств и ежедневно раздавал в Москве огромные деньги бедным»⁷. Чрезвычай-

ные меры по оказанию помощи населению, в том числе и детям, страдающим от голода, предпринимал и Василий Шуйский.

Таким образом, к XVII в. помощь бедным и сиротам становилась делом не только частных лиц и православной церкви, но и учреждений власти.

По мере укрепления и централизации Российского государства к исторически сложившимся формам призрения детей-сирот прибавилась и система общественного призрения. В организацию приказов общественного призрения были заложены три, весьма плодотворных для того времени, принципа: самостоятельность местных благотворительных учреждений; привлечение к управлению благотворительными организациями представителей местного населения; обеспечение деятельности благотворительных учреждений более или менее достойными средствами.

Итак, система общественного призрения была представлена, с одной стороны, благотворительной деятельностью частных лиц и Православной церкви, а с другой — разветвленной сетью государственных учреждений, прямой задачей которых было оказание помощи нуждающимся людям и, конечно же, детям-сиротам.

В середине XVII в. при царе Алексее Михайловиче получила развитие идея постепенного сосредоточения призрения в руках гражданского общества. В это время были созданы приказы, целенаправленно занимавшиеся призрением бедных и сирот. В 1682 г. был подготовлен проект указа, где из общего числа нищих выделялись нищие безродные дети. Здесь же впервые был поставлен вопрос об открытии для них специальных домов с целью обучения детей грамоте и ремеслам, наукам, которые «зело и во всяких случаях нужны и потребны»⁸. Именно указанный проект, весьма значимый для становления отечественного образования, как бы завершал эпоху зарождения идеи государственного призрения. Теперь на место принципа «нищелюбия», благотворительности исключительно ради спасения души без соотнесения проблем призрения с задачами государства, выдвигалась новая идея, в основе которой лежали «нужды государства и забота о пользе населения»⁹.

Начиная с XVII в. становление системы детских учреждений осуществлялось в условиях сохранения традиционно сложившихся форм помощи по отношению к ним.

В начале XVIII при Петре I уделялось внимание опеке как форме устройства ребенка в семью. Своим указом царь повелевал заботиться о сиротах, «без призрения после родительства оставшихся подкидышей...»¹⁰

Пётр I своим Указом от 4 ноября 1715 г. предписал устраивать в Москве и других городах «гошпитали для зазорных младенцев». И «чтобы зазорных младенцев в непристойные места не отметывали, но приносили бы к вышеозначенным гошпиталиям и клали потайно в окно через какое закрытие, дабы приносимых лиц не было видно»¹¹. Эти «гошпитали» устраивались обычно около церковных оград.

В петровские времена в России, как и в Европе, практиковался, так называемый, «тайный прием», позволявший оставаться неизвестным лицу, подкинувшему ребенка. Источники финансирования «сиропита-

тельных гошпиталей» формировались частично за счет городских доходов, а частично за счет пожертвований частных лиц и церкви.

Итак, в петровский период воспитание детей-сирот было напрямую связано с государственной пользой и включало образование и просвещение.

Во времена Екатерины II в Указе «Учреждения для управления губерний» говорилось: «... если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию Признания большому числу сирот, то Приказ неимущих сирот отдает за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время Приказу»¹².

При Екатерины II создавались специальные учреждения для брошенных и оставшихся без семьи детей. В этот период, по инициативе различных частных благотворителей, открылись воспитательные дома в Новгороде, Воронеже, Оренбурге и других городах. Екатерина II не только инициировала их создание, но и укрепила административно-правовые основания деятельности приютов для «осиротелых» детей. Однако их деятельность нельзя было признать удовлетворительной. Так, в частности, В.Ф. Залесский в своем исследовании «Попечение беспризорных и покинутых детей» указывал на то, что в домах князей Вяземских условия жизни детей «были поистине ужасными»: они содержались в сырых и грязных помещениях, были плохо одеты и обуты, вынуждены заниматься попрошайничеством, воровством и развратом, курили, пили водку, сквернословили¹³.

Неудовлетворительная деятельность детских приютов стимулировала предписания Екатерины по устройству детей за умеренную плату в семьи к надежным, добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания. Передача на воспитание в деревенские семьи осуществлялась за плату (2 руб. в месяц). Там дети содержались первоначально до достижения 9-месячного возраста, а позднее — 5—7 лет. После этого им предстояло вернуться в Воспитательный дом, но из-за ограниченности мест в подобных домах дети иногда оставались в деревенских семьях. По достижении 17 лет мальчики, выросшие в деревенской семье, зачислялись в разряд казенных крестьян, им давали участок земли и необходимый инвентарь, а девочек обычно выдавали замуж. Это был первый опыт патронатного воспитания в России. Имели место и факты усыновления, но по большей части только тогда, когда в семье усыновителей не было прямых наследников.

Таким образом, реформы Екатерины II в сфере профилактики детского нищенства были направлены на организацию воспитания детей с целью подготовки полезных для общества граждан.

Кроме опеки и усыновления в России в XIX в. активизировалась практика патроната и патронажа, то есть «помещение беспризорных детей, больных и других лиц, нуждающихся в заботливом домашнем уходе, в частные семьи»¹⁴. В это время возникло понятие «патронат для падших», включавшее заботу: 1) о здоровье ребенка, 2) об обеспечении для него начального образования, 3) о развитии у него способности к труду с целью самообеспечения в будущей жизни. Этот вид патроната содержал

в себе зачатки новых форм патроната как способа охраны детей-сирот: «помещение беспризорных детей, больных и других лиц, нуждающихся в заботливом домашнем уходе, в частные семьи»¹⁵. Закон от 5 декабря 1866 г. предписывал: «Выпущенные из приюта несовершеннолетние должны состоять в течение определенного срока под покровительством приюта, который обязан оказывать им возможное содействие в деле устройства их будущности»¹⁶.

В XIX в. устройство осиротевших бездомных детей оставалось предметом государственной заботы. Постепенно стали практиковаться новые формы оказания помощи нуждающимся матерям и устройства осиротевших детей. Оказание помощи женщинам, родившим детей, оказалось неэффективным по причине непродуманности механизма. Павел I издал Указ о выдаче пособия бедной матери, которая не могла воспитывать детей собственными средствами, но желающих получить его было много.

Детские учреждения для осиротевших детей продолжали появляться и за счет частной благотворительности. Первый подобный приют был открыт в России в 1837 году. Для руководства и организации контроля за деятельностью приютов в 1838 г. был создан Комитет главного попечительства, а в 1839 г. разработано «Положение о детских приютах». Разнообразие форм и видов призрения осиротевших детей на местах предопределяло и различия регламентации их деятельности. Так, в 1872 г. в Москве организуется общество охраны детей, просящих милостыню. В 1889 г. появляется первое общество защиты детей¹⁷, объектом внимания которого становятся и дети-сироты. Возникает диверсификация обществ, занимающихся вопросами социальной защиты: «Общество защиты детей от жестокого обращения», «Общество попечения над малолетними преступниками», «Детские ясли», «Общество спасения падших девушек», «Капля молока» и другие. Многие из них занимались охраной детей, нуждавшихся в общественном призрении.

Важным направлением работы с детьми в условиях дореволюционной России была профилактическая деятельность по предупреждению девиантного поведения. В 1866 г. был принят закон, касающийся организации исправительно-воспитательных приютов, но открываться такие приюты, согласно Т. Шустровой, стали только тридцать лет спустя¹⁸. К началу первой мировой войны было уже 63 приюта с 2800 воспитанниками.

Поскольку воспитательных домов было немного, то сохраняла распространение практика патроната детей-сирот в крестьянские семьи, а также усыновления, в том числе за плату.

Несмотря на то, что на заре XX в. в широких кругах европейского общества грядущее столетие было принято называть «веком ребенка», оно принесло населению России, в том числе и детям, физические и нравственные страдания, разрушение семей, гибель родителей, голод и нищету в огромных масштабах.

Проблемы детства усугубил Октябрь 1917 года. В этот период молодая советская республика столкнулась с массовым сиротством и беспризорностью, основной, если не единственной, формой устройства стали государственные детские дома. В 1918 г. все дети были объявлены государственными и до 1989 г. расширялась сеть разнообразных форм дет-

ских домов. Все дети молодой России признавались детьми государства и находились под его защитой.

В послереволюционный период была осуществлена реорганизация детских приютов, на базе которых стали функционировать новые детские дома, наполненность которых постоянно увеличивалась. Если в 1917 г. в детских домах воспитывались 25 тыс. детей, то в 1918 г. число воспитанников утроилось, в 1919 г. увеличилось в 5 раз, а в 1921 г. в детских домах содержалось 205 703 ребенка.

В решении проблем детской беспризорности принимали активное участие вспомогательные учреждения: приемники, распределители, изоляторы. В приемниках оказывалась первая помощь, в том числе медицинская, затем дети попадали в распределители, где они находились более длительное время, адаптируясь к новым условиям. Из распределителей и изоляторов детей отправляли либо в детские дома, либо в «лечебно-оздоровительные учреждения».

Поскольку следствием роста беспризорности в послереволюционный период стало увеличение детской преступности, то декретами от 14 января 1918 г. и 4 марта 1920 г. были созданы комиссии по делам несовершеннолетних, которые рассматривали дела правонарушителей, не достигших 18-летнего возраста. Правонарушителей направляли в учреждения для «морально-дефективных» детей, сеть которых также расширялась. Если в 1919 г. на территории РСФСР было 58 специализированных детских домов, то в 1921 г. их стало уже 66 с 2556 воспитанниками.

Кризис системы воспитания детей-сирот инициировал его обсуждение на II Всероссийском съезде социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН) в ноябре 1924 года. Значение этого съезда для решения проблем беспризорности и детской преступности огромно: участники съезда подвергли критике идеи о личностных причинах беспризорности и преступности и назвали в качестве основной причины тяжелые социально-экономические условия, заставлявшие детей вести борьбу за выживание и средства существования.

Первоначально забота о детях-сиротах была возложена на Народный комиссариат социального обеспечения, который был перестроен в Отдел дефективных детей, а затем в Народный комиссариат здравоохранения. Общество, осознавая несовершенство социальной защиты детей, породившего рост преступлений несовершеннолетних, вынуждено было предпринимать меры по развитию ювенального законодательства. Было принято решение о ликвидации комиссий по делам несовершеннолетних, их обязанности возлагались на работников народного просвещения. Большое влияние на формирование системы коррекционной работы с беспризорниками (профилактики в то время почти не существовало) в советский период оказал опыт организации колоний для детей с девиантным поведением А. С. Макаренко и С. Т. Шацкого.

Вопросы борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью всегда находились в центре внимания партийных, советских и комсомольских органов, являлись особым предметом надзора органов прокуратуры, а в годы Великой Отечественной войны стали приоритетным направлением их деятельности. Так, к примеру, на территории Мурманской области в системе областного управления НКВД в феврале 1942 г. была

создана специализированная служба, в составе которой было организовано отделение по борьбе с детской безнадзорностью и преступностью¹⁹. Одновременно был создан Мончегорский детский приемник-распределитель. В Мурманске, Мончегорске и Кировске были образованы детские комнаты милиции. Принимались меры для устройства детей, потерявших родителей. При местных Советах большинства городов области учреждались специальные комиссии; дополнительно были открыты четыре детские комнаты (к концу войны их уже насчитывалось семь), школа ФЗО на базе треста «Мурманрыбстрой», ремесленное училище при комбинате «Североникель». При паспортно-регистрационном отделе милиции был создан справочный детский адресный стол, который помогал родителям и родственникам отыскивать потерявшихся детей. К началу 1945 г. на его учете числились 665 мальчиков и девочек, оставшихся без родителей и потерявших связь с ними.

Безнадзорных и беспризорных детей, согласно инструкции НКВД и Прокурора СССР, Мурманский приемник-распределитель направлял в детские воспитательные колонии, расположенные в других областях СССР. Сотрудниками прокуратуры проводились систематические проверки на предмет количества выявленных беспризорных детей и подростков, привлеченных из их числа к уголовной ответственности, направленных в детские воспитательные колонии, возвращенных родителям. Так, в первом квартале 1944 г. по Мурманской области было выявлено 58 беспризорных ребят, из них 26 — трудоустроены, 14 чел. направлены в детские дома, 3 чел. возвращены родителям, 2 чел. направлены в детские колонии. Таким образом, к концу квартала в детском приемнике находились 12 человек. К уголовной ответственности за 1 квартал 1944 г. было привлечено 65 несовершеннолетних.

Во втором квартале 1944 г. было выявлено 48 беспризорных, из них 11 чел. трудоустроено, 7 чел. направлено в детские дома и 7 возвращено родителям. В этот же период было задержано 311 безнадзорных детей, из них к уголовной ответственности привлекли 73 человека. Обращает на себя внимание и количество возвращенных родителям детей — 162 человека.

В третьем квартале 1944 г. было задержано 83 беспризорных ребенка и 287 безнадзорных. Из их общего числа было трудоустроено 30 чел., возвращено родителям — 60, направлено в детские дома — 62, привлечено к уголовной ответственности — 57 человек.

Таким образом, за три квартала 1944 г. было выявлено 919 безнадзорных и 189 беспризорных детей²⁰. Следует отметить, что в это трудное военное время принимались меры административного воздействия по отношению к родителям, не уделявшим достаточного внимания воспитанию детей. Так, за три квартала 1944 г. было оштрафовано 196 родителей на сумму 19055 руб., предупреждено 334 родителя.

В годы войны в целях повышения эффективности работы с безнадзорными детьми было принято решение об организации контроля за поведением детей в общественных местах с установлением санкции об административной ответственности. Подобные постановления публиковались в печати, что способствовало снижению случаев правонарушений со стороны детей и лиц несовершеннолетнего возраста.

После войны, для решения проблем детей-сирот, было создано более 650 детских домов, в которых находилось более 600 тыс. детей. В этот период активно осуществлялся поиск новых форм устройства осиротевших ребят, но эти поиски не выходили за рамки интернатных учреждений: детских коммун, городков, трудовых колоний, пионердомов.

В 50—60-е гг. XX в. во времена «хрущевской оттепели» вопросам профилактики безнадзорности детей уделялось много внимания. Об этом свидетельствуют результаты правительственной пропаганды, работа пионерской и комсомольской организаций, а также содержание принятых в постановлениях Правительства. Однако многое, намеченное в годы советской власти, только декларировалось и потому оставалось лишь на бумаге. В 70—80-е гг. Коллегией МВД СССР не раз отмечалось, что сложившаяся система коррекционной и профилактической работы с детьми-сиротами неэффективна и зачастую оборачивается разрастанием масштабов безнадзорности ²¹.

Таким образом, решение проблем безнадзорности и беспризорности в дореволюционной и советской России имело свои особенности: забота о несовершеннолетних детях-сиротах, оставшихся без родителей, осуществлялась по двум направлениям: устройство детей под опеку или в детские государственные учреждения. Работа по борьбе с безнадзорностью несовершеннолетних детей на всех этапах была недостаточно эффективной, что подтверждается как увеличением числа безнадзорных, так и ростом преступности среди несовершеннолетних детей.

В постсоветский период социальное и экономическое расслоение общества, разрушение прежних социальных ценностей и мотивов поведения отразились на жизнедеятельности незащищенных слоев населения, прежде всего, детей. Изменение общественного устройства в России разрушило основы прежней системы воспитания и образования молодого поколения, ухудшило положение детей и возможности семьи и государства по их жизнеобеспечению и развитию.

В.Н. Толтов, ссылаясь на исследование А.И. Голгожинского, утверждает, «что детская безнадзорность зачастую является следствием малообеспеченности, когда людям приходится тратить свои средства полностью на текущие нужды, причем большая часть дохода уходит на питание. Экономическая ситуация вынуждает взрослых концентрировать свое внимание на проблеме заработка и материальной обеспеченности семей, и они не могут уделять должного внимания воспитанию своих детей» ²².

В постсоветский период одной из причин роста детской безнадзорности являлась бедность достаточно большого числа россиян (15% населения), которые не в силах обеспечить своего ребенка нормальной едой, одеждой, образовательными и медицинскими услугами. Малообеспеченность семей порождала социальную фрустрированность, ставшую «нормой восприятия жизни». В результате кризиса современной семьи ослаблялся ее воспитательный потенциал, разрушались нравственные устои. Следовательно, кризис семьи на фоне социально-экономического состояния и духовно-нравственной ситуации в России становился основной причиной, предопределяющей распространение безнадзорности. Увеличивалось число детей, пострадавших от жестокости родителей. В больницах начинали лечить малолетних детей, оставшихся без присмо-

тра и питания. Пьянство, наркомания, аморальный образ жизни, отказ от содержания и воспитания детей усугубили и без того сложную картину безнадзорности.

В 2004 г. около 100 тыс. несовершеннолетних детей стали жертвами преступных посягательств, почти 4 тыс. погибли, более 4,5 тыс. получили тяжкие увечья, около 24 тыс. числилось без вести пропавшими, в их числе 8600 малолетних детей²³.

Из-за педагогической некомпетентности родителей, их чрезмерной занятости на производстве и в быту, предоставленные самим себе безнадзорные дети забрасывают учебу, попадают в неблагонадежные компании, бесцельно и непродуктивно проводят время. Перегруженность родителей в сфере общественного производства и дома также является одной из причин сокращения позитивного внимания семьи к детям и детской безнадзорности.

Еще одним фактором, порождающим рост детской подростковой безнадзорности, является социальное сиротство. Дети и подростки, родители которых не лишены родительских прав, из-за медлительности органов опеки и попечительства вынуждены длительное время, вплоть до нескольких лет, проживать в неблагополучной семейной обстановке. Отсутствие должного ухода, пренебрежение к интересам и потребностям развивающейся личности в семье порождают увеличение масштабов безнадзорности и беспризорности.

Современные беспризорные — это не только дети без родителей, которые по той или иной причине умерли или погибли. Это и дети тех родителей, которые от них отказались. Исследователь Л. Калашников констатирует, что 90% из 730 тыс. сирот — это дети, у которые родители живы²⁴. Ежегодно примерно 500 тыс. отцов и матерей привлекаются к административной ответственности за «ненадлежащее исполнение своих обязанностей», а 70—75 тыс. лишаются родительских прав.

По данным Е.Б. Мизулиной, детей-сирот в России в постсоветский период было больше, чем в годы войны: 697 тыс. против 678 тысяч. Резко возросло количество возвратов детей-сирот из приемных семей в детские дома. В 2007 г. по всей стране более 6 тыс. приемных родителей отказались от детей, которые жили вместе с ними под одной крышей, в 2010 г. таких было уже почти 30 тысяч²⁵.

Ряды безнадзорных и беспризорных пополняли дети, убежавшие из специализированных учреждений для несовершеннолетних. Некоторые из них до поступления в государственные приюты жили в семьях родителей-алкоголиков, подвергались побоям и вынуждены были уйти из дома: «Мои родители — алкоголики, у меня с ними плохие отношения, поэтому убежал из дома. Я убегаю не первый раз» (Андрей Л., 13 лет). «Мой отец умер, а мама меня не любит. Я ей совсем не нужен. Она меня часто бьет» (Никита П., 12 лет)²⁶.

На состоянии проблемы детской и подростковой безнадзорности повлиял кризис общеобразовательной и профессиональной школы, связанный с отменой обязательного среднего (полного) общего образования и коммерциализацией профессионального образования. После окончания 9-го класса многие пятнадцатилетние подростки не работали и не учились, а общеобразовательная школа уже не отвечала за всеобщность образова-

ния: «... 2 000 000 подростков были неграмотны, 700 тысяч — сироты»²⁷. Дополнительным фактором, усугубляющим асоциальность жизненных ориентаций детей, оказалось позиция школы, которая стала только учить и перестала воспитывать, вследствие чего утратила свою когда-то основную, социализирующую роль. Практически разорваны связи общеобразовательной школы с семьей, которые были эффективным механизмом выявления и предотвращения детской безнадзорности и беспризорности.

Наряду с дефектами школьной социализации к числу основных причин

безнадзорности можно отнести деформацию государственной инфраструктуры социализации и общественного воспитания детей. Существенно сократилось число дополнительных образовательных учреждений, домов детского творчества, детских санаториев, домов культуры, спортивных учреждений, музеев, учреждений семейного отдыха и досуга, летнего отдыха детей, музыкальных и художественных школ.

В постсоветское время, по данным МВД, все больше малолетних преступников оказывались детьми из благополучных семей, которые понимали, что никому не нужны, и совершали преступления из подсознательного чувства мести за невнимание.

Таким образом можно выделить ряд причин, способствующих распространению детской безнадзорности и беспризорности, среди которых: нехватка внимания, родительской любви, заботы; социально-экономический кризис и слабая социальная поддержка малообеспеченных семей; кризис семьи и семейного воспитания, приводящий к искажению нравственных качеств личности, деформации ценностных ориентаций; низкая эффективность работы органов опеки и попечительства, нуждающихся в принципиальном реформировании; недостаточное финансирование соответствующих учреждений, недоукомплектованность их специалистами, недостаточное финансирование государственных программ; ослабление работы по организации досуга детей по месту обучения и проживания;

Жизнь безнадзорных и беспризорных детей оборачивается тяжелыми для них и общества последствиями. Эффективное решение данной проблемы затруднялось по следующим причинам: институты государственной системы профилактики безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних детей зачастую действовали неэффективно; в ряде регионов России была недостаточно развита сеть специализированных учреждений для несовершеннолетних детей-сирот; во многих регионах отсутствовали специализированные учебно-воспитательные учреждения для детей и подростков с девиантным поведением, не была развита подростковая наркологическая служба; не отвечало современным требованиям нормативно-правовое, научно-методическое и кадровое обеспечение работы по профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних, их социальной реабилитации. Следствием всех перечисленных проблем стал рост безнадзорности и беспризорности и подростковой преступности.

Беспризорность и безнадзорность — это следствие обострения различного рода проблем: социально-демографических процессов, падения жизненного уровня населения, резкого обострения социального рассло-

ения между богатыми и бедными, понижения уровня образования и воспитания и т. д. Все эти тенденции приводят к необратимым негативным процессам, отклонению от общественных норм, увеличению «социальных болезней» XXI в., криминализации среди несовершеннолетних, нравственному падению, деградации современного общества, усилению социально-политической напряженности и социальной безопасности России, создавая проблемы в восполнении трудовых и мобилизирующих ресурсов.

Проблема беспризорности и безнадзорности детей — весьма сложная и многосторонняя, требующая объединения всех общественных сил, решение которой займет длительный период времени. Общество и государство должны приложить максимум усилий, чтобы остановить развитие и прогрессирование беспризорности и безнадзорности. Государству необходимо выработать такую политику, которая учитывает материальные, психологические аспекты полноценной жизнедеятельности семьи и повышения качества ее жизни. Изменение ценностных приоритетов государства и общества в пользу семейности, уравнивания института семьи с другими социальными институтами обязательно поможет коренному оздоровлению общества, семьи, ее социально-экономическому и духовно-нравственному состоянию с тем, чтобы количество безнадзорных и беспризорных детей неуклонно уменьшалось.

Примечания

1. ГОГЕЛЬ С. Министерство общественного призрения. — Призрение и благотворительность. 1917, № 6/7, с. 20—24.
2. НЕЧАЕВА А. М. Россия и ее дети. М. 1996, с. 39.
3. Там же, с. 76.
4. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Добрые люди Древней Руси. В кн.: Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. 1990, с. 77—94.
5. Там же, с. 38.
6. Стоглав: Собор, бывший в Москве при Великом Государе Царе и Великом Князе Иване Васильевиче (в лето 7059). СПб. 1997, с. 198.
7. МАКСИМОВ Е. Д. Начало государственного призрения в России. — Трудовая помощь. 1900, № 1, с. 41.
8. Там же, № 1, с. 42.
9. НЕЩЕРЕТНИЙ П. И. Исторические корни и традиции развития благотворительности в России. М. 1993, с. 31.
10. ДОВГАЛЕВСКАЯ А. И. Семейное воспитание приемных детей. М. 1948, с. 8.
11. ЛЕВИНСТИМ А. А. Профессиональное нищенство, его причины и формы. СПб. 1901, с. 29.
12. Указ Екатерины второй. «Учреждения для управления губерний»: Полное собрание законов Российской империи: в 55-и томах. Т. 20. СПб. 1775, с. 229.
13. ЗАЛЕССКИЙ В. Ф. Попечение беспризорных и покинутых детей. Казань. 1916, с. 15.
14. ДРИЛЯ Д. А. Бродяжничество и нищенство и меры борьбы с ними. — Журнал министерства юстиции. 1898, № 4, с. 14.
15. Указ Екатерины второй. «Учреждения для управления губерний», т. 20, с. 223.
16. КУФАЕВ В. И. Повторные правонарушения несовершеннолетних. — Право и жизнь. 1923, № 1, с. 4—6.
17. БАХРУШИН С. В. Малолетние нищие в Москве: Исторический очерк. М. 1933, с. 3.
18. ШУСТРОВА Т. Организация профилактики девиантного поведения детей в истории России. — Учитель. 2005, № 3, с. 80—82.

19. ЯНГОЛ Н.Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. СПб. 2000, с. 236.
20. Государственный архив Мурманской области (ГА МО), ф. 901, оп. 1, д. 27, л. 11—17.
21. КРЮКОВА Н.И. Несовершеннолетние преступники. В кн.: Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. М. 1997, с. 22.
22. ТОЛСТОВ В.М. Отклоняющееся поведение в молодежно-подростковой среде и работа школы по социализации детей. В кн.: Ученые записки МГПУ. Общественные науки: сб. научных статей. Мурманск. 2007, с. 277.
23. ИВАНОВА Д. Уличные дети благополучного города: [Http: // www/ journal. spbu/ ru/ 2005/16/11/shtml](http://www/journal.spbu.ru/2005/16/11/shtml).
24. КАЛАШНИКОВ Л. Чисто российское явление. — Рабочая газета. 2008, 16 февраля, с. 2.
25. ВЕТРОВ Ю.П. Состояние и проблемы профилактики беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних. — Педагогика. 2010, № 2, с. 101—107.
26. БРЕЕВА Е.Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России. М. 2004, с. 33.
27. Российская газета. 2007, 20 июня, с. 17.

Первоначальные формы уголовного наказания в истории Древнего мира

К. В. Корсаков

Аннотация. Данная публикация посвящена изучению первых практик уголовного преследования — древнего обычая кровной мести и ветхозаветного правила талиона, которые исследуются автором в историческом, правовом, культурологическом и эволюционном аспектах. Сформулированы выводы и заключения о причинах и условиях возникновения, социально-правовом значении, а также исторической, юридической и культурной роли института кровомщения и закона талиона как известных истории права архаических форматов и средств уголовного преследования за совершение преступных деяний.

Ключевые слова: древнее право, история карательного права, кровная месть, принцип талиона, формы уголовного наказания, генезис уголовного наказания, преследование преступников.

Abstract. This publication is devoted to the scientific understanding of the ancient custom of blood revenge and the old testament rule of talion, which are considered in the historical, cultural, legal and evolutionary aspects. The author of the article formulates reasoned conclusions and conclusions about the causes and conditions of the emergence, social and legal significance, as well as the historical, legal and cultural role of the institute of blood revenge and the law of talion as the oldest forms of criminal repression.

Key words: ancient law, history of punitive law, blood revenge, principle of talion, forms of criminal punishment, Genesis of criminal punishment, prosecution of criminals

---

Уголовное наказание как один из центральных институтов публичного по своей имманентной сути уголовного (карательного) права имеет тысячелетнюю историю поступательно-эволюционного развития. Возникнув на заре человеческой истории, оно было представлено в таких зачаточных и архаичных репрессивных форматах реакции социума на преступное поведение его членов как кровная месть и закон талиона — социальных обычаях и нормативах, которые выкристаллизовались в об-

---

Корсаков Константин Викторович — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург. E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

Korsakov Konstantin V. — candidate of legal sciences, senior researcher of the Institute of Philosophy and Law, Ural branch of the RAS, associate professor of the Ural Federal University named after the first Russian President B.N. Yeltsin. Ekaterinburg. E-mail: korsakovekb@yandex.ru.

щественно-правовой жизни древних сообществ еще в эпоху первобытного и родоплеменного быта.

Кровная месть в тот исторический период выступала важным элементом коллективной борьбы за существование и сохранение рода (племени) как этнической и социально-политической единицы, широко использовалась в общественной практике не только в случае убийства или похищения человека, но и при совершении любого насильственного преступления в отношении соплеменника.

Кровомщение являлось не столько правом обиженной, пострадавшей стороны конфликта, сколько ее обязанностью, так как любой добровольный отказ от кровной мести обрекал отступника на презрение со стороны его соплеменников и сородичей: «Кто не убьет убийцу своего отца, должен считаться незаконнорожденным» — писал об этом арабский историк Табари¹. Указывая не только на социальные, но и на религиозные предпосылки древнего обычая кровной мести, И. Я. Фойницкий подчеркивал: «Тот, кто не мстит за причиненную ему или членам его семьи обиду, тот признается позорным, оскорбляющим богов и нарушающим свой долг по отношению к обществу»².

Было бы некорректным считать, что институт кровной мести представлял собой форму частного, партикулярного преследования обидчика (подобно дуэлям в более позднюю феодальную эпоху): еще А. П. Чебышев-Дмитриев верно заметил по этому поводу, что кровомщение со стороны субъекта, пострадавшего вследствие совершенного посягательства, является не столько его привилегией и правомочием, за реализацией которого внимательно следит его социальное окружение, сколько его обязанностью, «осуществление которой так же мало зависит от субъективного взгляда мстителя, как слова и формы эпической поэмы от передающего ее певца»³.

Обратная точка зрения основывается на распространенном мнении, согласно которому частноправовые начала предшествовали первым институтам публичного уголовного права. На наш взгляд, появление первых регуляторов той социальной нормативности, которая в древнеримскую эпоху получила название публичного права (*jus publicum*), предшествует по времени возникновению системы частного права. В то же время ряд современных ученых-позитивистов, ведущих отсчет истории европейского права с Древнего Рима, где, несомненно, в результате деятельности юристов появились категориальное правовое мышление и основные юридические конструкции, настаивают на сравнительно позднем выделении отрасли уголовного (наказательного, карательного) права из области права гражданского (частного).

Полагаю, что дело тут в упущении того обстоятельства, что публичное право на европейском пространстве возникло и развивалось не только в Древнем Риме, но и в других уголках континента; как раз древнеримскому праву (в отличие от обычного права древнегерманских и древнеславянских племен) с его частноправовой доминантой была присуща неразвитость именно публичной уголовно-правовой составляющей (большинство преступных деяний, за исключением религиозных; государственных и особо тяжких преступлений, преследовалось в частном, исковом судебном порядке, преобладала имущественная, а не личная

ответственность, хотя кровная месть признавалась верховной властью, а в древнеримской армии долго использовались древние италийские правовые обычаи: в частности, децимация в отношении бежавшего с поля боя воинского подразделения).

Древнему общинному праву германских племен — причем задолго до периода романизации и правовой рецепции — также известны нормы частногоправового порядка: таковы, в частности, альменда — древний обычай, дающий право охоты, прогона или выпаса скота на соседских землях (аналог одного из древнеримских сервитутов) и одал — северогерманское обычно-правовое правило неотчуждаемой родовой земельной собственности, согласно которому земельные участки семейств и кланов, которые передавались по наследству, не могли быть проданы, обменены или разделены на доли.

До этапа формирования — при упрочившейся политической власти — специального, профессионального правоприменительного аппарата кровная месть, безусловно, чаще всего осуществлялась отдельными частными лицами и их группами, однако нельзя не принимать во внимание тот факт, что данные индивиды, всегда представляющие коллектив, который «делегирует» им это право, и несущие строгую ответственность перед этой социальной общностью за реализацию последнего, преследовали не столько собственные, сколько коллективные интересы и цели, выражали своим поведением общую, публичную волю, нацеленную на скорое возмездие преступнику за содеянное.

Кровная месть, обладая очевидными отрицательными сторонами, связанными в большей степени с внесудебным и субъективным характером преследования обидчика и образованием циклической череды актов обоюдостороннего насилия (длившаяся столетиями межродовая рознь на почве кровной мести нередко приводила к полному истреблению целых фамилий, фратрий, тейпов и кланов, например, в древней Абхазии, Аджарии, Дагестане, Черногории и Шотландии), в то же время заключала в себе и ряд положительных моментов, потому как «она была нацелена не столько на то, чтобы разрушить жизнь, а больше на то, чтобы заставить ее уважать»⁴.

Во многом благодаря этому своему качеству кровная месть не является исчезнувшим феноменом истории древнего права, а, оказавшись укорененной в глубинных пластах коллективного правового сознания, продолжает применяться и в наше время в горных районах Албании, на Северном Кавказе и в целом ряде азиатских, южноамериканских и африканских государств мира (Афганистан, Йемен, Сомали, Бразилия и др.).

Другой не менее древней формой ретроспективной реакции социума на преступное поведение было уголовное преследование преступника на основании принципа талиона (слово «талион» возникло значительно позже, нежели само это древнее правило: оно появилось в терминологии древнеримского права, а латинское слово *talis*, от которого оно было образовано, происходит от общеиндоевропейского корня *tal*, означающего «соизмерять», «уравновешивать»).

Закон талиона нередко связывается не только со становлением представлений древних людей о справедливости (ее в научной литературе нередко называют коммуникативной, корректирующей, ректификацион-

ной, уравнивающей), но и с появлением феномена совести, выводимого рядом авторов из ощущения вины, которое в христианской религии воплощено в догматах об изначальной греховности, виновности всего человеческого рода, то есть раскаяния вследствие совершения архаическими людьми первопреступления, первородного греха. По мнению З. Фрейда, из христианского вероучения мы не можем узнать о том, в чем состояло это коллективное преступление, однако если мессия принес свою жизнь в жертву, чтобы искупить этот грех, то согласно господствовавшей в древние времена бескомпромиссной логике талиона, который предписывал всегда воздавать за содеянное равным, симметричным, этим первопреступлением было убийство: только оно могло потребовать в качестве меры возмездия такой жертвы, как жизнь. Поскольку первородный грех является проступком перед богом-отцом, то самым первым человеческим преступлением было умерщвление своего прародителя племенем первобытных людей, в памяти которых образ убитого преобразился в тотем, а затем — в монотеистическое божество. То обстоятельство, что в христианстве о первом грехе человека говорится как о прегрешении перед богом, и Христос, спасая людей от его тяжести, жертвовал своей жизнью, приводит Фрейда к мысли о том, что этим грехом могло быть только убийство (самопожертвование в рамках укоренившейся тогда и безальтернативной этики талиона указывает нам на кровавую вину) и к выводу о том, что если лишь одно приношение в жертву собственной жизни ведет к примирению с богом-отцом, то преступлением, которое надлежит искупить ценой этой жизни, может быть только убийство отца ⁵.

Наиболее древним из дошедших до нас законодательных актов, включающих наказания по принципу талиона (краткой классической формулировкой которого считается норма Пятикнижия Моисея — «око за око», полностью звучащая следующим образом: «А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, рука за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» ⁶), является свод законов нововавилонского лугалья Хаммурапи, датированный серединой XVIII в. до н.э.

Предшествующие ему месопотамские правовые акты — законы Урукагины (г. Лагаш) XXIV в. до н.э., законы Шульги (Ур-Намму) (г. Ур) XXI в. до н.э., законы Билаламы (г. Эшнуна) XX в. до н.э. — в качестве наказания в подавляющем большинстве случаев предусматривали композиции — пеню, штрафные санкции — поэтому современные авторы, утверждающие, что шумерам не был известен принцип талиона, нередко противопоставляют их менее гуманному в этом плане ветхозаветному законодательству.

Появление правила талиона, прежде не известного народам Междуречья (убайдцам, шумерам, аккадцам и др.), в законах царя Хаммурапи было обусловлено значительным влиянием правовых традиций аморитов (амореев), которые в начале II тыс. до н.э. появились в Месопотамии, а в 1894 г. до н.э. захватили Вавилон, внося в жизнь этого региона элементы своей правовой культуры. Полагаем, что принцип талиона уже в конце III тыс. до н.э. получил распространение среди семитских племен: амореев, арамеев, а также халдеев и финикийцев, у которых он заимствовался соседними народами в процессе ассимиляции и культурного обмена.

Это подтверждается применением уголовных наказаний на основе талиона в его натуральной и символической (отрезание языка за разглашение государственной тайны) формах в Древнем Египте, население которого обладало языковой близостью с семитами и испытывало на себе влияние их цивилизации, фактом закрепления подобных наказаний в законодательстве Ассирийского государства и отсутствием их в праве индоевропейцев-хеттов, предполагавшем ответственность за содеянное на контрибуционных основах, то есть возмещение вреда посредством выкупов ⁷, и уже различавшем умышленную и неосторожную формы вины.

Закон талиона применялся до нашей эры не только древними племенами семитов: он отражен в ряде древнеиндийских дхармашастр и артахашастр (например, законах Ману ⁸, Нарадах, артахашастре Каутильи), практиковался в Древнем Китае, зафиксирован в древнеримских Законах XII таблиц 451—450 гг. до н. э., которые, согласно Цицерону, учащиеся заучивали наизусть «как необходимую песнь», и применялся за преступные посягательства на личность (*injuria*), связанные с нанесением ран и увечий.

Сопоставление институций и сентенций римских правоведов ⁹ с законодательством Моисея, осуществленное М.Д. Соломатиным ¹⁰, выявило их поразительное концептуальное сходство во многих вопросах, связанных с уголовными наказаниями: как и римское публичное право, берущее свое начало из правовых обычаев италиков, так и ветхозаветное иудейское право, проникнуты идеями возмездия (*supplicium*), высшей справедливости с ее абсолютистским духом, они нацеливают в своих императивах и положениях на практическое воплощение этих идей в правоприменительной практике.

Как известно, в V в. до н. э. на юге Апеннинского полуострова преобладало пришедшее из греческих полисов учение пифагорейцев, заметно повлиявшее на правовую жизнь древних римлян: не случайно изначальным наименованием Законов XII таблиц было «Трижды по четыре таблицы» (*Ter tabulae quaternae*), а цифра четыре в пифагорейских школах, сводивших отдельные фрагменты реальности к определенным числам, олицетворяла справедливость. Нашедший отражение в Законах XII таблиц принцип талиона, имевший значимость для пифагорейского течения благодаря его арифметическому основанию и использовавшийся как иллюстрация того, что «справедливость есть равносто равное число», соответствует их принципу справедливого возмездия, уравнивающему преступный вред и меру уголовного наказания. Причем, этот принцип был характерен не только для концепций греков-пифагорейцев и их последователей, но и для всего древнегреческого права в целом, как для обычного права греков (темис), так и для позитивного (письменного) права (законы Драконта, критские законы эпохи Миноса и др.).

Центральными понятиями для всей правовой традиции эллинов являются справедливость (Дике), довлеющая не только над природой и человеком, но и над самими олимпийскими богами ¹¹, и неотделяемое от нее возмездие, воплощением которого была богиня Немезида, также олицетворявшая собой идеи неизбежности, неотвратимости наказания и его точного соответствия степени нарушения справедливости (ее атрибутами были колесница, меч и уравнивающие нанесенный престу-

плением ущерб и объем неминуемой кары весы — символ соразмерности воздаяния).

Логике талиона не противоречили и нашедшие свое закрепление в законах древних эпох представления о вменяемости как условии ответственности: так, лангобардское право предписывало: «Если... человек взбесится или обезумеет и нанесет ущерб человеку или скоту, пусть наследники не требуют оплаты; если же кто-либо будет убит, равным образом пусть не требуется. Но без вины, однако, пусть не умерщвляется»¹².

Самобытное лангобардское право, которое в отличие от права франков и бургундов не испытало на себе большого влияния древнеримского права, занимает особое положение среди массива древнегерманских раннефеодальных правовых систем в силу глубокой проработки, полноты и ясности его положений, лишенных казуистичности, присущей большинству «Варварских правд». Это является свидетельством высокой степени правовой культуры лангобардов — древней правовой культуры, опосредовавшей ту широкую известность, которую впоследствии получила ломбардская (павианская) юридическая школа (X— I вв.), представленная именами юристов Гуго, Ланфранка, Бонифилия.

Не менее развитому вестготскому праву также была известна градация мер уголовного наказания в зависимости от формы вины и психического состояния преступника в момент совершения им преступления, однако и в нем (Кодекс Эрика, фуэро Сапульведы), запечатлевшем сентенции вроде «закон — это душа справедливости, учитель жизни и всего народа»¹³, отразились пенологические схемы и шаблоны, отражающие логику талиона.

Правило талиона существенно отличается от кровомщения, прежде всего тем, что оно лимитирует, «стандартизирует» уголовную кару и ограничивает рамки преследования преступников, так как требует не простого «смытия» тяжкого проступка кровью самого виновного или же членов его семьи либо рода, а строгой, буквальная симметрии и тождества величины репрессивного заряда и тяжести совершенного преступного деяния.

В пришедшем на смену основанной на представлениях о коллективной вине кровной мести законе талионе отражен важный для развития уголовного права переход от принципа общей, коллективной ответственности к принципу личной, индивидуальной ответственности, который был связан с нарастанием процессов обособления индивида от рода и общины, выделения личностных и индивидуальных начал внутри коллектива.

В законе талиона нашла свое отражение идея формального равенства, столь важная для справедливости как социальной добродетели и принципа общественной организации: неслучайно П. Лафарг писал о законе талионе, что «это проведение принципа равенства в деле наказания за нанесенное повреждение. Инстинктивное чувство равенства создает право возмездия, талион»¹⁴.

Взаимосвязь с этической и правовой идеей справедливости правила талиона, впервые в истории древнего права потребовавшего справедливости как в отношении потерпевшего, так и наказуемого, проявляет себя настолько, что основанные на нем воззрения многие современные

исследователи небезосновательно называют самой первой, элементарной и универсальной формулой справедливости. Это мнение подтверждает тот факт, что представления о справедливости многих философов и мыслителей древнего мира (Сократ, Платон, Аристотель, Сенека и др.) также очень тесно связаны с логикой талиона, а также то, что во многих европейских языках, в частности, в немецком, слово «справедливость» (нем. *Gerechtigkeit*) этимологически происходит от слова «месть» (нем. *Rache*), а слово «возмездие» (нем. *Entgelten*) — от глагола «стоять» (нем. *Gelten*), что указывает на присутствие в образовании смыслов последних идей уравнивания, равноценности и симметрии.

Соотношение между преступлением и наказанием благодаря схеме талиона, предполагающей безусловный стандарт репрессивных действий, приобрело очевидный надситуационный и внеконъюнктурный характер, что в значительной степени способствовало распространению идеи равенства перед законом на более широкий круг общественных отношений, а заключенные в законе талиона бескомпромиссность, беспристрастность и объективность способствовали преодолению и изжитию немалого числа установок, предрассудков и стереотипов ксенофобии, предубеждения и дифференцированного подхода в отношениях к «своим» и «чужим» в истории уголовного наказания.

Примечания

1. В вайнахских и осетинских народных сказаниях и преданиях упоминается об отказах отцов и матерей от своих сыновей, которые по каким-то причинам уклонились от осуществления кровной мести, а также о лишении родственников убитых наследства в случае, если они не отомстили за убийство. КАЛОЕВ Б.А. М.М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М. 1979, с. 139.
2. ФОЙНИЦКИЙ И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб. 1889, с. 5.
3. ЧЕБЫШЕВ-ДМИТРИЕВ А.П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань. 1862, с. 36.
4. РУЛАН Н. Юридическая антропология. М. 2000, с. 174.
5. ФРЕЙД З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М. 1998, с. 82.
6. Книга Исход, 21.23—25. В Книге Левит сказано: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб: как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (24.19—20). В Книге Бытие этот постулат выражен в более общей форме, без указания на меру воздаяния: «Кто прольет кровь человеческую, сказал Господь, того кровь прольется рукою человека, а в Книге Числа предписывается: «Не берите выкупа за душу убийцы, который повинен в смерти, его должно предать смерти» (30.31—33).
7. В то же время в хеттском обществе была распространена кровная месть и изгнание, а также убеждение в том, что вина ложится на все семейство преступника, например, в ст. 173 Хеттского закона говорится о том, что за неподчинение приказу царя наказывается весь «дом» виновного, то есть все, живущие с ним под одной крышей, а в инструкции хеттского военачальника сказано: «Как в разных странах в прошлом поступали с людьми, совершившими преступление, караемое смертью, так пусть и поступают впредь: в том городе, где казнили его, да и казнят его впредь, но в том городе, где изгоняли его, пусть и впредь его изгоняют». ГАРНИ О.Р. Хетты. Разрушители Вавилона. М. 2002, с. 114, 127.
8. В дхармашастре Ману, относящейся ко II в. до н.э., закреплено: «Каким членом вор тем или иным способом совершит преступление против людей, а именно этого царь должен лишить его» (Законы Ману, 8.334). «Тот член, каким человек низший ударит высшего, —

а именно он — у него должен быть отрезан, таково предписание Ману» (Законы Ману, 8.279).

9. Многие из них (Ульпиан, Павел, Пипиан) были семитами — арамеями.
10. СОЛОМАТИН М. Д. Закон божий или сопоставление законов Моисеевых и римских. *Lex dei sive mosaicae et romanae legum collation.* — Древнее право. 1997, № 1, с. 164—191.
11. Древнегреческое понимание единства справедливости и закона метафорично выражено в поэме Гесиода «Теогония»: Дике (Справедливость) и Эвномия (Благозаконие) представлены в ней как две богини-сестры, появившиеся от союза Зевса с богиней правосудия Фемидой и дарующие людям обычаи и законы.
12. Эдикт Ротари, ст. 323.
13. Бревиарий Алариха II, 1.2.2.
14. ЛАФАРГ П. Происхождение идеи справедливости. В кн.: Марксизм и этика. Киев. 1925, с. 35—62.

Политика шаха Аббаса I в Дербенте

А. М. Ибрагимов

Аннотация. В публикации на основе письменных источников раскрывается роль Дербента в кавказской политике иранского шаха Аббаса I, завоевавшего город в 1606 г. в войне с османами. В работе показаны меры, предпринятые шахом по укреплению городской оборонительной системы, реконструкции торговой гавани с целью взимания пошлин с торговых караванов, проезжавших мимо Дербента, изменению этнической и конфессиональной картины. Наиболее активно шах переселял в город иранское население, служившее опорой иранскому правителю. Как удалось выяснить, при шахе Аббасе I подвергся значительным изменениям и общественный быт горожан.

Ключевые слова: шах Аббас I, Дербент, кавказская политика, укрепление обороноспособности, изменение этнической картины, насаждение шиизма.

Abstract. The publication based on written sources reveals the role of Derbent in the Caucasian politics of the Iranian Shah Abbas I, who conquered the city in 1606 in the war with the Ottomans. The paper shows the measures taken by the Shah to strengthen the urban defense system, the reconstruction of the commercial harbor in order to collect duties from the trade caravans passing by Derbent, a change in the ethnic and religious picture. The most active Shah relocated to the city the Iranian population, which served as a support for the Iranian ruler. As we found out, under Shah Abbas I, there was a significant change in the social life of the citizens.

Key words: Shah Abbas I, Derbent, Caucasian politics, strengthening of defense, changing the ethnic picture, the planting of Shiism.

Город Дербент на рубеже XVI—VII вв. наиболее полно соответствовал понятию «средневековый город», обладая целой системой оборонительных укреплений, высоким уровнем развития ремесленно-цехового производства, развитыми торгово-экономическими отношениями с внешним миром, крупным морским портом, четкой социальной градацией городского общества, поликонфессиональным и полиэтническим составом населения и т.д. Геополитическое положение средневекового Дербента привлекало внимание многих мировых держав и завоевателей. В конце XVI — начале XVII в. за овладение городом соперничали Сефевидский Иран и Османская империя.

Ибрагимов Али Магиятдинович — аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, директор Дербентского музея-заповедника. E-mail: ali-ibragimov-2019@list.ru.

Ibragimov Ali M. — post-graduate student of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center RAS, director of the Derbent Museum-Reserve. E-mail: ali-ibragimov-2019@list.ru.

В 1578 г. османский султан Мурад III (1546—1596) возобновил войну с сефевидами и с 200-тысячным войском вторгся на Южный Кавказ, а к 1583 г. туркам удалось прочно закрепиться на Западном Каспии (Прикаспийская низменность на территориях современных Дагестана и Азербайджана) ¹. Значительным фактором, помогавшим туркам вести успешную завоевательную политику и одержать ряд побед, являлось участие на их стороне крымских татар в османо-сефевидской войне 1578—1590-х годов ². Чаще всего этот фактор и определял исход того или иного сражения. Таким положением были недовольны в Сефевидском Иране. Однако, несмотря на это, иранский шах Аббас I (1587—1629) вынужден был подписать 21 марта 1590 г. в Стамбуле унижительный для сефевидов мирный договор. По его условиям весь Азербайджан (за исключением Талыша и Ардебилля), Восточная Армения, Восточная Грузия, части Луристана и Курдистана, а также ряд других территорий перешли под власть Турции. Сферой ее влияния был признан и Дагестан, а в Дербенте сохранялся гарнизон турецких янычар ³.

В начале XVII в. шах Аббас I, стремившийся к реваншу, стал активно готовиться к войне с Турцией. Для этого он провел в Иране реформы, направленные на усиление центральной власти, упорядочение финансов, создание регулярной, хорошо обученной и вооруженной по европейскому стандарту того времени армии. «Чтобы стать независимым, — отмечает А.П. Новосельцев, — от знати в экономическом смысле, Аббас I из конфискованных земель создал большой личный фонд, куда были включены наиболее богатые округа и области Ирана. На доходы с этих земель содержалась постоянная армия из пехоты и конного корпуса “гулямов” — подобие турецких янычар. Был создан артиллерийский полк, потому что соперничать с турками, не имея соответствующего пушечного арсенала, стало невозможно. Аббас I позаботился и об организации специальных карательных и полицейских отрядов, в задачу которых входила расправа с неугодными шаху людьми» ⁴.

Параллельно шах Ирана вел дипломатическую подготовку, пытаясь создать антитурецкий блок ряда европейских государств и России ⁵. Однако, несмотря на все старания, ему так и не удалось привлечь на свою сторону европейские государства, которые были заинтересованы в ослаблении как Ирана, так и Турции.

Предложение о создании военного союза с сефевидами заинтересовало только Россию, которая опасалась, что Турция, захватив страны Южного и Восточного Кавказа, откуда в Европу по Волжско-Каспийскому пути вывозились шелк и другие восточные товары, станет использовать для этих целей средиземноморские порты, минуя Россию. Это, как заметил И.П. Петрушевский, могло расстроить товарооборот внешней торговли России ⁶. Важную роль в готовности России идти на союз с Ираном сыграли и обещания шахов Мухаммеда Худабендэ и его преемника Аббаса I уступить России Дербент, Шемаху и Баку даже в том случае, если их завоюют шахские войска ⁷.

Россия учитывала и то обстоятельство, что ослабление Турции в войне с Ираном снизит воинственность крымских ханов, уменьшит их притязания на территории Московского государства и положит конец их набегам.

В 1603 г. шах Аббас I начал военные действия против Турции. Шахские войска довольно быстро дошли от Тебриза до Эривани, где были задержаны турками под командованием Синан-паши Джигал-оглу. Тем не менее, в 1606 г. войска Аббаса I заняли Карабах, Грузию. Шах стал планировать удар по направлению Ширван — Дербент — Дагестан ⁸.

Это значительно обострило политическую ситуацию в Дагестане. Чтобы предотвратить вторжение и разграбление города шахскими войсками, правящая элита Дербента выразила свою покорность шаху, отправив к нему делегацию почетных граждан города во главе с сыном Хаджи Мухаммеда Дербенди, служившего при шахском дворе ⁹. Шах Аббас I оказал делегации пышный прием, ее участников одарил ценными подарками и грамотами. Приезд делегации был использован для урегулирования отношений с правителями Дагестана, а также для занятия Дербента. Чтобы привлечь его жителей на свою сторону, Аббас I освободил дербентцев от выплаты пошлин в шахскую казну. Правящей городской верхушке он дал права на получение доходов с проезжавших через город иноземных купцов.

Особенно ценен был подарок шаха уцмию Рустам-хану, которому за помощь в борьбе с турками он вручил грамоту на управление Дербентом, чего Рустам-хан добивался еще до прихода шахских войск в Дагестан. Подарки получили также братья Рустам-хана, а также Алибек цахурский и майсум табасаранский, выразившие покорность шаху и прибывшие в его ставку в Шемахе. Все они приняли шахские подарки ¹⁰.

Аббас I пытался смягчить отношения и с Россией, выразившей недовольство захватом Дербента. Шах был неплохим дипломатом. Стремясь разрядить ситуацию, он демонстративно ушел в Исфahan ¹¹. Более того, шах Аббас I пообещал России уступить ей не только Дербент, но и Баку за ее дружбу с ним. Таким образом, он старался воздействовать на противника не только военной силой, но и подарками, пожалованиями и т. д.

Подобную политику шах стал проводить и в отношении жителей Дербента. Он делал заявления, нередко отличавшиеся от его фактических дел. Шахские чиновники постепенно увеличивали гарнизон в Дербенте, являвшемся весьма важным стратегическим пунктом для дальнейшей борьбы за Северный Кавказ.

Завоевав Дербент, иранские военачальники развернули масштабные работы по укреплению обороноспособности города. По личному распоряжению шаха Аббаса I северная и южная городские стены Дербента были местами заново отстроены. Возведением двух поперечных стен город Дербент был разделен на три части, каждая из которых представляла собой самостоятельный оборонительный комплекс. При этом учитывалась необходимость «держать город в повиновении» ¹².

К началу XVII в. наиболее уязвимой оставалась приморская часть Дербента. Из-за мелководья торговые караваны могли проходить на север и на юг, не заходя в город и не платив таможенные пошлыны. В город можно было проникнуть и на лодках со стороны моря. Желая сделать Дербент неприступным, шах Аббас I приказал своему военачальнику Камбар-беку Салахдар-баши «укрепить Дербент и провести стены его, как можно далее в море, дабы во время мелководья неприятель не так легко мог к нему подступить» ¹³. Об этом более подробно пишет Е. И. Козубский: «Однаж-

ды отправился караван из степи в Ширван. Когда он прибыл к Дербенту ночью, расположился на отдых в северной его части, чтобы утром, когда будут открыты двери, продолжать путь. Однако когда утром привратники отперли ворота, каравана не было видно, и так как другого пути не было, то было очевидно, что он должен был пройти через простирающееся вплоть до города море, и что следов последнее, вследствие прибоя ли волн, прилива или отлива, становится мельче и позволяет переходить в брод. Аббас, узнав об этом случае и желая сделать из Дербента один из оплотов своего государства, поручил... соорудить башню и соединить ее с городскими стенами, чтобы таким образом сделать невозможным проход по морю»¹⁴.

Кроме того, по указанию шаха, прямо у берега в воде была выстроена башня, соединенная с городскими крепостными стенами, о чем сообщал русский купец Федот Котов, посетивший Дербент в 1623 году¹⁵. Сооружением этой башни иранские военачальники добились контроля над проходившими с юга на север и с севера на юг торговыми караванами, что помогало взимать пошлины, которые не только окупали расходы шаха на сооружение башни, но и обеспечили непрерывные поступления в XVII в. больших сумм денег в шахскую казну.

Подвергался значительному изменению в период сефевидского владычества и этнический состав Дербента. Было приняты меры по закреплению иранского господства в городе: наряду с увеличением гарнизона, стало появляться и иранское гражданское население, чиновники и т.д. Вскоре в Дербент было переселено из Ирана до 400 семейств баятского племени, которым были созданы относительно хорошие условия жизни. Иранские колонисты поселялись в большинстве случаев в средней части Дербента. Они должны были стать опорой шаха в городе. К середине XVII в. число иранских колонистов в Дербенте достигло 9 тыс. человек¹⁶. Но этого казалось недостаточно. Стали заселяться и прилегавшие к Дербенту земли, пограничные с Дагестаном территории Ширвана. Основная задача их заключалась в «отражении лезгинских набегов»¹⁷.

Шахские чиновники провели в Дербенте и административную реорганизацию: вместо беглярбегства, созданного при турках, было образовано наместничество, которое при шахе Аббасе I и его преемниках составляло одну из 7 областей («улька») Ширвана. Наместник или султан Дербента всецело зависел от назначившего его шаха.

В целом административные изменения в Дербенте способствовали насаждению в нем, как отмечал еще Е.И. Козубский, персидских порядков, персидского духа, что не могло не задевать интересы коренных жителей города и прилегавших к нему земель¹⁸. Видя растущее недовольство дербентцев нетерпимым обращением с ними, шахские чиновники под предлогом борьбы с суннизмом изгоняли местных жителей из города.

Как известно, сам шах Аббас I был веротерпим, относился к религиозным вопросам достаточно равнодушно. Поэтому выпячивание религиозных разногласий между шиитами (иранцы) и суннитами (дагестанцы) шахскими чиновниками было чисто политическим маневром, чтобы изгнать недовольных местных жителей из города и обеспечить в нем господство правителей — иранцев, против чего несколько позднее начались выступления местных народов.

Итак, город Дербент в кавказской политике иранского шаха Аббаса I занимал ведущее положение. Понимая выгодное геополитическое положение Дербента, шах стремился укрепить обороноспособность крепости. Закрепление в Дербенте позволяло шаху усилить свое влияние и на остальные земли Дагестана и Северного Кавказа, быть в курсе политических событий в регионе. Иранский шах способствовал возвышению Дербента в международной торговле на Каспии, насаждению среди населения иранских порядков и, самое главное, колонизации города иранским населением, на которое можно было опереться. Из всех иранских правителей шах Аббас I оказал более осязаемое влияние на архитектуру, конфессиональный и этнический состав, духовную культуру Дербента, следы которого можно наблюдать и сегодня.

Примечания

1. СМЕРНОВ Н. А. Россия и Турция в XVI—VII вв. В кн.: Ученые записки МГУ. Вып. 94. М. 1946, с. 126—127.
2. МАГАРАМОВ Ш. А. Крымское ханство и османо-сефевидская война 1578—1590 гг. В кн.: Мир Бекира Чобан-заде. Сб. материалов II Крымской Международной тюркологической конференции. Белогорск. 2013, с. 277.
3. УМАХАНОВ М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала. 1973, с. 142.
4. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI—VII вв. — Вопросы истории. М. 1969, с. 121.
5. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л. 1958, с. 272—276.
6. ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. Азербайджан в XVI—VII вв. В кн.: Сб. статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку. 1949, с. 276.
7. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Сб. документов. Т. II. СПб. 1892, с. 30.
8. РАХМАНИ А. А. «Тарих-и алам арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана. Баку. 1960, с. 110.
9. АЛКАДАРИ Г.-Э. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала. 1994, с. 46.
10. ПЕТРУШЕВСКИЙ И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л. 1949, с. 160.
11. История Азербайджана. Т. 1. Баку. 1958, с. 265.
12. КОЗУБСКИЙ Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура. 1906, с. 58—59.
13. БАКИХАНОВ А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку. 1924, с. 94.
14. КОЗУБСКИЙ Е. И. Ук. соч., с. 58—59.
15. КОТОВ Ф. Хождение купца Федота Котова в Персию. М. 1958, с. 35.
16. Там же, с. 59.
17. УМАХАНОВ М.-С. К. Ук. соч., с. 147.
18. КОЗУБСКИЙ Е. И. Ук. соч., с. 59.

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201907Statyi08 ББК 63.3(2)63 / УДК 94(47).084.9

Деятельность Совета по делам религиозных культов по исследованию зарубежного ислама в первое послевоенное десятилетие

В. А. Ахмадуллин

Аннотация. Публикация посвящена важному аспекту политики Советского государства в 1945—1955 гг. — изучению отношения зарубежных государств к мусульманам и их организациям, влияния исламского фактора на геополитическую ситуацию. На основе впервые введенного в оборот архивного материала рассмотрены подробности деятельности Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР, являвшегося наиболее публичным органом в системе институтов, участвовавших в разработке концептуальных положений религиозной политики и их реализации. На основе анализа документов делается заключение о том, что в первое послевоенное десятилетие руководство СССР, с целью укрепления влияния Советского государства на мусульманский мир, в значительной степени опиралось на деятельность Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР.

Ключевые слова: Совет по делам религиозных культов, мусульмане зарубежных государств, Аль-Азхар, духовное управление мусульман, Египет, Турция, Иран, Сирия, Албания, Польша, разведка.

Abstract. The publication is devoted to an important aspect of the policy of the Soviet state in 1945—1955 — the study of the attitude of foreign states towards Muslims and their organizations, the influence of the Islamic factor on the geopolitical situation. On the basis of the archival material first introduced into circulation, the details of the activities of the Council for Religious Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, which was the most public body in the system of institutions that participated in the development of conceptual provisions of religious policy and their implementation, were reviewed. Based on the analysis of the documents, a well-founded conclusion was made that in the first post-war decade the leadership of the USSR, in order to strengthen the influence of the Soviet state on the Muslim world, was largely based on the activities of the Council on Religious Cults at the Council of Ministers of the USSR.

Key words: Council for Religious Affairs, muslims of foreign countries, Al-Azhar, the Muslim Spiritual Board, Egypt, Turkey, Iran, Syria, Albania, Poland, intelligence.

В мае 1944 г. Правительством СССР был создан Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК), ставший наиболее публичным органом Советского государства по взаимодействию с духовными управлениями мусульман (ДУМ), а также по решению различных проблем, стоящих перед ДУМ, прежде всего такими, как воссоздание систе-

мы паломничества, исламское образование и издание мусульманской литературы ¹.

С первых лет своей работы СДРК искал источники и пути получения информации о деятельности конфессий в различных странах мира и их взаимодействии с властями. После Великой Отечественной войны активность СДРК продолжала нарастать. Анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что Совет делал основную ставку на взаимодействие с Министерством иностранных дел СССР. Так, в ноябре 1946 г. между СДРК и министерством состоялись консультации по проблеме расширяющихся контактов ряда религиозных центров СССР с зарубежными религиозными организациями. Председатель СДРК и одновременно заместитель начальника отдела «О» (Оперативная работа среди духовенства) МГБ СССР полковник госбезопасности И. В. Полянский предложил МИД СССР регулярно снабжать Совет информацией о деятельности всех зарубежных религиозных организаций, кроме православных. Для облегчения работы министерства был разработан комплекс типовых вопросов. В декабре 1946 и сентябре 1947 г. СДРК повторно обратился в МИД СССР с просьбой периодически знакомить Совет с имеющимися в министерстве соответствующими материалами. В 1947 г. СДРК получил из МИД СССР шесть таких справок, две из них касались жизни мусульман в Турции и Египте. В письме СДРК в МИД СССР от 12 сентября отмечалось: полученные материалы имеют значительную ценность, но не освещают все поставленные Советом вопросы и не показывают динамику событий; высказывалась просьба и в дальнейшем знакомить Совет с необходимыми материалами ².

В конце декабря 1946 г. председатель СДРК и председатель Совета по делам Русской православной церкви обратились в ЦК ВКП(б) в связи с тем, что оба Совета перестали получать извлечения из бюллетеней ТАСС относительно деятельности зарубежных религиозных организаций. Эта информация была основной, так как другие источники использовались не столь регулярно. Именно поэтому руководители Советов просили ЦК ВКП(б) содействовать регулярному снабжению информацией из названного источника ³.

В директивных указаниях СМ СССР для СДРК на 1947—1948 гг. есть многозначительный пункт: систематически изучать религиозное движение за границей ⁴.

Опыт государственно-конфессиональных отношений СССР был востребован его союзниками. С 1947 г. СДРК получал запросы из Румынии, Болгарии, Вьетнама и других стран по методике работы с конфессиями и по содержанию соответствующих руководящих документов. При этом председатель СДРК крайне негативно реагировал на попытки иностранных ведомств получить подобную информацию. Обычно Совет отвечал,

---

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник аппарата Совета муфтиев России. E-mail: slavaah@yandex.ru.

Akhmadullin Vyacheslav A. — candidate of historical sciences, associate professor, senior researcher of the Russian Council of Muftis. E-mail: slavaah@yandex.ru.

что в его компетенцию не входят вопросы воспитательной работы СМ СССР и ВКП(б)/КПСС среди верующих, и рекомендовал изучить XII раздел дополнительного тома Большой советской энциклопедии и законы, которые прилагал к ответу. Но в МИД СССР Совет сообщал, что в законодательстве по вопросам культов есть постановления СМ СССР под грифом «секретно» или «для служебного пользования». Итогом дипломатических маневрирования СДРК стал пространный документ в адрес МИД СССР, в котором весьма поверхностно освещались государственно-конфессиональные отношения в СССР ⁵.

В начале 1947 г. Полянский представил СМ СССР и ЦК ВКП(б) отчет о деятельности СДРК. В этом документе отмечалось, что качество работы Совета не во всем отвечает требованиям руководства государства. Председатель СДРК признал, что одним из наиболее серьезных недостатков работы СДРК «является его крайне слабая осведомленность о положении религиозных организаций за границей», а имеющиеся планы широкого влияния на них входят в противоречие с дефицитом соответствующей информации — попытки ее получить от министерств и ведомств, в первую очередь от МИД СССР, безуспешны ⁶.

15 января 1947 г. заместитель заведующего отделом Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) В. Лебедев доложил в Секретариат ЦК ВКП(б) об указании секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова руководству ТАСС выделять СДРК и СДРПЦ материалы из вестника служебной информации по религиозным вопросам ⁷.

В апреле 1947 г. Совет, в соответствии со своим запросом, получил подробную справку (на 18 листах) о мусульманских религиозных учреждениях Египта ⁸. Подготовивший ее второй секретарь посольства СССР в Египте А. Султанов дал подробное описание и тщательный анализ по следующим пунктам: программа обучения и реформы в знаменитом на весь мусульманский мир университете Аль-Азхар, студенческая жизнь университета, управленческие структуры учебного заведения, политическая борьба за возможность влияния на университет и уровень компетенции короля Египта по этой проблеме, история участия университета в халифатском движении, бюджет Аль-Азхара, тысячелетний юбилей университета, шариатские суды, вакуфы, муфтии и суфизм. Отдельным пунктом рассматривалась система шариатских судов в Судане. Документ давал подробную структуру факультетов университета, их цели, задачи, показывал специфику подготовки, раскрывал научный потенциал вуза и мельчайшие детали его повседневной жизни: спортивные пристрастия студентов, требования по будущему трудоустройству и т. д.

Несмотря на наличие столь обстоятельного документа, 13 августа 1951 г. Полянский отправил секретный запрос заведующему Отделом стран Ближнего и Среднего Востока МИД СССР С. Т. Базарову, в котором просил ответить на вопросы, подробно освещенные ранее в справке Султанова ⁹.

В конце апреля 1947 г. в СДРК поступили документы из Турции: справка «О положении мусульманской религии в Турции» и «Книга молодого мусульманина». Справка показывала положение ислама и мусульман в Турции с 1924 г., состояние исламского образования, подробно освещала роль и деятельность турецкого Управления по религиозным

делам, особое внимание обращалось на усиление контактов с представителями арабского духовенства в последние годы ¹⁰.

В сентябре 1947 г. заместитель председателя СДРК Ю. В. Садовский обратился с секретным письмом к заместителю министра иностранных дел СССР Я. А. Малику, в котором благодарил за ранее предоставленные документы, а также просил и впредь периодически знакомить Совет с имеющимися в МИД материалами по религиозной жизни в других странах ¹¹.

В апреле 1948 г. на имя Полянского поступили справочные материалы, составленные сотрудником Миссии СССР в Сирии, о мусульманском духовенстве и религиозно-политических организациях в этой стране. В документе подробно анализировалось состояние мусульманской общины, количество мусульманских школ и учеников в них, особое внимание уделялось роли мечетей, в том числе при решении внешне- и внутривнутриполитических вопросов. Значительное место отводилось подробным характеристикам руководителей мусульман Сирии. В целом в документе делался вывод о реакционности ислама, фанатизме мусульман и неоправданном преследовании коммунистов ¹².

Получение таких аналитических и справочных материалов не стало для СДРК одноразовой акцией. В последующие годы подобные документы поступали регулярно, особенно из стран, имевших границу с СССР, например из Турции. Анализ архивных документов показывает, что советские дипломаты проводили значительную работу по сбору информации и ее подготовке для работников СДРК. Так, в документе, представленном в Совет в июле 1949 г. и подписанном атташе посольства СССР в Турции Н. Князьковым, подробно анализировались конкретные данные по численности студентов и изменения в системе исламского образования за 1924—1941 годы ¹³.

Ценность данного документа заключается также в том, что Князьков смог показать не только официальную позицию руководства Турции по отношению к религии, но и точку зрения оппозиции. В заключении автор материала дал свое видение причин усиления позиций ислама: правительство решило опереться на религию, чтобы это не сделала оппозиция; власть использует религию в борьбе с коммунизмом. Для подтверждения объективности собранной информации и сделанных выводов Князьков в качестве приложения представил около двадцати турецких журналов и газет. Надо отметить, что весь текст справки, в соответствии с господствовавшей в СССР официальной идеологией, пропитан неуважением к исламу, как враждебной идеологии и средству угнетения.

В январе 1949 г. в план работы СДРК был внесен пункт об изучении состояния зарубежного ислама с точки зрения связей, взаимоотношений и влияния на социальные процессы. В документе также обращалось внимание на важность анализа влияния кемализма на население Турции. Тема необходимости изучения воздействия ислама на население зарубежных стран нашла свое отражение и в личном плане работы заместителя председателя СДРК Ю. В. Садовского. На I квартал 1949 г. он запланировал подготовку информационного письма о религиозном движении за границей и докладной записки по работе среди мусульман ¹⁴.

В своей деятельности работники СДРК опирались и на спецслужбы СССР. Так, на имя председателя СДРК 25 июля 1950 г. поступил документ

под грифом «Совершенно секретно» из Комитета информации¹⁵ (Комитет информации при СМ СССР — объединенный орган политической и военной разведки. Создан Постановлением СМ СССР № 1789—470сс от 30 мая 1947 г. на базе 1-го Главного управления МГБ СССР и ГРУ Генштаба ВС СССР. 29 января 1949 г. КИ был придан МИД СССР и стал именоваться КИ при МИД СССР. Вся разведывательная работа была передана в МГБ 2 ноября 1951 г., где было восстановлено 1-е Главное управление. В ведении КИ осталась только служба дезинформации. Решением Президиума ЦК КПСС П158/III от 19 февраля 1958 г. КИ был упразднен¹⁶). Этот документ является подробной справкой о «Всемирной Конвенции по вопросам основ мира», которая была созвана на 18—25 августа 1950 г. в Лондоне. Аналитик, подготовивший справку, четко определил пять целей конвенции, привел порядок ее работы, список участников, источники получения информации, программу заседаний¹⁷. В 1950 г. Комитет информации продолжал присылать в СДРК документы, в которых анализировались религиозные и международные проблемы¹⁸.

В 1952 г. Турция вступила в НАТО, тем самым став единственной мусульманской страной этого блока. Для СССР ситуация усложнялась наличием протяженной совместной морской и сухопутной границы с Турецкой Республикой. Поэтому партийно-государственный аппарат СССР постоянно интересовался балансом политических сил в соседней стране, влияние на который оказывали государственно-мусульманские отношения. Анализ этих отношений часто находился в фокусе внимания советских дипломатов и становился предметом регулярных аналитических справок, пересылаемых в СДРК. Например, в ноябре 1960 г. Генконсульство СССР в Стамбуле, на основе турецких источников, подготовило справку о динамике государственно-мусульманских отношений в этой стране¹⁹.

Особое внимание в документе обращалось на факты опоры правящей партии на мулл, строительство за последние 10 лет почти восьми тысяч мечетей, ремонт большого количества старых мечетей за счет государства, использование потенциала уммы в борьбе различных политических сил внутри турецкого государства, перспективы религиозного обучения и подготовку кадров исламских священнослужителей, борьбу за перевод Корана на турецкий язык и права женщин, в том числе то, что сегодня называется дресс-кодом, но самое главное — борьбу в турецком обществе за претворение в жизнь принципов отделения государства от религии, провозглашенных Ататюрком.

Через полгода документ, анализировавший политику турецкого государства по отношению к исламу и Армянской патриархии, был вновь подготовлен Генконсульством СССР в Стамбуле²⁰.

В феврале 1952 г. СДРК получил из МИД СССР справку о конфессиях в Польше. Часть документа освещала положение мусульман в этом государстве. В марте 1952 г. МИД СССР и СДРК были озабочены серьезной проблемой — делегация организации «Мусульманский и арабский конгресс» захотела приехать в СССР и изучить положение мусульман. Особенно их интересовала Средняя Азия. В апреле 1952 г. в СДРК тщательно изучали справки на сирийского мусульманского деятеля Магомеда Ашмаре²¹.

В качестве источника информации о положении зарубежных мусульман в СДРК использовались также материалы, подготовленные зарубежными СМИ. Например, в январе 1953 г. СДРК получил три номера журнала «Жизнь мусульман» (Иран). Анализ показал, что большинство статей было посвящено положению мусульман в странах Европы, Азии и их борьбе за независимость. Материал о положении мусульман в СССР — довольно сдержанный, без громких обвинений советской власти в давлении на мусульман, проживающих в СССР. В августе 1953 г. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) перенаправило в СДРК справку «Мусульманская, православная и католическая церкви в Албании», подготовленную советским посольством в этом государстве. В духе того времени в документе был сделан вывод — принятие ислама является отрицательным явлением в истории Албании. Говорилось в документе и об особенностях ислама в этой стране — большом количестве сект²².

В 1953 г. СДРК вел переписку с ВОКС, МВД СССР, Советским комитетом защиты мира по вопросу уточнения характеристики на издателя и редактора мусульманского журнала «Хейате Мослеман» (Иран) шейха Мустафу Раххнема. СДРК хотели выяснить для себя целесообразность оказания ему материальной помощи со стороны духовных управлений мусульман СССР. Сведения, полученные ранее от ВОКС и от МВД СССР, создавали для руководства СДРК противоречивую картину²³. Как показывает анализ документов СДРК, в Совете существовала стандартная практика: прежде чем руководство этой организации принимало решение по приглашению в СССР зарубежных религиозных деятелей, на них собиралась максимально подробная информация из самых разнообразных источников²⁴.

В феврале 1954 г. Издательство иностранной литературы прислало в СДРК, по просьбе Полянского, рефераты о двух книгах. Один был посвящен книге декана факультета истории религий и религиозной литературы Северо-Западного университета (США) Ч. Брейдена «Война, коммунизм и религия». Автор книги уделил большое внимание развитию ислама в Китае, Индонезии, Индии, Пакистане, Иране, Ираке, Египте. Второй реферат — по книге австрийского ученого, доктора Ф.В. Фернау «Развивающийся полумесяц. Причины мусульманского волнения». В книге европейского автора анализировалось политическое развитие мусульман Ближнего и Среднего Востока с конца XIX до середины XX века²⁵.

При помощи посольств СССР и советских корреспондентов СДРК по информации в зарубежных СМИ отслеживал ситуацию с проведением религиозными кругами антисоветских мероприятий. Например, 22—27 апреля 1954 г. организация «Американские друзья Среднего Востока» смогла созвать конгресс мусульманских и христианских деятелей в городе Бхамдун (Ливан). В форуме приняли участие 38 мусульманских и 36 христианских делегатов из 22 государств Европы, Америки, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, Ближнего и Среднего Востока. Организаторы конгресса наметили в качестве основной задачи для делегатов подготовку рекомендаций по борьбе с коммунизмом при опоре на религиозные организации. Однако в заключительном коммюнике не было конкретных мероприятий, более того — часть делегатов отказалась его подписывать. В феврале 1955 г. в Александрии (Египет) прошло заседание Исполкома

исламо-христианского конгресса, спонсируемого той же организацией «Американские друзья Среднего Востока». Удалось собрать 33 чел. из 14 государств. В Совете внимательно изучили справку, подготовленную журналистом ТАСС на основе подробного анализа соответствующих статей в газетах Египта ²⁶.

В мае 1955 г. СДРК отправил в ЦК КПСС справку на 10 листах по вопросу предстоящего созыва в Мекке исламского конгресса, который должен был состояться в дни хаджа. Совет весьма осторожно высказался в пользу участия в конгрессе советских мусульман ²⁷. По нашему мнению, такая осмотрительная позиция СДРК была связана с отсутствием достаточной информации, которую СДРК пытался привлекать из всех возможных источников, в первую очередь, из сообщений ТАСС.

В отчете за 1955 г. СДРК отмечал в качестве одной из задач 1956 г. повседневное изучение состояния религиозных организаций в зарубежных странах. Особое внимание обращалось на охват всех каналов информации для решения этой задачи: МИД СССР, ТАСС, Совинформбюро, антифашистских комитетов и других организаций и учреждений ²⁸.

Как показывает анализ архивных источников, различные ведомства и советские учреждения СССР по мере сил и возможностей предоставляли СДРК информацию не только по различным мусульманским организациям зарубежных государств, прошедшим и предстоящим событиям, но и по ключевым фигурам мусульманского сообщества той или иной страны. Главным помощником СДРК в этом деле был, в первую очередь, МИД СССР. Нередко СДРК делал прямые запросы в министерство относительно того, какие отзывы поступают в СМИ того или иного государства от его граждан, побывавших в СССР. В подавляющем большинстве архивных документов по этой тематике отражено, что служащие МИД СССР внимательно относились к таким просьбам и готовили соответствующие подробные отчеты. В самом Совете была налажена достаточно стройная система анализа высказываний иностранных гостей в ходе протокольных мероприятий, проводимых в СССР, а также их интервью советским СМИ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что в первое послевоенное десятилетие руководство СССР, с целью укрепления влияния Советского государства на мусульманский мир, опиралось на деятельность многих ведомств и учреждений СССР, среди которых наиболее публичным являлся Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 6991, оп. 2, д. 68, л. 38; оп. 3, д. 3, л. 1; д. 6, л. 32; д. 8, л. 5.
2. Там же, ф. Р-6991, оп. 3, д. 34, л. 235—242; д. 42, л. 118—123; д. 50, л. 219.
3. Там же, д. 34, л. 260.
4. Там же, д. 54, л. 131.
5. Там же, д. 50, л. 189—193; д. 56, л. 219—221; д. 85, л. 228; д. 105, л. 135, 136.
6. Там же, д. 47, л. 66, 97; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 3. оп. 60, д. 2, л. 37.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17. оп. 125, д. 407, л. 96, 97.
8. ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 50, л. 52—70.
9. Там же, д. 79, л. 181.
10. Там же, д. 50, л. 71—77.
11. Там же, л. 219.
12. Там же, д. 56, л. 164—174.
13. Там же, д. 58, л. 160—190; д. 1430, л. 1.
14. Там же, д. 60, л. 13, 20.
15. Там же, ф. Р-6991, оп. 3, д. 71, л. 6.
16. ПЕТРОВ Н.В. Кто руководил органами госбезопасности, 1941—1954. Справочник. М. 2010, с. 130—132.
17. ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 71, л. 7—15.
18. Там же, д. 72, л. 8—11, 15—18, 20—23, 27—28.
19. Там же, д. 1377, л. 2—8.
20. Там же, д. 1393, л. 67—71.
21. Там же, д. 87, л. 135, 156—157, 168—173.
22. Там же, д. 96, л. 1—45, 85—91.
23. Там же, л. 72, 81, 93, 94, 112—113.
24. Там же, д. 528, л. 47—48.
25. Там же, д. 106, л. 30—65.
26. Там же, оп. 4, д. 43, л. 8—21.
27. ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 3, д. 113, л. 145—154; д. 122, л. 23, 86, 90—99.
28. Там же, д. 127, л. 115—116, 124, 189, 190, 194.

Историческая память о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии)

А. И. Тетуев

Аннотация. В публикации подробно анализируется состояние историографии и источников, раскрывающих историческую память о Великой Отечественной войне в Кабардино-Балкарии. Особое внимание уделяется острым и дискуссионным проблемам, требующим дополнительного изучения: учетно-мобилизационным мероприятиям, численности призванных в ряды Красной армии, людским потерям, формированию исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: историческая память, историография, источники, Кабардино-Балкария, война, мобилизация, кавалерийская дивизия, подвиги, потери.

Abstract. The publication analyzes in detail the state of historiography and sources revealing the historical memory of the Great Patriotic War in Kabardino-Balkaria. Special attention is paid to acute and debatable problems that require additional study: accounting and mobilization measures, the number of those called up to join the Red Army, and human losses. the formation of the historical memory of the Great Patriotic War.

Key words: historical memory, historiography, sources, Kabardino-Balkaria, war, mobilization, cavalry division, feats, losses.

Война против фашизма — самая тяжелая из войн в истории нашей страны. Она стала суровым испытанием жизнеспособности Советского Союза, Великой Отечественной войной народов СССР за свою свободу и независимость. Гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что первые же неудачи Красной армии вызовут межнациональные распри, и многонациональное Советское государство быстро распадется. Для достижения этой цели фашистские идеологи широко использовали

Тетуев Алим Инзрелович — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований — филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»». Нальчик. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

Tetuev Alim I. — doctor of historical sciences, associate professor, leading researcher at the Institute of Humanitarian Researches — filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences””. Nalchik. E-mail: alim-tetuev@mail.ru.

националистические идеи. В Германии рассчитывали не только на то, что кавказские народы откажутся от сопротивления, но даже надеялись привлечь их на свою сторону, разработав с этой целью довольно «либеральную политику», предоставлявшую, якобы, возможность организации местного самоуправления. Планируя захват Кавказа, германское командование забрасывало туда огромное количество диверсионных и террористических групп.

Но ход событий опрокинул подобные расчеты, показав беспочвенность и несостоятельность планов немецкого командования. В борьбе с фашистскими захватчиками крепло политическое, военное и экономическое сотрудничество народов СССР, став одним из основных источников победы в Великой Отечественной войне. Война многонационального Советского Союза против фашистской Германии была Отечественной для всех его народов. Каждый из них внес посильный вклад в общую победу.

Память о своем прошлом помогает людям лучше понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее. Великая Отечественная война, безусловно, является одной из опор коллективной памяти российского народа. Образ Победы выступает символом могущества нашего Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладают Россия и ее народ. Осознание этого заставляет с особой ответственностью относиться к повторяющимся попыткам предложить обществу «новое прочтение», пересмотр устоявшихся представлений относительно возникновения второй мировой войны, обстоятельств ее развязывания, роли и места Великой Отечественной войны («Восточного фронта») в общем ходе военных действий и их итогов.

Обострение «битвы за прошлое» (историческую память, интерпретацию истории) следует рассматривать в контексте современной геополитической конкуренции за глобальное лидерство и стратегический контроль над ресурсами. Одним из ее проявлений является проведение информационных кампаний по дискредитации политики и истории России, в том числе истории Великой Отечественной войны. Поэтому исследование проблемы исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. имеет не только научное, но и научно-практическое значение. Цель публикации — освещение проблемы объективного отражения событий Великой Отечественной войны в историографии, источниках и их сохранения в исторической памяти народа на примере Кабардино-Балкарии.

Следует отметить, что изменения в общественно-политической жизни страны оказывали влияние на подходы и методологию изучения проблемы. В этой связи историографию Великой Отечественной войны исследователи делят на три периода: 1941 г. — середина 1950-х гг., вторая половина 1950-х гг. — конец 1980-х гг., начало 1990-х гг. — наше время.

Первые исследования по изучению вклада Кабардинской АССР в разгром гитлеровской Германии были опубликованы в послевоенные годы. В работах И.В. Давыдова, А.С. Кабанова присутствует большой фактический материал о вкладе народов республики в победу на фронтах войны и работу в тылу. Особое внимание уделяется боевым подвигам

уроженцев региона ¹. Вместе с тем следует отметить, что во время войны и в послевоенные годы в советской историографии полностью отсутствовала информация о депортированных народах. После войны из открытых фондов библиотек вообще исчезли все книги о судьбах сосланных северокавказских народов и их вкладе в победу в Великой Отечественной войне. В соответствии с требованиями цензуры, в спецхран были переведены не только сами книги, но и каталоги, содержавшие сведения о публикациях, посвященных депортированным народам ².

В этой связи историография депортированных народов, в том числе балкарского народа, в годы Великой Отечественной войны берет свое начало только с 60-х гг. XX века. После XX съезда КПСС критика «культы личности» вызвала существенные изменения и в развитии историографии депортированных народов. Принудительные переселения советских народов стали оцениваться как нарушения «социалистической законности» и «ленинской национальной политики». Данный подход получил отражение в 6-томном фундаментальном труде по истории Великой Отечественной войны, а также в региональной историографии периода «оттепели» ³.

Определенный интерес представляет работа Давыдова «Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны». В ней автор впервые в исторической литературе обобщает деятельность Кабардино-Балкарской областной партийной организации в годы войны ⁴. Вместе с тем следует отметить, что для работы характерны субъективистские оценки деятельности партийной организации республики, многие факты и события, имевшие место, замалчиваются или искажаются в угоду идеологическим принципам того времени.

Исследованию вопросов перестройки народного хозяйства на военный лад, развития промышленности, сельского хозяйства, а также вклада рабочих и колхозников республики в снабжение фронта посвящена монография Т.А. Жакомихова ⁵. В ней представлен богатый фактический материал, однако автор, исходя из требований времени, не смог проанализировать и показать серьезные упущения, трудности и недостатки в деятельности партийных и советских органов по руководству народным хозяйством.

Многочисленные факты героизма, проявленного воинами, призванными на фронт из Кабардино-Балкарии, содержатся в публицистических работах Т. Буряковой, В. Кабаненко ⁶, М.Л. Башлоева, А.И. Исмаилова ⁷, И.Ф. Евдокимова ⁸.

Судьбам воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии посвящены работы А.Т. Хатукаева, К.Н. Керефова, Т.М. Катанчиева ⁹. В указанных книгах командиры и бойцы дивизии рассказывают о ее формировании, боевых действиях и подвигах воинов. Вместе с тем авторы названных работ игнорируют архивные документы, что приводит к субъективным оценкам численности дивизии, ее потерь, а также просчетов командования 51-й армии, приведших к неоправданным потерям ¹⁰.

Значительный вклад в изучение истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны внес Е.Т. Хакушев. Автор на основе материалов центральных и местных архивов, периодических изданий, воспоминаний участников войны комплексно исследовал основные этапы истории Кабардино-Балкарии в годы войны ¹¹. Но и в книге Хакушева,

как и в других аналогичных работах советского периода, не анализируются просчеты и ошибки, допущенные партийными и советскими органами республики, особенно в вопросах эвакуации скота, имущества колхозов и совхозов, стабилизации общественно-политической ситуации.

Подвигам уроженцев Кабардино-Балкарии на фронтах Великой Отечественной войны посвящены работы «Боевая слава Кабардино-Балкарии» в шести книгах, «Золотые Звезды Кабардино-Балкарии», «Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», написанные учеными, журналистами, писателями¹². В указанные издания вошло более 1220 очерков о боевом пути воинов, призванных из Кабардино-Балкарии.

Отдельные книги сообщают о жизни и боевых подвигах воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза, — А.-Х.Т. Канкошева¹³, А.Ю. Байсултанова¹⁴, Г.А. Кузнецова¹⁵ и М.М. Уммаева¹⁶.

О боевых действиях Красной армии в период оборонительных и наступательных боев на территории Кабардино-Балкарии рассказывают исследования А.А. Гречко, А.М. Гусева, И.В. Давыдова, Ф.В. Захарова, И.В. Романова, Е.Т. Хакуашева, О.Л. Опрышко¹⁷.

Партизанское движение на территории Кабардино-Балкарии рассматривается в работах А.В. Грудчиной и Хакуашева. На основе архивных документов и воспоминаний очевидцев показаны действия партизан в республике¹⁸. Большой интерес представляют мемуары фронтовиков — боевых офицеров Б.М. Карданова, К.Л. Карданова, М.И. Казьмина и А.Х. Налоева¹⁹.

Несмотря на большое количество разнохарактерных и разноплановых работ, опубликованных по данной проблеме в советский период, следует признать, что история Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны еще нуждается в научном осмыслении. При всей бесспорной ценности собранного фактического материала и его научной интерпретации следует признать, что многие из анализируемых выше работ и прежде всего те, которые написаны до шестидесятых годов, носят описательный характер, в них относительно скупо представлена документальная основа. В некоторых исследованиях ряд событий и фактов приукрашивается. В ряде работ просматриваются элементы тенденциозности, связанные, прежде всего, с подчинением истории политике.

В большинстве исследований слабо представлена необходимая источниковедческая база, сомнительна научная ценность отдельных документов и материалов. Они, как правило, использовались для иллюстрации господствовавших в тот период в историографии схем и положений. В издававшихся документальных сборниках наблюдается дублирование материала.

В целом, первый и второй этапы развития историографии исследуемой проблемы отмечены накоплением богатого фактического материала, который не был в достаточной степени осмыслен на основе современных методологических принципов (научность, историзм, объективность, системность).

Третий этап в освещении истории Великой Отечественной войны начался в 1990-х годах. Его наступление связано с демократизацией общественной жизни, открытием секретных фондов и возможностью ис-

пользования новой методологии. Заметным явлением на этом этапе стало издание фундаментального труда истории Великой Отечественной войны в 12-и томах. Это была первая в новейшей истории России попытка дать всестороннюю и объективную оценку событиям Великой Отечественной войны. Наибольший интерес в рамках исследуемой темы представляет первый том, где излагаются современные взгляды на основные события Великой Отечественной войны ²⁰.

Проблемам формирования современной российской историографии истории Северного Кавказа посвящена монография Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной ²¹. В ней рассматриваются особенности региональной и общероссийской историографии, природа и характер возникновения наиболее острых и дискуссионных сюжетов. Авторы, анализируя новейшие региональные исследования, подчеркивают: «В частности, тенденция героизации прошлого, порождающая новые исторические мифы, нередко связана с развитием этнического самосознания. В результате характерной моделью освещения участия того или иного народа в войне становится пересказ подвигов его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находит свое отражение, например, в попытках посчитать, какой народ внес больший вклад в дело победы или в максимальной степени пострадал от жесткостей сталинского режима» ²².

Считаем, что подобные выводы авторов не вполне объективны. Каждый народ внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. Поэтому исследование подвигов представителей народов Советского Союза в разгроме фашистской Германии имеет непреходящее значение в патриотическом воспитании молодежи.

Особый научный интерес представляет монография известных специалистов в области истории Северного Кавказа советского периода А.Ю. Безугольного, Н.Ф. Бугай, Е.Ф. Кринко ²³. В ней рассматриваются наиболее проблемные вопросы, связанные с участием северокавказских народов в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., анализируются особенности организационно-мобилизационной работы в национальных регионах Северного Кавказа и прохождения горцами военной службы, история национальных частей, оккупационный фашистский режим, причины и масштаб явлений коллаборационизма и антисоветского повстанческого движения, депортация ряда народов с исторической родины. В работе дан подробный анализ состояния историографического и источниковедческого освоения перечисленных тем.

Вместе с тем, субъективными кажутся утверждения авторов о том, что прямым следствием ограничительной политики государства в области призыва и мобилизаций по социально-политическим и национальным мотивам стала явная диспропорция по вкладу различных народов СССР в дело достижения победы. Так, по их мнению, из Кабардино-Балкарии в 1941 г. было призвано 6777 чел., а число безвозвратных людских потерь среди кабардинцев и балкарцев составило 3,4 тыс. человек ²⁴. Приведенные цифры не соответствуют действительности. Согласно официальным данным, с начала Великой Отечественной войны всего в Красную армию по состоянию на 15 августа 1944 г. из республики было призвано 48 300 человек. При этом надо учесть призванных в 1938—1940 гг., а также в период с 16 августа 1944 по май 1945 года. С учетом этого в Красную армию

из Кабардино-Балкарии было призвано до 60 тыс. человек. Численность безвозвратных людских потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и погибшие в плену) составляет по Книге памяти Кабардино-Балкарской Республики 38 580 чел., в том числе кабардинцев — 14 988, балкарцев — 4552, русских — 15 750, других национальностей — 3 290 человек ²⁵.

Кроме того, в указанной коллективной монографии в сведениях о награжденных орденами и медалями СССР по национальностям, по состоянию на 2 марта 1942 г. и 1 января 1943 г., данные по балкарцам отсутствуют ²⁶. Между тем, звания Героя Советского Союза были удостоены А. Ю. Байсултанов и М. М. Уммаев. Кроме того, по состоянию на 15.05.2015 г., по неполным данным, выявленным на сайте Министерства обороны РФ «Подвиг народа», всего до депортации балкарского народа за боевые подвиги только орденами (Ленина, Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды) были награждены более 200 балкарцев. Внесение имен награжденных на указанном сайте еще не завершено, список постоянно пополняется новыми именами ²⁷.

Досадному упущению ученых коллективной монографии есть свое объяснение. Как известно, в соответствии с секретным распоряжением начальника VIII Управления Генерального штаба, принятым в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 г. «О переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР», все военнослужащие балкарской национальности подлежали снятию с фронта независимо от звания, наград и заслуг. Видимо, этот документ ввел в заблуждение авторов указанной монографии ²⁸.

Однако в действительности все обстояло сложнее, чем в служебном циркуляре. Многие командиры, очевидно зная своих товарищей по оружию не только по анкетным данным, брали на себя ответственность и не только оставляли их на фронте, но и представляли к награждению. Так, Якуб Цикоевич Бозиев (балкарец, призванный Черекским РВК КБАС-СР), капитан, зам. командира полка в боях на территории Германии и при овладении Берлином проявил исключительную смелость и отвагу. 3 мая 1945 г. командир 1894-го самоходного артполка майор Грибков составил наградной лист на Базиева Я. Ц., представляя его к ордену Ленина. В представлении в графе «Национальность» записано русский, в графе «Каким РВК призван» указывалось — Пятигорским ГВК. Это было сделано для того, чтобы в высших инстанциях представление к награде не было отклонено. Приказом 3-й гвардейской армии № 0171 от 31 мая 1945 г. капитан Базиев был награжден орденом Александра Невского ²⁹.

Аналогичный пример: Кеккез Магометович Эльсуеров (балкарец, призванный Нальчикским РВК), командир стрелковой роты 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, гвардии старший лейтенант проявил героизм в боях за освобождение Польши. В наградном листе Эльсуерова, подписанном 25 августа 1944 г. командиром полка подполковником Н. Т. Дужиком, имя и отчество Эльсуерова написано как «Николай Михайлович», а национальность — «русский». Согласно приказу командира 28-го стрелкового корпуса № 059/н от 3 сентября 1944 г., командир стрел-

ковой роты 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, гвардии старший лейтенант был награжден Орденом Отечественной войны I степени. В последующем, за освобождение г. Кракова и участие в Берлинской операции он был награжден 28 февраля 1945 г. орденом Отечественной войны II степени, а 30 апреля 1945 г. — орденом Александра Невского³⁰. И таких примеров множество.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что численность призванных в ряды Красной армии, награжденных уроженцев Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны, а также людских потерь требуют тщательного изучения.

Предметом острых дискуссий являются некоторые вопросы, связанные с историей 115-й Кабардино-Балкарской национальной кавалерийской дивизией, сформированной из уроженцев Кабардино-Балкарии в 1941 году. Касается это, в первую очередь, численности состава дивизии. Исследователи Т.М. Катанчиев, С.И. Аккиева, Х.-М.А. Сабанчиев, опираясь на воспоминания бывших воинов дивизии (без привлечения архивных документов), утверждают, что общая численность дивизии составляла 5500 человек³¹. Между тем, в соответствии с постановлением ГКО СССР от 13.11.1941 г. за № 894сс, на территории СКВО предполагалось сформировать национальные кавалерийские дивизии, в том числе 115-ю Кабардино-Балкарскую кавдивизию, численностью до 3500 человек.

Данная цифра подтверждается рядом документов. Это, прежде всего, решение Нальчикского комитета обороны от 25.11.1941 г. о размещении в населенных пунктах республики 3000 чел., призванных в 115-ю Кабардино-Балкарскую национальную кавалерийскую дивизию. Кроме того, согласно письму Нальчикского комитета обороны командованию Северо-Кавказского военного округа от 09.12.1941 г., начальник снабжения 115-й кавдивизии Безруков был командирован в Ростов-на-Дону для получения комплектов черкесок и башлыков в количестве 3500 штук³². И еще один немаловажный факт: для 115-й кавалерийской дивизии колхозы Кабардино-Балкарии дали свыше 3000 лошадей³³.

В своей монографии Безугольный, Бугай и Кринко, на основе архивных материалов, указывают, что к моменту отправки на фронт численность дивизии составляла 4508 человек³⁴. На наш взгляд, эта цифра представляется наиболее реальной, но с учетом всех приданных 115-й кавалерийской дивизии подразделений³⁵.

Следует уточнить и потери 115-й кавалерийской дивизии. Хатукаев в своей работе пишет, что, в соответствии с приказом войскам 51-А от 15.10.1942 г., из уцелевших подразделений 115-й кавдивизии были сформированы «истребительно-противотанковый дивизион и отдельные дивизионы разведки, вошедшие в 4-й кавалерийский корпус»³⁶.

В выявленном в ЦАМО РФ списке потерь личного состава 115-й кавалерийской дивизии, составленном 15.09.1942 г. (за подписью начальника штаба дивизии подполковника М.С. Эхохина) и направленном в Центральное бюро учета потерь личного состава Красной армии, числится 3019 чел., в том числе: погибших — 878, пропавших без вести — 928, попавших в плен — 5, эвакуированных — 8, раненых — 846 человек³⁷. Вместе с тем анализ указанных потерь показал, что 219 чел., числивших-

ся пропавшими без вести, оказались живы. Не удалось пока выяснить судьбу 135 чел., которые скорее всего попали в плен.

Заслуживает внимание исследование О.Л. Опышко «Кабардино-Балкария в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Автор приводит новые сведения о боевых действиях партизан на территории республики, участии уроженцев республики в боях на фронтах войны, вкладе тружеников тыла в победу над фашизмом³⁸.

Новый аспект исследуемой темы представлен в книге «Тыл и фронт», посвященной вкладу народов Кабардино-Балкарии в достижение победы над фашизмом. В работе освещаются мобилизационные мероприятия по перестройке работы предприятий, учреждений, колхозов и совхозов на нужды фронта. Особое внимание уделяется самоотверженности и героизму, проявленному уроженцами региона в тылу и на различных фронтах войны³⁹.

Изучению, обобщению и осмыслению причин этнической депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны посвящены работы Бугай, А.М. Гонова, Сабанчиева, Аккиевой и др.⁴⁰ В них в основу оценки причин принудительного выселения народов положены материалы XX съезда КПСС, где говорится: «... причины массового выселения со своих родных мест целых народов, никак не диктовались военными соображениями, поскольку в 1943 г. на фронтах Великой Отечественной войны определился коренной перелом в ходе войны»⁴¹. Вместе с тем некоторые исследователи придерживаются иной точки зрения на данную проблему, мотивируя необходимость депортации рядом факторов: военными событиями, обстановкой на фронте и в тылу, замыслами немецких спецслужб в отношении народов Северного Кавказа, а также ролью «бандформирований»⁴². В сущности, это утверждение говорит о правомерности указов Президиума Верховного Совета СССР о выселении целых народов. Нельзя отрицать факты коллаборационизма, но недопустимо и преувеличивать это явление, как это происходило в 1942—1946 гг. для оправдания насильственного выселения народов. В контексте подобных разноречивых суждений выявление объективных предпосылок и основных причин этнических депортаций является актуальной научной проблемой и сегодня.

Анализ источниковой базы по истории народов Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны дает возможность утверждать, что корпус источников достаточно обширен и разнообразен.

Информация о защитниках Отечества — погибших, пропавших без вести, умерших от ран, скончавшихся в плену в годы Великой Отечественной войны — содержится в Обобщенном банке данных (ОБД Мемориал)⁴³. Сведения о бывших советских гражданах, умерших во время второй мировой войны в лагерях и рабочих командах на территории бывшего немецкого рейха, присутствуют в Центре документации (ЦД) — научно-исследовательском учреждении при Объединении «Саксонские мемориалы». Центр имеет базу данных советских военнопленных с указанием персональных данных, дат смерти и мест захоронения. На сайте «Военнопленные» нами выявлены судьбы 829 военнопленных, призванных военкоматами КБАССР, которые занесены в новое издание Книги Памяти Кабардино-Балкарской Республики⁴⁴. В общедоступном

электронном банке документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» содержатся документы о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах всех воинов Великой Отечественной войны ⁴⁵.

Основная масса материалов по истории участия народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне, по организации военно-учетной и военно-мобилизационной работы в республике, в том числе документы 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, сосредоточена в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) ⁴⁶.

Информация по истории народов Кабардино-Балкарии военного времени содержится в газетах «Социалистическая Кабардино-Балкария» на трех языках, «Кабардинская правда» (с апреля 1944 г.) — печатном органе Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) и Верховного Совета КБАССР. В них публиковались официальные документы, письма с фронта, хроника событий, статьи, воспоминания участников войны, очерки.

Наиболее значительный комплекс документов по истории народов Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны собран в Управлении Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР), Управлении Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦДНИ АС КБР). В архивах Кабардино-Балкарии имеются: путеводитель, который размещен на сайте республиканской архивной службы, тематический каталог Великой Отечественной войны, коллекция документов участников войны, каталоги по истории государственных учреждений, войны, фонды личного происхождения, картотеки граждан, расстрелянных немецко-фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны, репрессированных и другие ⁴⁷.

Существенные возможности для исследований истории народов Кабардино-Балкарии во время Великой Отечественной войны предоставляют специальные экспозиции и фонды музеев: Национального музея Кабардино-Балкарской Республики, Музея обороны Приэльбрусья в поселке Терскол. Богатый материал содержится в Мемориальном комплексе жертв политических репрессий в г. Нальчике.

Особый интерес представляют опубликованные документальные сборники по освещаемой теме. В 1975 г. был издан сборник документов «Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», в который включены 630 документов, извлеченных из центральных и местных архивов, а также периодической печати. В них раскрывается работа, осуществлявшаяся партийными и советскими органами по перестройке народного хозяйства на военный лад, мобилизации сил и средств на отпор врагу ⁴⁸.

В 1995 г., в дополнение к указанному изданию, был опубликован сборник документов и материалов под общим названием «Лики войны» ⁴⁹. В него вошли 450 документов и материалов, воссоздающих обстановку, события и факты, относящиеся к войне в Кабардино-Балкарии. В сборнике собран интересный фактический материал, рассказывающий о восприятии в республике начала войны, о помощи гражданского насе-

ления фронту, жизни во время оккупации территории фашистами, истории партизанского движения, депортации балкарского народа, восстановления народного хозяйства в послевоенные годы.

Драматическим событиям, происшедшим в Черекском ущелье Кабардино-Балкарии в конце 1942 г., теме, связанной с искажениями смысла борьбы с так называемым «бандитизмом», посвящен сборник «Черекская трагедия»⁵⁰. Он подготовлен по результатам работы специальной комиссии, созданной Президиумом Верховного Совета Кабардино-Балкарской Республики. В нем содержатся документы из фондов центральных и местных архивов, а также воспоминания очевидцев трагедии. Следует особо отметить, что «борьба с бандитизмом» порой принимала недопустимые формы. В указанном сборнике воссоздана трагедия, произошедшая в Черекском ущелье, где под предлогом борьбы с «бандитами» войска НКВД в ноябре 1942 г. уничтожили более 372 мирных жителей сел Сауту и Глашево (стариков, женщин и детей, чьи сыновья, мужья, братья, отцы в то время воевали или уже погибли на фронтах Великой Отечественной войны)⁵¹.

Боевым действиям на территории Кабардино-Балкарии посвящен сборник документов и материалов, подготовленных Опрышко⁵². В книге использованы оперативные и разведывательные сводки, политические и боевые донесения, приказы штабов армий, наградные листы.

Значительное количество документальных публикаций, вышедших в 1990—2000-х гг., имеют отношение к депортации народов. Были изданы специальные сборники документов, дающие возможность изучения как истории депортаций в целом, так и судеб отдельных репрессированных народов, в частности, балкарцев⁵³. Указанные публикации позволяют раскрыть технологию проведения депортаций, их масштаб и последствия, а также обустройство спецпереселенцев на новых местах.

В последние десятилетия опубликованы воспоминания участников войны. Они дают возможность увидеть картину событий Великой Отечественной войны глазами ее непосредственных участников и очевидцев⁵⁴.

Значимым событием в научной и общественной жизни республики стали издания Книги Памяти, позволяющие установить общее количество и имена не вернувшихся с войны уроженцев Кабардино-Балкарии⁵⁵. Списки погибших, к числу которых отнесены и пропавшие без вести, умерших от ран и болезней составлялись на основе изучения документов и материалов военкоматов, архивов и электронных ресурсов. В результате было установлено, что в Кабардино-Балкарии с войны не вернулось более 38 тыс. человек.

Вместе с тем составители переизданной Книги Памяти справедливо отмечают необходимость продолжения работы над выявлением поименных списков погибших. В этой связи особо хочется отметить активную работу поисковых отрядов по увековечиванию памяти защитников Родины. Так, в течение 2012—2014 гг. поисковиками отряда «Мемориал-Эльбрус» с.п. Эльбрус Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики (руководитель Ф.Ч. Тилова) совместно с военнослужащими Южного военного округа Министерства обороны РФ в тяжелейших природно-климатических условиях были обнаружены останки 92 красноармейцев. Удалось составить поименный список безвозвратных потерь на-

чальствующего и рядового составов частей Красной армии, участников боев на Эльбрусе. Все они увековечены на мемориальной стеле в поселке Терскол ⁵⁶.

Поисковики Мартыновского района Ростовской области под руководством Александра Мартынова сумели восстановить имена 522 погибших воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, которые занесены на памятники хуторов Ново-Николаевка, Московский и ряда сел района ⁵⁷.

Помимо подготовки списков имен советских граждан, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, в России и других постсоветских государствах в 1990-х гг. издавались Книги Памяти жертв политических репрессий. В частности, были опубликованы списки 45 797 спецпереселенцев-балкарцев, а также выселенных вместе с ними представителей других национальностей (всего 11 481 семья) ⁵⁸. Посемейные справки включали место жительства, фамилию, имя, отчество, указания на родство с главой семьи, национальность, год рождения, местонахождение на момент выселения, состояние на момент реабилитации.

Таким образом, рассматриваемая проблема нашла отражение в научной литературе; в различных документах и материалах. В то же время многие документы периода оккупации Кабардино-Балкарии гитлеровцами утрачены, далеко не все имеющиеся в наличии материалы вовлечены в научный оборот, в том числе архивы Министерства внутренних дел по КБР, Управления Федеральной службы безопасности РФ по КБР, письма и воспоминания участников войны. В изучении указанной проблемы остается много не исследованных до конца вопросов, которые нуждаются в уточнении путем проведения дополнительной работы с архивными источниками. Среди них: учетно-мобилизационные мероприятия, причины ограничительной политики государства в области призыва, дезертирство и коллаборационизм в регионе, численность призванных в ряды Красной армии, людские потери, судьба военнопленных, подвиги уроженцев Кабардино-Балкарии в годы войны.

Особо следует отметить, что в историографии отсутствуют обобщающие исследования по ряду важных проблем: историческая память о войне в нарративных источниках и экранной культуре, коммеморативные практики в сохранении памяти о Великой Победе, опыт государственных и муниципальных органов власти, общественных объединений в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Примечания

1. ДАВЫДОВ И.В. «Сыны Кабарды на фронтах Отечественной войны» (Сб. статей, писем и очерков). Нальчик. 1945; КАБАНОВ А.С. Нальчик в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Нальчик — столица Советской Кабарды. Нальчик. 1950. с. 118—147.
2. История советской цензуры. Документы и материалы. М. 1997, с. 506.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 6. М. 1965, с. 105.
4. ДАВЫДОВ И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Нальчик. 1961.
5. ЖАКОМИХОВ Т.А. Народное хозяйство Кабардино-Балкарской АССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и его восстановление в послевоенные годы

- (1946—1950 гг.) В кн.: История народного хозяйства Кабардино-Балкарии. Ч. II. Нальчик. 1967, с. 97—144.
6. БУРЯКОВА Т., КАБАНЕНКО В. Воспитанники комсомола в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Боевой путь комсомола Кабардино-Балкарии. Сб. статей и воспоминаний. Нальчик. 1960, с. 43—60.
  7. БАШЛОЕВ М.Л., ИСМАИЛОВ А.И. Комсомольцы в боях за Родину. В кн.: Из истории комсомола Кабардино-Балкарии. Нальчик. 1969, с. 75—98.
  8. ЕВДОКИМОВ И. Ф. Сыны Кабардино-Балкарии в героической обороне Киева. Нальчик. 1966.
  9. ХАТУКАЕВ А.Т. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик. 1971; ЕГО ЖЕ. Славой овеянные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик. 1985; В огне закаленные. О боевых делах воинов 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик. 1995; КАТАНЧИЕВ Т.М. Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик. 1999.
  10. КАТАНЧИЕВ Т.М. Ук. соч., с. 9, 24, 32, 67.
  11. ХАКУАШЕВ Е.Т. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). Нальчик. 1978; ЕГО ЖЕ. Героизм сынов и дочерей Кабардино-Балкарии в наступательных боях. В кн.: История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 2. М. 1967, с. 259—276; ЕГО ЖЕ. Боевое братство: 1941—1945 гг. Нальчик. 1983.
  12. Боевая слава Кабардино-Балкарии: Очерки. Кн. 1. Нальчик. 1965; Кн. 2. 1966; Кн. 3. 1975; Кн. 4. 1980; Кн. 5. 1986; Кн. 6. 1994; ОПРЫШКО О.Л. Золотые звезды Кабардино-Балкарии. Нальчик. 2010; ЕГО ЖЕ. Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Нальчик. 2012.
  13. КАУФОВ Х. Орел умирает в полете. Нальчик. 1971.
  14. ЗАНКИШИЕВ Х. Сын гор — сокол Балтики. Нальчик. 1971; МИЗИЕВ Т.С. Алим Байсултанов — легенда Балтики. Нальчик. 2005.
  15. Мухажир Уммаев. Статьи, очерки, воспоминания о Герое советского Союза Мухажире Уммаеве. Литературные произведения Мухажира Уммаева. Документальные материалы. Нальчик. 2015.
  16. ЭЛЬБЕРД М. (Э. Т. Мальбахов). Набирая высоту. Нальчик. 1971.
  17. ГРЕЧКО А. А. Битва за Кавказ. М. 1969; ЗАХАРОВ Ф.В., РОМАНОВ И.В. Плечом к плечу. Повесть-хроника. Нальчик. 1962; Битва за Кавказ. М. 2002; ДАВЫДОВ И.В. Красная Армия — защитница и освободительница народов Кабарды от немецко-фашистских захватчиков. В кн.: Кабардинская АССР. Сб. статей. Нальчик. 1946, с. 351—394; ХАКУАШЕВ Е. Т. Из истории Нальчикской оборонительной операции. — Вестник КБНИИ, вып. I. Нальчик. 1968, с. 44—60; ЕГО ЖЕ. В боях за Кабардино-Балкарию (1942—1943 гг.). Нальчик. 1971; ОПРЫШКО О.Л. На Эльбрусском направлении. Нальчик. 1970; ЕГО ЖЕ. Заоблачный фронт Приэльбрусья. М. 1976; ГУСЕВ М. От Эльбруса до Антарктиды. М. 1972, гл. 3, с. 221—233.
  18. ГРУДЦИНА А.В. Кабардино-балкарские партизаны в борьбе против гитлеровских захватчиков в 1942 году. — История СССР. 1962, № 3, с. 121—133; ЕЕ ЖЕ. Партизанская быль. Нальчик. 1968; ХАКУАШЕВ Е. Т. Боевые действия партизан Кабардино-Балкарии. В кн.: В боях за Кабардино-Балкарию. Нальчик. 1971, с. 97—113.
  19. КАРДАНОВ Б.М. Память сердца. Нальчик. 1976; КАРДАНОВ К.Л. Полет к Победе. Нальчик. 1985; КАЗЬМИН М. Их звали комиссарами. Нальчик. 1968; ЕГО ЖЕ. Однополчане. Нальчик. 1972; ЛЕСЕВ В.Д. Поиск продолжается. Нальчик. 1975; НАЛОЕВ А.Х. Избранные в 2-х томах. Т. 1—2. Нальчик. 2001.
  20. История Великой Отечественной войны в двенадцати томах. 1941—1945 года. Т. 1. Основные события войны. М. 2011.
  21. КРИНКО Е.Ф., ХЛЫНИНА Т.П. История Северного Кавказа в 1920—1940 гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону. 2009.
  22. Там же, с. 55.
  23. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю., БУГАЙ Н.Ф., КРИНКО Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945. М. 2012; БУГАЙ Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30—40-х годах. — История СССР. 1989, № 6, с. 135—144; ЕГО ЖЕ. Иосиф

- Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: документы, факты, комментарии. М. 1992; ЕГО ЖЕ. Л. Берия — И. Сталину: «согласно вашему указанию...» М. 1995.
24. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю, БУГАЙ Н.Ф., КРИНКО Е.Ф. Ук. соч., с. 122, 164.
  25. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Сб. документов и материалов). Нальчик. 1975, с. 658; Книга Памяти: Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика. Т. 1—3. Нальчик. 2014—2015.
  26. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю, БУГАЙ Н.Ф., КРИНКО Е.Ф. Ук. соч., с. 236—238.
  27. Официальный сайт «Подвиг народа», <http://podvignaroda>.
  28. САБАНЧИЕВ Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик. 2008, с. 274.
  29. ОПРЫШКО О.Л. Кавалеры полководческих и флотоводческих орденов периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 28.
  30. Там же, с. 156—157.
  31. КАТАНЧИЕВ Т.М. Правда о дивизии. К истории 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Нальчик. 1999, с. 9; АККИЕВА С.И., САБАНЧИЕВ Х.-М.А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941—1957 гг.): (к 70-летию насильственного выселения балкарского народа). Нальчик. 2014, с. 9.
  32. Лики войны: Сб. документов и материалов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Нальчик. 1996, с. 58, 69.
  33. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., с. 423.
  34. БЕЗУГОЛЬНЫЙ А.Ю, БУГАЙ Н.Ф., КРИНКО Е.Ф. Ук. соч., с. 199.
  35. Лики войны..., с. 77.
  36. ХАТУКАЕВ А.Т. Славой овеванные. Боевой путь 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, с. 164.
  37. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ), ф. 58, оп. 818 883, д. 1890.
  38. ОПРЫШКО О.Л. Кабардино-Балкария в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В кн.: История многовекового содружества: К 450-летию единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик. 2007, с. 378—400.
  39. Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941—1945 (к 60-летию Великой Победы). Нальчик. 2005.
  40. БУГАЙ Н.Ф., ГОНОВ А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик. 1997; ИХ ЖЕ. Кавказ: народы в эшелонах (20—60-е годы). М. 1998; ИХ ЖЕ. «По решению Правительства Союза СССР...» Нальчик. 2003; САБАНЧИЕВ Х.-М.А. Ук. соч.; ЕГО ЖЕ. Были сосланы навечно. Нальчик. 2004; ЕГО ЖЕ. Возвращение на Родину. М. 2007; АККИЕВА С.И., САБАНЧИЕВ Х.-М.А. Ук. соч.
  41. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва к XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года. — Известия ЦК КПСС. 1989, № 3, с. 151—152.
  42. ВЬЛЦАН М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны. — Этнографическое обозрение. 1995, № 3; СИДОРЕНКО В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб. 1999; МАРЧЕНКО Г.В. Государственная национальная политика на Северном Кавказе (20—40-е гг. XX в.). Ростов-на-Дону. 2002; ПЫХАЛОВ И.В. За что Сталин выселял народы. Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? Серия Сталинский ренессанс М. 2008; СИНИЦЫН Ф.Л. Сопrotивление народов СССР депортациям. — Вопросы истории. 2011, № 2, с. 32—51; СМЕРНОВ П.А. Депортация как способ борьбы с «пятой колонной» в годы Великой Отечественной войны, www.chekist.ru; КРЕКОТНЕВ А. Погиб в бою. — Ветеран. 2009, № 10; АРЕНИН С.П. Борьба органов НКВД с бандитизмом и дезертирством в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (на материалах Северо-Кавказского региона): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 2010.
  43. Официальный сайт ОБД «Мемориал», www.obd-memorial.
  44. Официальный сайт «Воннопленные», www.voennoplennye.dokst.de.
  45. Официальный сайт «Подвиг народа», <http://podvignaroda>.
  46. Официальные сайты: ЦАМО РФ, <http://archive.mil.ru>; РГВА, <http://www.rusarchives.ru>; РГАСПИ, <http://www.rusarchives.ru>.
  47. Государственные архивы Кабардино-Балкарии. Путеводитель. Нальчик. 2005, с. 9.
  48. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
  49. Лики войны...

50. АЗАМАТОВ К.Г., ТЕМИРЖАНОВ М.О., ТЕМУКУЕВ Б.Б., ТЕТУЕВ А.И., ЧЕЧЕНОВ И.М. Черекская трагедия. Нальчик. 1994.
51. Там же, с. 165—178, 188—191.
52. ОПРЫШКО О.Л. Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 — январь 1943 года. Нальчик. 2015.
53. Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). Ч. 1—2. М. 1992—1995; Сталинские депортации. 1928—1953: Документы. М. 2005; «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» — История СССР. 1991, № 1; 40—50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД). — История СССР. 1991, 1992, № 1; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919—1952 годы. Т. 1—3. М. 1993; Депортации народов СССР (1930—1950-е годы). Ч. 1—2. М. 1992—1995; Сталинские депортации. 1928—1953: документы. М. 2005; Реабилитация репрессированных народов и граждан. Документы. 1954—1994. М. 1994; Реабилитация народов России: сб. документов. М. 2000; Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3-х томах. М. 2000—2003 гг.; Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944—2001: Документы, материалы, комментарии. Нальчик. 2001; Час испытаний: депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа: (документы и материалы). Нальчик. 2001; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность: Сб. документов. Нальчик. 2000.
54. ХАКУАШЕВ Е. Т. Письма огненных лет. Нальчик. 1989; Потомкам на память: Сб. очерков и воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Нальчик. 2000 и др.
55. Книга Памяти: Российская Федерация. Кабардино-Балкарская Республика. Т. 1. Нальчик. 2014; Т. 2. 2015; Т. 3. 2015; Т. 4. 2016.
56. Официальный сайт Поискового отряда «Мемориал-Эльбрус»: <https://www.rusprofile.ru/id/9394806>; официальный сайт КБР РИА новости: <http://kbrria.ru/mneniya/s-vershinyevgoru-zvuchit-eho-voynu-7685>.
57. ГУРТУЕВ Р.С. Память и слава. — Кабардино-Балкарская правда. 6 мая 2015 г., № 79(24121)
58. ТЕМУКУЕВ Б.Б. Спецпереселенцы: В 4-х частях. Нальчик. 1997.

Войтиков С.С. *Центральный Комитет. Высшее партийное руководство от Ленина и Плеханова до Хрущёва. 1898—1964*. М. Центрполиграф. 2019. 735 с.

В юбилей гражданской войны 1917—1922 гг. в России С.С. Войтиков, автор серии монографий и других публикаций по истории зарождения и развития советской политической системы, в своем новом исследовании констатировал, что в современной историографии происходит комплексное переосмысление истории Российской социал-демократической рабочей (большевистской, коммунистической) партии (с. 42). В рецензируемой монографии он поставил масштабную научную задачу — комплексное изучение эволюции высшего руководства Центрального Комитета (Центрального Органа, Совета Партии) РСДРП-РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС со времени оформления РСДРП до периода лидерства Н.С. Хрущёва и раннего Л.И. Брежнева.

В развитие исследований своих непосредственных предшественников — Ю.Н. Жукова¹ и О.В. Хлевнюка² — Войтиков уделил особое внимание «узким руководящим группам вождей в рамках Центрального Органа и Центрального Комитета Российской социал-демократической, затем большевистской — коммунистической партии в 1898—1964 гг.: от Плеханова и Ленина до ликвидации четвертого «коллективного руководства» Хрущёвым и снятия с поста самого Хрущёва» (с. 42). Верхняя черта хронологических рамок книги Войтикова — 1964 г., хотя в издании уделено

определенное внимание и времени «раннего Брежнева».

Автор провел краткий анализ научной литературы (с. 43—46) и подробный анализ источников (с. 46—71) по выбранной проблеме. Следует заметить, что источниковая база исследования обширна и разнообразна, что характерно для трудов автора в целом. Войтиков использовал как традиционные источники (стенограммы съездов и конференций, труды партийных вождей, мемуары и др.), так и документы пяти федеральных и региональных архивохранилищ: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) и Центрального государственного архива Московской области (ЦГА МО). Всего в работе проанализированы материалы свыше 40 фондов указанных архивов.

Автор монографии доказывает, что «единство партии» (выражение из названия резолюции X съезда РКП(б) 1921 г.) «во все времена держалось лишь на желании рядовых партийцев сохранить единство действий» и на факте, что оппоненты внутри российской социал-демократической (большевистской) партии «относились все-таки лучше друг к другу, чем к представителям иных партий (или тем более,

до падения монархии, бюрократическому аппарату “гнилого самодержавия”) или мировому империализму» (Послесловие, с. 631). Данное положение, помимо текста самой книги, автор подкрепил двумя цитатами: из выступления «отца русского марксизма» Г.В. Плеханова на Объединительном съезде РСДРП 1906 г.: «... при всех своих разногласиях наши две фракции все-таки ближе друг к другу, чем к кому-либо из тех, кто стоит вне рядов нашей партии...»; и из сочинения старого большевика Г.И. Мясникова 1921 г.: «Да, у нас есть разногласия, но мы спорим сами знаете о чем... Как всем вашим господам (т.е. буржуазии всего мира) вернее набить морду, без лишних жертв. А что вам морду надо набить — в этом у нас разногласий нет...» (Послесловие, с. 631—632).

Войтиков убежден: «Внутрипартийные дискуссии подогревались постоянными конфликтами в руководящем партийном ядре: поколенческими (Г.В. Плеханов — В.И. Ленин, В.И. Ленин — Н.И. Бухарин, затем Я.М. Свердлов и их соратники; В.М. Молотов, Л.М. Каганович — “молодые”... цекисты) и, если так можно выразиться, социальными: “дрязгами между заграничниками и работниками в России”, противостоянием “литераторов”-эмигрантов и “практиков”-нелегалов, эволюционировавшим после установления монополии ленинской партии на политическую власть и победы большевиков в Гражданской войне в попытку “корпорации хозяйственников” отстоять свое место в высшем руководстве РКП(б) у... “корпорации литераторов”» (с. 632). Эту идею автор отстаивает на протяжении всего повествования, и нельзя не признать, что он приводит серьезные доказательства своих выводов.

В ходе всей истории РСДРП-РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС в руководящем ядре партии, несмотря на наличие Цен-

трального Комитета (Центрального Органа, Совета Партии), по мнению Войтикова, «коллективное руководство» как таковое отсутствовало, поскольку все вопросы решали узкие группы вождей. Автор пишет, что «подлинная... история высшего руководства РСДРП-РСДРП(б)-РКП(б)-ВКП(б)-КПСС представляет собой фактически историю узких, по сути своей фракционных, групп вождей во главе с одним, двумя, тремя и более лидерами. В первом варианте (Плеханов, Ленин, Сталин в определенные периоды их политической деятельности) налицо было единоличное решение вопросов; неизбежным следствием второго (Плеханов и Ленин, Ленин и Свердлов, Зиновьев и Сталин, Сталин и Бухарин, Берия и “коллектив”, Маленков и Хрущёв, Молотов и Хрущёв) была ожесточенная внутрипартийная борьба; большее число реальных лидеров (Ленин и Плеханов — Мартов, Мартынов и Аксельрод), которое в истории партии было явлением уникальным, имело следствием раскол РСДРП на две партии. Узкие фракционные группы, *решавшие* в партии *все*, имели тенденцию к формализации и включению в качестве составных частей в партийный механизм» (с. 636).

Наряду с несомненными достоинствами в книге есть и отдельные недостатки. Так, при изучении конфликта внутри руководства большевистской фракции 1905—1909 гг. Войтиков пользовался, главным образом, материалами партийных съездов и конференций, а также неопубликованными источниками. Вместе с тем, он совершенно не привлекал ни воспоминаний Л.Б. Красина³, ни работу о нем известного американского исследователя Т. О’Коннора⁴.

Автор не в полном объеме изучил имеющуюся исследовательскую литературу по организации власти в годы Великой Отечественной войны — прежде всего, 11-й том фундаментального много-

томного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов», который посвящен проблемам осуществления непосредственного политического и стратегического руководства страной и Вооруженными силами в эти годы, формирования системы постоянного стратегического планирования, учета стратегических изменений, преемственности стратегических планов⁵. Возможно, следовало бы больше использовать наработки М.А. Гареева⁶ и Ю.Н. Жукова⁷ по истории партийно-государственного механизма СССР того периода.

Указанные недостатки не снижают общее положительное впечатление от монографии, которую нельзя не признать значимым событием в изучении истории большевистской партии и ее руководящего ядра.

Представляется, что работа Войткова имеет значимость не только для историков и специалистов по партийной истории, но и для политологов, политтехнологов, государственных деятелей. Из содержания книги современные партийные лидеры могут вынести уверенность в необходимости целенаправленной ротации руководящих кадров и изменения социального состава партии (с. 627), активности и сознательности выдвиженцев, конкуренции политического и «технического» руководства партии; они скорее всего оценят пагубность привычки партийцев ожидать распоряжений сверху, которая может возникнуть в результате подавления инициативы и самостоятельности из-за излишней опеки, осознания в полном объеме значения контрольных органов.

Для военно-политической элиты России могут представлять интерес сюжеты монографии, связанные с политической деятельностью Маршала Советского Союза Г.К. Жукова,

дважды выведенного из состава ЦК партии, а также местом армии и спецслужб в борьбе за Власть и / или сохранение всей ее полноты вождями.

Книга важна для российского общества в целом, поскольку затрагивает актуальные проблемы отношения к отечественной истории, в том числе оценки роли и места в истории государственных деятелей прошлого. Автор наглядно продемонстрировал некоторые аспекты проблемы на примерах 1959 г. (рассказ И.С. Исакова «Крестины кораблей», именные наименования объектов, с. 598—599) и 1969 г. (отклики рабочих разных поколений на статью к 90-летию Сталина, объективность оценки исторической личности, ее возвращение в политическую реальность, с. 620—622).

Уверен, что знакомство с монографией представителей высшей государственной власти России и партийного руководства может не только вдохнуть новую жизнь в высказывание Красина 1923 г. «Верхи нашей партии до сих пор построены так, как это было два десятка лет назад...», но, главное, — обеспечит продолжение начатой с 1953 г. эпохи, когда потеря Власти уже не означает потерю Жизни (с. 642).

В.Г. КИКНАДЗЕ

(докт. ист. наук, гл. редактор журнала «Наука. Общество. Оборона», академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук)

Примечания

1. См., напр.: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М. 2003.

2. См., напр.: Хлевнюк О.В. Хозяин. М. 2010.

3. Красин Л.Б. Дела давно минувших дней (Воспоминания). М. 1934.
4. О'Коннор Т.Э. Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики, 1870—1926. М. 1993.
5. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12-и томах. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство страной и Вооруженными силами СССР в годы войны. М. 2015.
6. См., напр.: Гареев М.А. Маршал Жуков. М.-Уфа. 1996; ЕГО ЖЕ. Полководцы Победы и их военное наследие. М. 2003.
7. Жуков Ю.Н. Тайны власти. М. 2005.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **G.A. Grebenshchikova**. Saint-Petersburg — Paris — Constantinople in outlook of Foreign and Sea policy in 1791—1796. Contributions: **S.Yu. Kargapoltsev, I.Yu. Lapina**. New Palace in Peterhof of Alexandria as the private cottage of Emperor Nicholas II: the past and the present; **M.N. Kozlov**. To the question of the Old Russian priestly statute; **N.E. Karimova, Zh.M. Tulibayeva**. The Chinese and Timurid sources on the relationships between China and the Central Asia at the end of the XIV — the first quarter of the XV centuries. For teacher of history: **V.O. Terentev, E.A. Terenteva**. The ship-repair yard «Tosmare» and its workers' battalion before and in the beginning of the Great Patriotic War. International scientific cooperation: **E.A. Aslanova, S.R. Bagirova, T.G. Behbudova**. The main directions of the co-operation between the Republic of Azerbaijan and Russian Federation Republic of Dagestan. Peoples of Russia: **Z.E. Dzhioeva**. Skifo-Alan genealogy of Genghis Khan. Diplomacy in history: **R.Yu. Boldyrev, G.S. Ragozin**. Anti-Napoleon mobilization and forming a unified empire image in Austria between 1808—1809: the case of newspaper «Vaterländische Blätter für den Österreichischen Kaiserstaat». People. Events. Facts: **V.N. Vassilieva, L.N. Lobchenko**. Historical analysis of dealing with neglected and homeless minors in Russia, XVI—XX centuries; **K.V. Korsakov**. The initial forms of criminal punishment in the history of the Ancient World; **A.M. Ibragimov**. The policy of Shah Abbas I in Derbent. From history of religions: **V.A. Akhmadullin**. The activities of the Council on religious cult affairs in the field of studies on foreign Islam in the first post-war decade. Historiography: **A.I. Tetuev**. Historical memory of the Great Patriotic War of 1941—1945 (on the example of Kabardino-Balkaria). Reviews on books: **S.S. Voytikov**. Central Committee. Higher Party leadership from Lenin and Plekhanov towards Khrushchev. 1898—1964 (by V.G. Kiknadze).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 7, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.06.2019. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0018-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»
Подписной индекс для подписчиков
70145**

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**